

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

Ш О В Ъ С Т И
И
РАЗСКАЗЫ

ПЕТРА СУМАРОКОВА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

**ВЪ ТИПОГРАФИИ ЛАЗАРЕВЫХЪ
ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.**

1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ , чшобы по ошпечатаніи пресставлены были въ Цензурный Комитетъ при экземпляра. Москва , Апрѣля 10 дня 1833 года.

Цензоръ Л. Цвѣтаскѣ.

КОКЕТСТВО И ЛЮБОВЬ.

КОКЕТСТВО И ЛЮБОВЬ.

О женщины, женщины! кто вас поспягнетъ!.

(Воскличаніе не помню чье.)

1.

ГРАФЪ СЛАВСКІЙ КЪ СВОЕМУ ДРУГУ.

Наконецъ я на родинѣ! — Но не радуйся за меня, мой другъ: я не нашелъ здѣсь того счастія, которое ожидалъ найти. Знаю, что послѣ того непрерывнаго, съ какимъ я желалъ ѣхать въ опшускъ, послѣ нѣхъ разговоровъ съ побою, въ которыхъ съ такимъ восхищеніемъ описывалъ я

Людмилу, тебѣ кажется это странно; но что дѣлать? Человѣкъ на то созданъ, чтобы безпрестанно обманываться въ своихъ надеждахъ! Слушай, мой милый, и горюй вмѣстѣ со мною.

Въ пятый день послѣ нашей разлуки (ты можешь представить себѣ, что я не жалѣлъ денегъ ямщикамъ на водку), часа въ три послѣ обѣда, я увидѣлъ мѣсто, къ которому спремился душою. Еще издали блеснулъ крестъ сельской колокольни, и изъ за обнаженной рощи показалась бѣлая, покрытая снѣгомъ кровля, подъ которой жили существа мнѣ любезныя. Сердце мое сильно забилося; сладкія воспоминанія наполнили душу; и три года онеуспѣвія, казалось, совершенно исчезли въ моей жизни... Пріятно возвращишься на родину, когда надѣемся намъ найти людей близкихъ и милыхъ намъ: мать, сестру, и еще кого нибудь, кто, по

сильному закону природы, милѣе для насъ самыхъ кровныхъ; но какъ-же и грустно въ самомъ эпюмъ челоуѣкѣ увидѣшь перемѣну! Ты удивляешься еще больше? Какъ быль: эпо моя учась!

Глядя на знакомые мнѣ предметы, вспоминая прошедшее, и съ шемнымъ волненіемъ угадывая будущее, я подѣхаль къ родному порогу. Колокольчикъ заспавиль въспрепенуться домашнихъ; кто бросилъ на лѣспницу, кто къ окошкамъ; въ одну минушу разнеслось по дому, что я прѣхаль, и множество радостныхъ лицъ выбѣжало ко мнѣ на встрѣчу. Но я по какому-то чувству медлиль выходиль изъ саней... Знаю, что Людмила никакъ не могла (еслибъ даже и хопѣла) встрѣшилль меня у крыльца; но кажешя сердце мое, вопреки разсудку, эпого желало. Наконецъ, я опомнилъя; однакожь по лѣспницѣ

шелъ очень тихо — все какъ будто-бы чего-то ожидая. Въ сѣняхъ встрѣтила меня спаршая сеспра. «Чего-бы лучше, вмѣстѣ съ нею!» — подумалъ я; но ея все не было и мнѣ рѣзало сердце, какъ ножами. Добрая сеспра подумала, что я болѣнь, и я въ самомъ дѣлѣ сказалъ, что измучился опъ дороги. Рука въ руку, вошли мы съ ней въ залу. Манушка заплакала опъ радости, увидѣвъ меня. Людмила, казалась, шакже была пронута; я подошелъ къ ней; рука ея дрожала, щеки вдругъ загорѣлись. Тупъ мнѣ спало полегче, но только на одну минушу.

Послѣ первыхъ объяній, вопросовъ и опвѣповъ, обыкновенно бывающихъ при свиданіи, мы наконецъ поуспокоились и усѣлись. Манушка спрашивала о моей службѣ, радовалась, что я произведенъ въ Корнеты, и, какъ водникся, любовалась мной. Одна Люд-

мила не принимала участія въ разговорѣ. Во все время она была молчалива и задумчива; тысячу разъ собирался я заговорить съ ней, но никакъ не собралъ духа. Казалось, что какая-то пайная грусть лежитъ у ней на сердцѣ. Но неужели свиданіе со мною не могло развеселить ее, хоть на нѣсколько времени? Неужели она въ эту минуточку могла думать о чемъ нибудь другомъ?

Не ужасно-ли, послѣ прехъ-льпнней разлуки, въ первые два часа свиданія, не слышать ни одного слова, не видеть ни одного взгляда любви, оптьшой, копорюю и только и жить эти при длинныя года, и копорюю жить буду, кажешся, цѣлый вѣкъ? Ты скажешь, что присупствіе другихъ мѣшало ей. Ахъ! другъ мой, какъ ты ошибешься! Развѣ не было у насъ прежде языка, понятнаго только намъ однимъ, и копорымъ могли говорить мы въ

присутствіи тысячи свидѣтелей? Нѣтъ, я вижу ясно перемену ужасную! Съ какою милою радостью, бывало, вспрѣчала она меня всякое утро, всякой разъ, когда я входилъ въ комнату! однимъ взоромъ высказывала мнѣ всѣ чувства души своей. Тогда она была такъ близка ко мнѣ; казалось, я одинъ замѣнялъ ей друзей, семейство, цѣлый міръ!... А теперь мы такъ чужды, такъ далеки другъ отъ друга, какъ бы все еще были за тысячу верстъ, копорыя я проѣхалъ.

За ужиномъ, я хотѣлъ занять мое прежнее, всегдашнее мѣсто — подлѣ нея; но она посадила на свой стулъ десятипятипую сестру мою. «Сядь, миленькая, возлѣ брата», сказала она, «ты давно его не видала.» Малышка исполнила это съ дѣтской радостью, и я поцѣловалъ ее съ такимъ чувствомъ, какъ будто желалъ опмѣнить нѣмъ Людмилѣ. . . . не спрашно-ли

сердце влюбленнаго!.. Наконецъ, наступила минута, копорой я ждалъ и боялся. Послѣ ужина, Машушка и старшая сестра вышли, и мы съ Людмилой остались въ гостиной одни. Сердце мое сильно билось. Людмила сидѣла усмиривъ взоръ на работку, копорая, какъ мнѣ казалось, дрожала въ рукахъ у нея; я ходилъ по комнатѣ, не могъ выговорить ни слова, и не зналъ, чѣмъ начать разговоръ. Между тѣмъ маленькая сестра играла въ залѣ съ собачкой. Желая прекратить молчаніе, и не придумавъ ничего лучшаго: «Счастливыиъ возрастъ,» сказалъ я, посмотрѣвъ на сестру «какъ-бы я хотѣлъ вернуть его! Даже хотѣлъ бы только вернуть послѣдніе три года моей жизни!»

— Я сама завидую дѣтямъ, опивчала Людмила, не поднимая глазъ и какъ-бы не слыхавъ послѣднихъ словъ моихъ. — Тогда сердце не знаетъ

принужденія. Но — прибавила она вздохнувъ — сколько-же и глупоспей дѣлаемъ мы въ это время! — Я хотѣлъ продолжать, хотѣлъ высказать все, что у меня лежало на сердцѣ; но вдругъ вошла мапушка и помѣшала намъ. Мнѣ спало еще грустнѣе. Я не слыхалъ что говорю, не понималъ о чемъ меня спрашиваютъ, опивчалъ не въ попадѣ и, наконецъ, сказавъ, что усталъ отъ дороги, поспѣшилъ уйти въ свою комнату, чтобы на свободѣ подумать обо всемъ мною видѣнномъ и съ горя написать къ себѣ.

Я все ожидалъ, что Людмила, по крайней мѣрѣ въ эту минушу, когда мы освободимся на свободѣ, обнаружитъ чувства свои; но она не удостоила меня даже и взглядомъ. . . сказала только какой-то логогрифъ, котораго я не понимаю. Жалѣя о прошедшемъ, она называетъ вмѣстѣ съ нѣмъ преж-

ніе поспунки свои глупоспяи — по крайней мѣрѣ я пакъ догадываюсь изъ словъ ея — опъ чего-же эпо? . . Но я пакъ смущень, распроень, упомлень, чпо ничего шенерь не могу сообразить хорошенько. Завпра буду продолжашь письмо мое и, можетъ бышь, чпо нибудь узнаю....

Тревожимый думами и догадками, перевернувшись разъ сно съ боку на бокъ, я заснулъ наконецъ вчѣра, но сонъ мой походилъ на горячку, а пробужденіе было пакъ горесивно, чпо я не зналъ, куда мнѣ дѣваться. Въ домъ всѣ еще спали; я пошелъ бродить, и чпообъ чѣмъ нибудь заняшь себя, вздумалъ посмопрѣшь мапушкиныхъ лошадей и экипажи. Вхожу въ сарай и первый предметъ, попавшійся мнѣ въ глаза, была карена, въ копорой мы ѣздили въ Пенсербургъ и привезли съ собою Людмилу, когда мапушка взяла

ее изъ пансіона. Въ эпой карепѣ началась любовь наша, и при взглядѣ на нее, всё подробносипи счаспливаго времени оживилнсь въ душѣ моей. Какъ сильна, мой другъ, какъ прелесипна первая любовь! Чпо значапѣ, въ сравненіи съ нею, всё глупыя волокипсшва и несчетныя побѣды нашихъ записныхъ удалцовъ въ эпомъ ремеслѣ? Испинная любовь моженѣ сущеспвовапѣ въ сердцѣ одинѣ только разѣ, и я скажу съ любимымъ моимъ поэмомъ :

Но вы, живыя внечапльня,
 Первоначальная любовь,
 О, первый пламень упоенья!
 Не прилемаете вы вновь.

Никогда не забуду я блаженныхъ минуиѣ, конюрьи досипавила мнѣ эша дорога! Мы снѣбли съ Людмилой шакъ близко, чпо каждый шолчекъ, каждая качка карены невольнѣ заспавляли

насъ касаться другъ друга, и онъ всякаго прикосновенія электрической ударъ пробѣгалъ по мнѣ. Я видѣлъ, что эти удары сообщались и ей. Легкій румянецъ игралъ на щекахъ ея и грудь волновалась.... Одинъ разъ, когда мы ѣхали ночью, мапушка и сестра заснули, но я— могъ-ли я спать? Голова моя пылала, сердце сильно билось. Я осмѣлился взятьъ руку Людмилы; сначала чуть касаюсь ей, потомъ пожимаю, потомъ прикладываю къ губамъ и осыпаю милую ручку поцѣлуями... Людмила мнѣ не пропивилась, не отнимала руки своей и казалась спящею; но я видѣлъ, что она не спитъ: сильный прерывъ и невольный сладкій вздохъ измѣнили ей... Вошь каковы женщины! Если Людмила, сама невинность, умѣла въ пятнадцатъ лѣтъ припворяться, чегожь нельзя послѣ этого ожиданъ отъ другихъ?

Прѣхавши, я напомнилъ ей эту

ночь и узналъ, что она сама съ удовольствіемъ вспоминаетъ о ней. Не было ли это яснымъ признаніемъ любви? Съ тѣхъ поръ въ самомъ дѣлѣ сердца наши совершенно понимали другъ друга, чувства наши слились въ одно.

Правда, что я никогда не осмѣливался сдѣлать ей объясненія по формѣ (ты знаешь какъ въ 17 лѣтъ бываемъ мы робки съ женщиной, которую любимъ). Но неужели, чтобы удостовериться въ любви взаимной, должно непременно съ коленопреклоненіемъ, пономъ псалмального героя объявить спросъ свою? Нѣтъ, мнѣ кажется, истинная, пылкая любовь предупреждаетъ всякое объясненіе и безъ словъ высказываетъ себя, въ самую ту минуту, когда рождается въ сердцѣ.

Сообразивъ все это и такъ живо вспомнивъ прошедшее, я опять началъ

было надѣяшься , что вчерашняя холодность Людмилы была принужденная и происходила, можетъ быть, отъ застѣнчивости; однакожь и нынче, въ продолженіе цѣлаго дня, видѣлъ все тоже. Людмила переспала любить меня! я почти въ эпомъ увѣрился. Она такъ холодна ко мнѣ, какъ ледъ, и равнодушіе ея несноснѣе для меня самой ненависти. Кажется, какъ будто я не существую для нее совершенно и ей все равно, здѣсь ли я, или нѣтъ, живъ, или умеръ... Такую-ли встрѣчу ожидалъ я найдти? Думалъ-ли такъ жестоко обмануться? . . . Неужели то, что я считалъ любовью было одно только кокетство? Не возможно! Въ пятнадцатилѣтнѣе лѣтъ не лзя знать эту науку такъ понко.

Я бросаюсь изъ одной крайности въ другую: то начинаю думать, что она спала слишкомъ горда, узнавъ цѣну своимъ прелестямъ, (правда,

что она удивительно похорошѣла и расцвѣла, какъ пышная роза), и считаешь меня недоспойнымъ своего выбора; но приходишь мнѣ въ голову, что излишняя скромность напоминаетъ ей разность нашихъ соспояній. Но въ первомъ случаѣ говоришь въ мою пользу — между нами будь сказано — самолюбіе, во второмъ — она знаетъ образъ мыслей моихъ; словомъ, чѣмъ больше я думаю, тѣмъ меньше понимаю ее. Кажется даже, что она убѣгаетъ случаевъ бытъ со мною наединѣ.

Но я добыюсь этого, во чтообъ по ни спало, буду говоришь съ ней откровенно, объясню мои чувства, мысли, намѣренія; напомню прошедшее и тогда — или возвращу его, или провалюсь сквозь землю. —

2.

КАШИГАНЪ ШМИГЪ , КЪ СВОЕМУ БРАТУ.

Давно, любезный брагъ, я не писалъ къ тебѣ, да и, правду сказаць, писаль было нѣкогда. Мы цѣлые полгода прогуливались, шо на работу дорога, шо въ караулы, и не болѣе мѣсяца какъ оснановилсь на зимнихъ квартирахъ. Теперь, отдохнувь оупь шрудовъ, поуспроившисъ и пооглядѣвшисъ, пользуюсь свободнымъ временемъ и хочу поговориць съ тебой.

Здѣсь споляць намъ довольно весело. Ты знаешь, что насъ военныхъ вездѣ любяць и принимаюць, какъ не лзя лучше; а въ здѣшнемъ округѣ множесиво помѣщиковъ, и хорошенькихъ дѣвушекъ, что шакъ-же имѣеть свою

пріятность. Правда, чпо я никогда не былъ волокитой, но это опть того только, чпо до сихъ поръ не находилъ дѣвушки по своему нраву. Польки казались мнѣ слишкомъ выпрены и обхожденіе ихъ всегда меня заспавляло краснѣнь; въ Русскихъ барышняхъ пакъ-же немного проку: всѣ почпи онѣ слишкомъ распочипельны, любящъ наряды и совсѣмъ не хозяйки. А я желалъ-бы, чпобъ жена моя не совѣспилась сходить въ кухню и умѣла-бы приготопить бирь-супъ и гуся подъ капустой. Припомъ же многія изъ нихъ очень насмѣшливы, а я смерпъ не люблю насмѣшекъ. По этому-то я и не думалъ о женщинахъ, занимался только службой и ропой моею, и не иначе располагалъ женишься, какъ возвратившись въ Ревель, на какой нибудь доброй и скромной нашей землячкѣ.

Теперь вдругъ мысли мои перемѣ-

нились и весь планъ пошелъ къ чорпугу. Служба не занимаесть меня, ропъ мнѣ надоѣла, одна мысль о семейственномъ счастьи вершилася безпрестанно въ головѣ моей; и желаніе имѣть поскорѣе жену шакъ во мнѣ усилилось, чпо я даже говоря съ фельдвѣбелемъ, называю его: душенька и жизнь моя. А все это опъ шого, чпо я увидѣлъ здѣсь дѣвушку, какой еще никогда не видывалъ: милую, добрую, прекрасную — и по уши влюбился въ нее, не смощря на то, чпо она Русская.

Верспахъ въ шеспи опъ моей кварширы, въ прекрасномъ помѣшьи своемъ живенъ нѣкну — Графиня Славская, вдова не шакъ еще старая, у коной сынъ (онъ служилъ въ гусарахъ) и двѣ дочери: одна невѣста, а другая дѣвочка лѣтъ десяти. Старшая дочь прекрасна, но оная шакъ мнѣ не годишя: во первыхъ пошому, чпо черезъ

чурь богата и слѣдственно въ замужствѣ будешь разборчива; а во вѣпорыхъ такъ насмѣшлива, что я всегда держу себя опъ нсе на благородной диспанціи. Но у Графини живешь еще воспитанница, Людмила Павловна Лидина. Опець ея былъ какой-то чиновникъ, копорый ходилъ по дѣламъ покойнаго Графа, и припомъ былъ такъ честень, что умеръ не оставивъ дочери ни копѣйки. Графиня взяла ее изъ пансіона, куда опець ея при жизни опдалъ, воспитала вмѣстѣ съ своей дочерью какъ нельзя лучше, и даешь ей въ приданое 20000. Эпа дѣвушка при всѣхъ своихъ прелеспяхъ имѣетъ прекрасную душу, и на ней-то именно я хочу жениться. Самъ однакожь я объяснишься съ ней не рѣшусь, а думаю прежде сдѣлашь предложеніе Графинѣ, чрезъ одну знакомую мнѣ даму, копия и увѣренъ почти, что Людмила мнѣ не откажетъ. Богатство ея не огромно, родословнымъ деревомъ она такъ-же

похваспашь не можешь , слѣдспвенно я для нее женихъ кошъ куда. Прадва, чшо грѣхъ и мнѣ похваспашь красопою; но за шо мой Капшпанскій чинъ, соспояніе и мундиръ— шакіе магншпы для сердца женщины , кошорые заспавляюпть забывашь все прочее. Я испыпашь эшо недавно : невѣспа, еще гораздо познашнѣе дѣвнцы Лидиной , сама навязывалась мнѣ на шею.

Не далеко опъ Графшнн живешь двоюродный брапъ ся мужа, шакъ-же Графъ Славскій, спарикъ, едва передвнгающій ноги, съ женой и съ шремя дочерьми. Средняя изъ ннхъ Аглайда, очень не дурна собою: блонднка , съ большими голубыми глазами , съ воспренькимъ носкомъ, вздернушымъ вверхъ, съ русыми кудрями, мягкими какъ шелкъ , и съ премнленькимъ алымъ рошнкомъ, словомъ красопка. И эпа-шо красопка — повѣршшь-ли — нзволила въ меня влюбшшься... Одна-

кожъ я успоялъ прошивъ искушенія и предпочель ей Людмилу. Тебѣ вѣрно покажется спранно, почему я Графиню промѣнялъ на дѣвушку незнапной породы? Эпо опть того, что Ея Сіяпельство показалаь мнѣ слишкомъ бойка и лукава, и я увѣренъ, что мужъ ея скоро послѣ сваньбы попадетъ въ рогоносцы; а по моему, эпо не шакая бездѣлица какъ многія думаютъ.

Вольное обращеніе Аглаиды даже иногда меня смущаетъ; впрочемъ мнѣ пріятно бытъ съ ней, и я часпо къ нимъ ѣзжу. Сеспры ея такъ-же дѣвушки любезныя, только воспитаны на пошь-же покрой. Машъ ихъ вовсе не занимаешя ими и даетъ полную свободу привлекашь къ себѣ обожапель, надѣясь, можетъ бытъ, эшимъ средспвомъ скорѣй сбывъ ихъ съ рукъ безъ приданаго, копорато опецъ имъ немного оставилъ. По всему эшому

ты можешь судить, что я гораздо буду счастливѣе съ Людмилой, нежели съ копорой нибудь изъ эпихъ Графинь, и что я умѣлъ согласишь любовь съ разсудкомъ. Прощай! надѣюсь скоро увѣдомишь тебя о помолвкѣ.

3.

Людмила къ своей подругѣ.

Онъ здѣсь, моя милая, онъ пріѣхалъ! Я могу видѣть его, говоришь съ нимъ, восхищаешься глядя на него! Если-бъ ты видѣла, какъ онъ хорошъ, какъ благородень! Зачѣмъ я не могу показати его тебѣ и гордишься моимъ выборомъ?... Но что я сказала! Радость свиданія съ нимъ сдѣлала меня безумной, заспавнила забышь, что меня ожидаютъ въ будущемъ однѣ горькія слезы и шоска безопрадная!...

Ты знаешь, съ какимъ неперпѣніемъ ждала я его. Думала-ли я, чпо эша минуша будешъ для меня шакъ горестна! Все время разлуки съ нимъ я жила однимъ воображеніемъ. Засыпала, думая о немъ, пробуждалась съ шюю-же мыслию. Въ самыхъ сновидѣніяхъ одна любовь мечпалась мнѣ. Я была счастлива, и не хощѣла проникнуть въ будущее, не умѣла поспигнуть, чпо эша любовь должна оправить всю жизнь мою! . . . Но ты не понимаешь меня. Выслушай-же и пожалѣй обо мнѣ.

Дни за шри до прїѣзда Графа, еидя съ Графиней и сестрой его; мы разговорились о немъ. Графиня сказала, чпо онъ долженъ скоро прїѣхать. Сердце мое забилося опъ радости и я никакъ не воображала, чпобъ разговоръ, начало котораго было шакъ прїятно для меня, могъ кончиться смертнымъ моимъ приговоромъ.

Рѣчь зашла о службѣ и мало по малу склонилась на Гренадерскій полкъ, копорый споншь здѣсь. Мы судили объ офицерахъ; Юлія забавляла насъ своими крипическими замѣчаніями на бѣдныхъ гренадеровъ, изъ копорыхъ многіе вздыхаюшь глядя на ея прелестное личико.

«Знаешь-ли ты, Людмила, Капитана Шмица?» спросила меня наконецъ Графиня.

— Я его видѣла разъ пять.

«Каковъ онъ тебѣ кажется?»

— Я глядѣла на него совершенно безъ замѣчанія, и попому ничего не могу сказать вамъ.

«Можно ли глядѣшь безъ замѣчанія на эшого чудака — подхватила Юлія — съ его журавлиными ногами, огром-

нымъ носомъ и любимой пословицей : *признаюсь* , копорую онъ говоришь ко всякому слову , попирая себѣ руки , какъ будио онъ у него вѣчно зябнушь.»

Онъ очень добрый человекъ — сказала Графиня съ видомъ нѣсколько недовольнымъ.

«Я объ эпомъ не говорю ни слова , машушка ; развѣ длинный носъ мѣшаешь кому нибудъ бышь добрымъ человекомъ ? »

— Ты очень насмѣшлива , Юлія , и иногда совсѣмъ не у мѣспа. Ты не оспавишь ни одного человека безъ шого , чшобъ не опыскашь въ немъ какого нибудъ недоспапка. Эпа спрасшь насмѣхаешься мнѣ очень не нравишься. Развѣ могушь бышь люди совершенные? Ты еще сама не узнала , каковъ будешь у себя мужъ — прибавила она улыбувшись.

«О, вѣрно ужъ лучше Шмица!»

— Если полько лицемъ , такъ это еще немного. Я говорю тебѣ , что Шмицъ добрый человекъ.. Онъ командуетъ ротой , исправенъ , хорошаго поведенія , любимъ своими поварищами , однимъ словомъ : можетъ быть прекраснѣйшимъ мужемъ , вопреки своему сужденію. И я бы не совѣтовала пренебрегать такимъ женихомъ , особенно двушкамъ безъ соспоянія. Тутъ Графиня взглянула на меня , и я задрожала , какъ въ лихорадкѣ.

«Развѣ , мапунка , Шмицъ такъ богатъ?» спросила Юлія , успремивъ на нее приспально взоръ и не замѣшивъ ни взгляда ея , ни моего смущенія.

— Видно богатство такой палисманъ , который и на тебя дѣйствуетъ? Но успокойся : онъ не милліонщикъ , а имѣетъ порядочное соспояніе.

«Напрошивъ , богатство меня совсемъ не прельщаетъ. И еслибъ Шмиппъ былъ впрое богаче Персидскаго Шаха, по и тогда не могъ бы бытъ моимъ мужемъ , со всей его доброю и прекрасными качествами. »

— Почему-же? —

«Попому... попому, что онъ очень похожъ на гуся. »

Эпошъ опивъшъ, сдѣланный съ притворнымъ просподушiemъ , заставилъ насъ засмѣяться.

— Но скажите , мапунка , продолжала Юлія, опъ чего вы такъ хорошо знаете и дѣла и добродѣтели Шмиппа? Я подозреваю, не хочеть-ли онъ сдѣлать мнѣ честь , предложивъ свою руку и сердце; и не эпо-ли васъ заставило обо всемъ такъ подробно развѣдать? —

«Нѣтъ, милая, ны ужь опоздала.»

— Чпо вы хопните эпимъ ска-
зашь? —

«То, чпо выборъ его ужь сдѣланъ.»

— Неужели! Кто-же эпа счастливая
соперница? копорой однакожь я не
слишкомъ завидую.

«Ты ее очень хорошо знаешь.»

Тутъ я и Юлія оставили работу и
успремили глаза на Графиню.

— Ради Бога, мапушка, не мучьше
меня. Я неперпѣливо хочу знать,
кто-бы эпо шакая? .. Ужь не Пыш-
кина-ли? (Эпа Пышкина дѣвушка лѣтъ
въ 40, очень безобразная собою.) Въ
шакомъ случаѣ я опдаю справедли-
вость вкусу Г-на Шмина и согла-
шаюсь, чпо онъ не могъ для себя вы-
бранъ лучшей пары.

«Повпоряю тебѣ, Юлія, что твои вѣчныя насмѣшки несносны, сказала съ сердцемъ Графиня. Вкусъ Шмипа совсѣмъ не такъ дурень, какъ ты думаешь; выборъ его палъ на твою подругу.» Тупъ она указала на меня.

Юлія сначала подумала, что это шулка; выпаращила глаза на мать свою и хотѣла засмѣяться; но видя, что она говоритъ не шуля, закусила губы. А у меня такъ зарыбило въ глазахъ, что я не увидѣла ни узора, ни пялецъ, въ которыхъ шила. Молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ.

«Что-жь ты на это скажешь, Людмила?» спросила наконецъ Графиня.

— Я... я... — говорила я заикаясь — я не знаю, что вамъ сказать.

«Правда, продолжала она, что я дѣлаю тебѣ предложеніе въ минушу

не самую выгодную для Шмиша, по милости эпой въпреницы, которая теперь прикусила языкъ; но я знаю свое благоразуміе и увѣрена, что пустыя насмѣшки шалуни не могутъ тебя отвратить отъ человѣка хорошаго, почему и совѣтую, не шутя подумать объ эпомъ дѣль.»

— Но неужели мнѣ должно идти непременно за перваго кто за меня посватается? сказала я въ опчаяніи.

«Если-бъ я тебя совѣтовала идти за бродягу, сорвавшася съ висѣлицы, тогда бы ты могла сдѣлать эпо замѣчаніе. Но я люблю тебя, какъ дочь, и всякой день тебя эпо доказываю; слѣдовательно ты можешь разсудить, что я хорошо обдумала, выгодно-ли для тебя эпо замужество. Шмишъ — повпорю еще — честень, добрь....»

— И очень не дурень собою — подхватила Юлія.

«Замолчите, сударыня, или я васъ выгоню вонъ. Не слушай ея, милая Людмила; ты сама слишкомъ благо-разумна и знаешь, что наружность ея послѣднее дѣло.»

— Но если можно согласить одно съ другимъ.. прибавила я запинаясь и не зная что говорить.

«О, я вижу, что ты разборчивая невѣста. Берегись, чтобъ съ побою не случилось того-же что съ невѣстой Крылова. Жениха совершеннаго мудрено найдти и съ богатствомъ, а съ своимъ состояніемъ всего скорѣй попадешь за калѣку.»

— Что касается до меня, я ни за кого-бъ идти не желала... кромѣ его— договорила я въ мысляхъ.

«Чтожъ, развѣ ты цѣлой вѣкъ хочешь просидѣть въ дѣвкахъ? Это не такъ легко, какъ ты думаешь, и я не

повѣрю ни одной дѣвушкѣ, копорая никогда не хочеть идти за мужъ, чпобъ она говорила это опъ души. Подъ этими словами всегда скрывается надежда выбранъ жениха получше. Если и шы имѣеть поже въ виду, то совѣшную одумашься. Не заносись слишкомъ высоко, чпобы послѣ не раскаявашься.»

Сказавъ эти слова голосомъ пвердымъ и нѣсколько сердитымъ, Графиня вышла; а я, не понимая чпо сомной дѣлаешься, почпи въ совершенномъ безпамятствѣ, сидѣла какъ прикованная къ своему мѣсту. Слезы капались изъ глазъ моихъ, и я готова была унасть въ обморокъ. Юлія подбѣжала ко мнѣ на помощь и старалась успокоить меня. Но могла-ли я быть покойна? Я знала, чпо принудить меня къ ненавистному замужеству не можеть никакая сила человеческая, но вмѣстѣ съ шѣмъ видѣла,

что Александръ не существовалъ для меня. Слова его матери открыли глаза мои, показали мнѣ, что бѣдная Людмила не можетъ быть невѣсткой Графини Славской.

Черезъ три дня послѣ этого ужаснаго разговора пріѣхалъ Графъ. Я хотѣла-бы лѣпше къ нему и первая его встрѣтить, но я поклялась скрывать чувства мои отъ него, надѣясь, что, можетъ быть, прищворной холодноспью заспаваю забуду себя, потушу въ сердцѣ его любовь, которая такъ дорога мнѣ... Не хочу распространять семейственнаго счастья, и лучше буду спрадать одна, но не буду причиною несогласія между сыномъ и матерью; не хочу, чтобъ она сказала: я согрѣла змью у себя на сердцѣ!

Но, милая, ты можешь судить, какъ дорого спойтъ мнѣ это прищворство! Можешь судить, каково мнѣ

казаться равнодушной къ тому, кого я люблю больше себя! Боже мой! что онъ подумаетъ обо мнѣ? Онъ все такъ-же меня любитъ, а я раздираю сердце его! . . . Какимъ голосомъ, съ какимъ чувствомъ онъ говоритъ со мной; но я всегда отвѣчаю односложно, сухо и кажусь безчувственна, какъ камень. Даже убѣгаю его, потому что всякую минуту гонима измѣнишь себя. Все это убиваетъ Александра; онъ не понимаетъ, что со мной случилось; ищешь случая спросить меня, не находишь— и день ото дня становился печальнѣе и задумчивѣе.

Вчера послѣ ужина, когда мы всѣ сидѣли въ гостиной, онъ съ мрачнымъ видомъ ходилъ по комнатамъ.

«Скажи мнѣ, братецъ, спросила его сестра Юлія, ужь ты не влюбленъ-ли? Ты что-то очень задумчивъ: не разлука-ли съ милой заставляетъ тебя

крушишься?» Тупъ она взглянула украдкой на меня и вѣрно замѣтила, какъ я покраснѣла, потому что мы сидѣли очень близко.

— Какъ ты хорошо знаешь сердце человеческое — опивчалъ Графъ, сначала немного смѣшавшись, но потомъ принявъ пошъ-же шупочный тонъ, какимъ говорила сеспра его — ты угадала. Я даже хочу у мапушки просить позволенія женишься.— Тупъ и онъ посмопрѣлъ на меня.

«Эпо ужь слишкомъ поспѣшно, сказала Графиня засмѣявшись. Я-бы по крайней мѣрѣ прежде желала видѣть твою невѣсту.»

— О, я хочу вашего согласія безъ всякихъ условій.

«Спало бышь ты пренебрегаешь моимъ мнѣнiемъ?»

— Нѣтъ, машушка, но я слишкомъ надѣюсь на себя.

«Не совѣшую. Однакожь въ такомъ случаѣ нечего тебѣ бояшься показашь мнѣ свою невѣсту.»

— Вѣрно она богата, брапець?

«Напропивъ, ничего не имѣешь.»

— Спало бытъ мой Александръ — сказала опять Графиня — хочешь сдѣлаться романическимъ героемъ: поспроишь хижину и въ ней поселишься съ своей любезной.

«Нѣтъ, я самъ большой ненависникъ хижинъ, особливо съ пѣхъ поръ, какъ служу въ военной службѣ и каждую зиму имѣю удовольствіе жить въ нихъ вмѣстѣ съ шараканами. По моему состоянію не допустишь меня до этого, хотя-бъ будущая жена моя въ самомъ дѣлѣ была нищая.»

— Я вижу, что ты говоришь шушя, мой другъ ; но и я такъ-же шушя прибавлю , что тебѣ слишкомъ рано думать о женихѣ , и что я перепѣть не могу женатыхъ Корнеповъ.

«Машушка любитъ только женатыхъ Капиановъ» прибавила Юлія засмѣявшись ; но взглядъ Графини заставилъ ее замолчать.

Графъ, не понимая значенія этихъ словъ и желая завлечь меня въ разговоръ, въ продолженіе котораго я сидѣла какъ на иголкахъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ :

— Что вы не скажете намъ вашего мнѣнія?

«Что касается до меня , отвѣчала я, стараясь оправиться и поддержать шушю, которая правду сказать не слишкомъ была для меня забавна, но

я иначе не рѣшусь выйдти за мужъ , какъ развѣ за Генерала.»

— Право , вы съ нѣкопорыхъ поръ спали очень горды — сказалъ Графъ пакимъ пономъ, копорый явно давалъ чувспвовашь упрекъ. — Но, прибавилъ онъ смягчивъ голосъ — съ вашими достоинсшвами и красопой эшо проспипельно.

«Прекрасно , брапецъ! шы живучи съ своими гусарами, все еще не разу-чился дѣлашь комплиментовъ. Но берегись , чпобъ я не сказала эшого швоей любезной.»

— Напрасно будешь шрудитъся: моя любезная пакъ холодна ко мнѣ , какъ Январь мѣсяць, и слѣдспвенно совсѣмъ не ревнива.

«Опяшь упрекъ!» подумала я; хотѣла сказашь что нибудь на эшо, но

слова замерли на губахъ моихъ, и мы разошлись.

Всякой день я слышу эти упреки. Сердце мое разрывается, и я боюсь, что не въ силахъ буду выдержать такой пышки.

Пиши ко мнѣ, ради Бога, моя милая. Дай совѣшь, что мнѣ дѣлать? Никогда я такъ не желала съ тобой видѣться. Ты бы раздѣлила поску мою, дружба твоя успокоила бы мое сердце... Зачѣмъ не могу я опять перенестись въ пансіонъ нашъ, гдѣ были мы такъ веселы и безпечны? Думала ли я тогда, мечтая съ тобою о будущемъ, что оно принесетъ мнѣ горести и слезы? Дай Богъ, чтобы ты по крайней мѣрѣ была счастливѣе! Прощай, милая! цѣлую тебя тысячу разъ.

4.

ГРАФИНЯ АГЛАИДА , КЪ СЕСТРѢ СВОЕЙ.

Ну, сестрица, съ шѣхъ поръ , какъ я писала къ тебѣ , у насъ случилось много новенькаго , и я спѣшу сообщить тебѣ пріятныя вѣсти : пріятныя , но крайней мѣрѣ для меня ; а шакъ какъ ты меня любишь , то я увѣрена , что порадуешься вмѣстѣ со мною.

Вижу напередъ твое любопытство , вижу , что ты хочешь онгадать , въ чемъ состоитъ дѣло ; но не безпокойся , моя милая ! не ломай головы своей . Не смотря на всю твою проникаемость , которой ондаю полную справедливость , я готова биться объ закладъ на цѣлую Пейпербургскую модную лав-

ку , что ты ровно ничего не опга-
даешь.

Последнее письмо мое опять доски до
доски было наполнено однимъ только
Шмипомъ , и ты вѣрно полагаешь ,
что и теперь я буду говорить о немъ,
и пришлю тебѣ подробную реляцію
совершенной побѣды надъ эшимъ чуда-
комъ , — котораго если такъ-же ловко
нападаешь на непріятелей какъ на
женщинъ , то немного имъ сдѣлаешь
урона ; — но ты ошибешься.

Отъ одной только скуки , опять не-
чего дѣлать , вздумала я удостоить
его взоромъ , и похожа была на Венеру,
которая , за неимѣніемъ лучшаго обо-
жателя , изволила веселиться съ хро-
моногимъ Вулканомъ . Но что значить
Вулканъ , когда явился Адонисъ ? А
чтобы не помнить долѣе своего любо-
пытства , которое и такъ уже до-
вольно поспрадало , то скажу просто ,

чно любезный братаецъ нашъ прїѣхаль въ опшускъ.

Ахъ, сесприца! какъ онъ перемѣнился, какъ выросъ, какъ спалъ хорошъ! Если ты увидишь его, то я боюсь, что мы изъ сесперъ — друзей сдѣлаемся сеспрами соперницами. Ты помнишь, что когда онъ былъ еще ребенкомъ, и тогда ужь мнѣ нравился, и тогда воображала я его героемъ каждаго романа, кошорые мы съ побою чипали. Посуди-же, что я почувствовала, увидѣвъ его совершеннымъ человекомъ, съ прекраснымъ лицомъ, съ черненькими усиками и припомъ въ гусарскомъ мундирѣ? Я безъ ума опъ него! Видѣшь его у ногъ моихъ — пылкаго, нешерпѣливаго, старающаго опъ любви — вопъ одна мечта, занимающая меня безпреспанно, одно желаніе, наполняющее мое сердце! и я рѣшилась достигнуть этого, во чтообъ то ни спало, или умереть съ шоски и досады.

Одно только меня беспокоитъ. Помнишь-ли ты, какъ онъ былъ *друзенъ* съ Людмилой, передъ отъѣздомъ своимъ отсюда? Замѣчала-ли, съ какимъ восхищеніемъ она говорила всегда о немъ и какъ перемѣняется въ лицѣ при одномъ его имени? По всему этому я заключаю, что она предупредила меня, и предвижу, что буду имѣть въ ней опасную соперницу, если только разлука не охладила брагцава сердца. До сей поры ревность меня мучила, и еще болѣе подстрекаетъ вырвать побѣду изъ рукъ ея. Для этого я готова рѣшиться на все; употреблю все способы, привнеси въ дѣйствіе все пружины, которыми только можно пронуть сердце человеческое. Я составила ужъ въ головѣ своей планъ, и хочу сообщить тебѣ его — одобришь-ли ты мою пакшику. Но прежде надобно тебѣ знать, что глупый Шмиль ужъ не въ числѣ моихъ поклонниковъ: и онъ такъ-же предпочелъ мнѣ эту

несносную Людмилу, копорая, кажешся, для того только и создана, чпобы лишашь меня обожаешелей, и онъ хочешь женишья на ней!.. Сначала это было досадно мнѣ, но теперь, напрошивъ, я безъ памяти рада, чпо онъ въ такое время вздумалъ за нее свашьясь, и надѣюсь даже употребить это въ свою пользу. Думаю навѣрное, чпо Людмила не пойдетъ за него; но чпо до этого! лишь-бы только удалось мнѣ въ сердце млага бранца поселить хоть немного ревности. Помомъ, коронкимъ обращеніемъ съ нимъ, на копорое даешь мнѣ право родство наше, я заспавлю ревновашь Людмилу, поссорю ихъ и опдалю другъ ошъ друга, а это главное; въ оспальномъ мнѣ ручаешся — мое зеркало.

Теперь должна я тебѣ сказать, хоть и спыдно, чпо мнѣ жаль было пошерашь Шмиша. Онъ не можешь

быль пріятнымъ любовникомъ , ни
 своей наружноспью , ни деревяннымъ
 сердцемъ ; но за по-бы могъ быль
 прекраснѣйшимъ мужемъ : добръ ,
 проспъ , и припомъ съ хорошимъ со-
 спояніемъ . А эпи при качества въ
 мужѣ чрезвычайно милы , попому что
 умная жена съ такимъ мужемъ можетъ
 дѣлать все , что захочетъ : бранишь
 его , когда сама виновата , дремать ,
 когда онъ вздумаетъ говорить нѣж-
 носпи , и даже наконецъ увѣришь его ,
 что онъ боленъ , и уложишь въ
 постель , когда того потребуютъ об-
 спояпельства . Ты согласишься , что
 мнѣ , при моемъ характерѣ и при
 нашихъ распроенныхъ дѣлахъ , такой
 мужъ былъ-бы совершенный кладъ .
 Обдумавъ все эпо и судивши по
 частымъ его посѣщеніямъ , что онъ
 равнодушенъ ко мнѣ , я бѣсилась
 на его неловкость и заспѣнчивость ;
 ждала всякой день объясненія , и на-
 конецъ сама рѣшилась вырвать у него

признаніе; но, вмѣсто того узнала, что онъ любитъ не меня, а Людмилу!... Эта сцена пакъ забавна, что я перескажу тебѣ ее.

Съ недѣлю тому назадъ, онъ пріѣхалъ къ намъ вечеромъ. У насъ никого не было. Сначала, какъ водится, разговоръ шелъ о погодѣ, о полипникѣ и тому подобномъ; но наконецъ, какъ-то всѣ разошлись, и въ гостиной оспалась только я съ сестрой и съ милымъ моимъ Селадомъ. Сестра сидѣла въ углу за книгой, а я подѣла къ нему на диванъ, посмопрѣла на него довольно нѣжно, т. е. какъ только могла посмопрѣть на такого уroda, и надѣялась, что онъ начнетъ разговоръ. Не шупъ-то было: онъ сидѣлъ какъ сонный. Видя, что такой удобный случай для объясненія проходишь безъ пользы, я потеряла терпѣніе; подвинулась къ нему еще ближе, и голосомъ самымъ тихимъ, показывающимъ

участіе, спросила его: «Что вы такъ задумчивы, любезный Шмицъ?»

— Ничего, Ваше Сіятельство, оповѣ-
чалъ онъ такъ хладнокровно, какъ-бы
говорилъ съ своимъ фельдфебелемъ.

«Не вѣрю. У васъ что-нибудь ле-
житъ на сердцѣ,» продолжала я еще
пише, и надѣясь услышать что-ни-
будь нѣжненькое.

— Ей Богу, право ничего.

Эта клятва, произнесенная мною
самымъ увѣрительнымъ, такъ меня
всбѣсила, что я готова была плюнуть
ему въ глаза, и такъ смѣшала, что я
оподвинулась отъ него на цѣлый
аршинъ, не зная, что еще творить.

Молчаніе продолжалось нѣсколько
минутъ, и я опять начала перья
перья.

«Какой жаркой разговоръ у насъ съ вами, любезный Шмицъ!»

Я думала, что онъ скажетъ на это по крайней мѣрѣ: *кто много чувствуетъ, тотъ мало говоритъ*, или что-нибудь подобное; но и шуптъ ошиблась: онъ захохоталъ во все горло. Это привело меня въ опчаяніе; однакожь я опсшупать не хопѣла.

«Вы, мнѣ кажется, озябли, Каппианъ?»

— Признаюсь, опвѣчалъ онъ, попирая по обыкновенію руки — въ комнашѣ довольно холодно.

«Я это вижу, и думаю, что у васъ и языкъ и сердце замерзли!»

При этомъ упрекѣ сеспра не могла удержаться опъ смѣха, а испуканъ мой не понялъ его и спросилъ съ удивленіемъ: почему я шакъ думаю?

Попому , чшо ты видишь шакъ близко возлѣ себя хорошенькую дѣвушку , копорая расположена къ тебѣ не дурно , и сидишь какъ деревянный— могла-бы я сказать , но разумѣется не сказала .

«Попому чшо вы слишкомъ молчаливы. »

— Да чшо-же мнѣ говоришь? помилуйте !

Дуракъ , болванъ , — думала я— если ты ужъ и эпого не понимаешь , по чшо же мнѣ съ тобой дѣлать? Одна-кожь надобно было говоришь яснѣ :

«Послушайте: вы не увѣрите меня , любезный Шмишъ , чшобъ у васъ не было на сердцѣ печали . Васъ шягошишь какая по дума . . . Признайтесь : вамъ одиночество спѣновилося въ шягость , вы скучаете холосшой жизнью ? »

— Почему вы это угадали? спросил онъ съ удивленіемъ. Боже мой, какъ вы хорошо знаете мои мысли!...

Слава Богу! подумала я, наконецъ расчувствовался — и снипая эпю минушу благопріятною, дружески положила руку на его эпюлепъ; между шѣмъ онъ опъ меня оподвигался, а я, приписывая эпю заспѣнчивоспи, продолжала его преслѣдовать до самаго угла дивана.

«И такъ вы соглашаешесь, что я угадала. Къ чему-жь была эпю скромность?... Вы влюблены; для чего-жь не опкроешесь?...

Голосъ, копорымъ я произнесла эпю слова, даль бы поняшь всякому другому, чего я хошѣла, и я ожидала спраспнаго признанія; но онъ покраснѣлъ, какъ воропникъ его мунди-

ра, и видя, что ужь нѣкуда больше двигаешься, вскочилъ съ своего мѣста.

— Влюбленъ, повшорилъ онъ. Кто вамъ это сказалъ?

Чортъ — шептала я, видя что такъ глупо ошиблась — чортъ, который-бы очень хорошо сдѣлалъ, если-бъ взялъ себя въ эту минушу.

Сестра, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха во все продолженіе разговора, наконецъ захохотала, видя мою неудачу, и вышла изъ комнаты; а я сидѣла какъ Дидона, оставленная своимъ Энеемъ. Но надобно-жъ было какъ-нибудь поправиться, и я наконецъ собралась съ духомъ:

«Вижу, почтенный Карлъ Карловичъ, что слова мои огорчили васъ, что я была слишкомъ неоспорозна, желая узнать тайну вашу. Но если вы раз-

судите, что это произошло отъ одного только участія , отъ желанія вамъ добра , по вѣрно не будете на меня сердиться. Повѣрьте — прибавила я , вспавши и взявъ его за руку — повѣрьте , что одно только чувство истинной дружбы заставило меня быть искренной. Я думала , что вы заплачете за участіе довѣренностию , но къ сожалѣнію, ошиблась , и прошу извинить меня. »

Краснѣя и запинаясь, пробормоталъ онъ мнѣ свою чувствительнѣйшую благодарность ; изъявилъ , что для него легко все слышанное отъ меня и проч. и проч. ; а на другой день, въ знакъ признательности за мое участіе, объявилъ по секрету , что хотелъ свататься за Людмилу !... Не правда-ли, что это очень мило?...

При этомъ извѣстіи я осполбенѣла , и видѣла , что оспалась въ числыхъ

дурахъ. Но сообразивъ опячь , что Шмигъ не понялъ меня и въ самомъ дѣлѣ принялъ мое нападеніе за дружеское учаспіе, я оправилась, какъ могла , и сначала поздравила его съ шапкимъ хорошимъ выборомъ, а потомъ, съ видомъ лукавымъ , прибавила совѣтъ: бытъ оспорожнѣе, и намекнула о любви Людмилы къ Графу; я все еще не опчаявалась привлечь его къ себѣ. Но теперь , дай Богъ ему совершеннаго успѣха! Я опъ души даю мое благословеніе...

Вообрази , какъ легко на поминѣ милый братаецъ. Я услышала шумъ подъѣхавшихъ саней , бросилась къ окошку, и увидѣла, что онъ пріѣхалъ съ мапушкой своей , съ сестрой и съ Людмилой. Спѣшу одѣваться и выйдти въ госпиную....

Еслибъ ты, сестрица, не была женщина, еслибъ не была даже одинакаго

характера со мной и не имѣла, такъ же какъ я, маленькихъ, невинныхъ интригъ, по себѣ очень бы прудно было поняшь чувствва, копорья волновали меня передъ выходомъ въ го-спиную.

Я видѣла брата, по прїездъ его, одинъ только разъ и по въ церкви, и не успѣла даже поговорить съ нимъ порядочно; слѣдовательно перешнюю мину можно было считашь рѣши-тельной, потому что опъ перваго впечатлѣнїя почти всегда зависить успѣхъ, или неудача.

Да, милая, не бездѣлица послѣ дол-гой разлуки увидѣшься съ человѣкомъ, къ которому мы не совсемъ равно-душны, и которого хотимъ заспа-вить любить себя! Я думаю по край-ней мѣрѣ, что пусть надобно имѣть присущствіе духа, равное Наполеонову, для того, чтобы не сбился съ назна-

чсннаго пупи , и чшобы всѣ наши планы не пошли на выворощъ.

Разумѣется, что первое дѣло мое было заняться туалетомъ, копорый, не смотря на все неперпѣнїе мое, продолжался съ часъ. Кончивъ его, я выпила спаканъ холодной воды, чшобы хоть нѣсколько успокоить свое волненїе ; потомъ бросила еще одинъ взглядъ въ зеркало и улыбнулась опъ удовольствїя... Вижу, что ты кусаешь губы, насмѣшница! но, право, говорю это не опъ самолюбїя: я точно нашла себя *хорошенькой*. На мнѣ не было огромныхъ накладныхъ кудрей, копорые пакъ любящъ наши дамы, особенно безобразныя, и закрываютъ ими половину рябыхъ и худыхъ лицъ своихъ ; ни богатой пелерины, копорая опнимаетъ красоту у плечь и груди ; словомъ, ничего изъ шѣхъ пышныхъ и глуныхъ уборовъ, копорые не придають украшенїя напу-

ральнымъ прелеспямъ , а служащъ только къ прикрытію недоспапковъ. Природные локоны мои небрежно вились и унадали, придавая лицу легкой оппѣнокъ. Проспенькое, но со вкусомъ сдѣланное плашье, обрисовывало спанъ мой и *округлости*. Каждый банпикъ, каждая булабочка были на своемъ мѣспѣ , и шаль , неприколопая подъ горломъ, по нынѣшней глупой модѣ , но слегка накинупая, не душила меня, а пріятно обнимала легкими своими изгибами ; короче : нарядъ мой имѣлъ шу прелестъ, копорую описашъ нельзя, но пы ее вообразипъ можешъ , зная мой вкусъ и познанія въ наукѣ одѣвашься , къ копорымъ сама шакъ часто прибѣгаешъ. Но дѣло не о помъ. Собравшись съ духомъ , я вошла наконецъ въ госпшную.

Брапецъ окинулъ меня взоромъ съ головы до ногъ, въ шо время когда я здоровалась съ дамами, и хопя я гля-

дѣла совсѣмъ въ пропивную спорону, но, по дару, принадлежащему однѣмъ женщинамъ, очень хорошо видѣла, что взоръ его выражалъ удовольствіе. Подошедши ко мнѣ, онъ поспѣшь-же усѣлся опять возлѣ мапушки для продолженія разговора о службѣ, копорый они начали еще до моего прихода, и копорый, какъ кажется, былъ очень невеселъ для обоихъ. Я между шѣмъ занялась съ Юліей. Ты знаешь, какъ люблю я оспрый, понкій и всегда насмѣшливый ея умъ: сходные въ эпой почкѣ характеры наши, всегда вспрѣчающся съ новымъ удовольствіемъ и дѣлающъ для насъ занимательнымъ и пріятнымъ даже самый пустой разговоръ. Бесѣда съ Юліей развеселила меня, разсѣяла безпокойныя мысли, копорыя бродили въ головѣ моей, по милоспи моихъ плановъ, и я возвратилась къ обыкновенной своей живоспи.

Въ продолженіе эпого времени я

внимательно наблюдала за любезнѣйшимъ брашцемъ и за *невинной* Людмилой: оба они были мрачны и печальны, и мнѣ казалось, что какая-то скрипная попка перзаесть ихъ. Это было мнѣ подозрительно: невѣроятно, чтобъ одни и тѣ же чувства, въ одно время у обоихъ происходили отъ разныхъ причинъ. Сначала я не могла понять, что-бы это значило; но послѣдствія заставили меня догадываться, что брапецъ все еще не равнодушенъ къ *подругѣ дѣтскихъ лѣтъ своихъ*, и что между ними есть какая-то неприязность, копорой я не могу постигнуть.

Людмила вмѣшивалась въ разговоръ нашъ; но я видѣла, что она дѣлаесть это изъ одной благоприспоспости. Голосъ ея былъ какъ-то слишкомъ *томенъ*, взоръ унылъ, и сквозь улыбку проглядывала горестъ душевная. Впрочемъ она довольно хорошо съумѣла

преодолюшь себя, и надобно было имѣшь мои глаза и вниманіе, чпобы это замѣшишь.

Бѣдный братаецъ игралъ свою роль гораздо хуже: онъ совсѣмъ почти не умѣлъ скрышь своей грусти. Былъ молчаливъ, разсѣянъ и опивчалъ не впопадъ. На бѣду его бапшошка, который, какъ ты знаешь, любишь вспоминашь спаринную службу и по время, когда былъ Капишаномъ въ аршиллеріи, замучилъ его безконечными анекдотами объ осадѣ Очакова и вопросами о нынѣшней службѣ, такъ, чпо онъ пришелъ наконецъ въ совершенное опчаяніе. Я сама начинала сердиться, чпо до сихъ поръ не могу свободно поговорить съ нимъ; но благодаря судьбу, случай скоро представился.

Передъ самымъ чаемъ приѣхали госпи: Надежда Карповна съ дочерью, Поручикъ Шмишовой рошы и — онъ

самъ. Замѣть, что при входѣ его Людмила поблѣднѣла. Манушка занялась дамами, бапюшка напалъ на офицеровъ, и брашець освободился. Я думала, что онъ воспользуется эсимъ и подойдетъ къ намъ; но кажется, что препензія его на Людмилу не шупочная, пошому что, сказавъ нѣсколько словъ мнѣ и сеспрѣ своей, онъ не взглянулъ даже на *красавицу*, взялъ чашку, копорую ему подали, и вышелъ въ залу закуришь свою прубку. Зная что шамъ никого не было, я почла эту минушу удобной и шощась полешѣла шуда. Съ мрачнымъ видомъ сидѣлъ онъ одинъ, и запягивался своею прубкою; сердце мое сильно забилося, я подошла къ нему.

«Не больны-ли вы, любезный брашець? Вы пакъ невеселы и удалились опъ всѣхъ!»

— Я всегда любилъ уединеніе — опвѣчалъ онъ улыбнувшись.

«Прежде я этого не замѣчала; но съ шѣхъ поръ, какъ мы не видались, многое могло перемениться. Какъ вы давно не были здѣсь!»

— Да, слишкомъ при года.

«И между шѣмъ, мнѣ кажется, вамъ скучно у насъ? Прежде такъ-же этого не было: вспомните, какъ мы въ этой залѣ рѣзвились и бѣгали.»

— Ахъ! если вы замѣчаете, что я такъ пасмуренъ, то это именно оиъ воспоминанія шѣхъ невинныхъ удовольствій, которыми здѣсь наслаждался я, и которыя прошли такъ скоро и невозвратно.

Тронувъ нечаянно шу спруну, какую хопѣлось мнѣ пронуть, я съла подлѣ него, и видя, что онъ въ такомъ плаксивомъ расположеніи духа, пошчасъ сама першла изъ веселаго шона въ *лигортный*.

«И вы искренно жалѣете объ эгихъ удовольствіяхъ?» спросила я, вздохнувъ и взглянувъ на него нѣжно.

— Такъ, какъ несчастный жалѣеть о прошедшемъ благополучіи.

«Намъ очень пріятно, милый братецъ, что вы послѣ долгаго опускствія не забыли насъ въ вихрь свѣта; но пріятныя воспоминанія должны-были-бы сдѣлать на васъ впечатлѣніе совсѣмъ прошивное тому, которое вы теперь чувствуете.»

— Боже мой! я вамъ говорю, что вспоминаю о прошедшемъ съ сожалѣніемъ, потому что не могу вернуть его.

Я очень хорошо понимала насмѣшливый смыслъ его разговора, и между тѣмъ продолжала его допрашивать.

«Право я не понимаю васъ: если-бъ

вы, возвратившись на родину, не нашли ни родныхъ, ни друзей, съ которыми дѣлили невинныя игры дѣшества, тогда-бы печаль ваша и грустные воспоминанія были натуральны; но родные ваши всё живы и здоровы, друзья по прежнему васъ любящъ.....

— А мнѣ кажется, что этого-то и нѣтъ! Мнѣ кажется, что при года опсушествія заставили всѣхъ чуждаться меня. Я замѣчаю во всѣхъ такую холодность, такое опчужденіе, которыми иногда противъ воли заставляющъ меня думать, что вмѣсто родины моей я захалъ въ Сѣверную Америку.

«По крайней мѣрѣ исключите меня изъ числа этихъ холодныхъ друзей.»

— Вы правы — сказалъ онъ улыбувшись и взявъ меня за руку — въ васъ я вижу все шу-же милую, пре-

леспную сеприцу, съ копорой игралъ въ дѣшспвѣ моемъ; и съ вами шолько, по приѣздѣ сюда въ первый разъ говорю шакъ свободно, шакъ опкровенно, какъ-бы вовсе не разспавался.

»Эпо для меня самый леспный комплиментъ, какой вы шолько могли сказать. И шакъ признайшесь— прибавила я шупя—чпо не всѣхъ женщинъ можно обвиняшь въ въпренности.»

— За пяшь минушь я бы спалъ упверждашь пропивное; но шеперь не смѣю съ вами спорить.

Такимъ образомъ разговоръ нашъ спановился часъ опъ часу опкровеннѣ и живѣе, и мнѣ наконецъ удалось нѣсколько уменьшитъ печальное расположениеъ груспнаго брашца.

Между шѣмъ, жалуясь на холод-

ность всѣхъ его окружающихъ , онъ далъ мнѣ выразумѣнь , и самъ не замѣчая того , что это чувство недовольствія на весь свѣтъ происходивъ въ немъ отъ холоднои одной Людмилы . Я вижу , что ему нуженъ другъ , который бы дѣлалъ его горестни и , кажется , отъ жребій падень на меня .

Да , милый Александръ ! ты сдѣлалъ мнѣ ужъ половину довѣренности , и я буду твоимъ другомъ , самымъ нѣжнымъ , самымъ искреннимъ другомъ ; а отъ дружбы , между мужчиной и женщиной нашихъ лѣтъ , до любви одинъ только шагъ . Припомъ же—если я не ошиблась , что грусть его происходила отъ недовольствій *любвныхъ*—играя роль друга , утѣшая его , какъ хорошо , какъ удобно могу я высказать свои чувства и неприемлемо завлечь его въ сѣни , который онъ не прежде замѣнитъ , какъ сов-

сѣмъ ужъ запушавшись въ нихъ. Правда, я не знаю за чпо поссорились они съ Людмилой, и можетъ быть одно объясненіе ихъ, если не разрушивъ плана моего, но по крайней мѣрѣ опдалишь успѣхъ; но я надѣюсь на счастье, которое и въ эпошъ разъ помогло мнѣ возбудить ревность въ сердцѣ брашца, и шѣмъ самымъ опдалишь, можетъ быть, эпо объясненіе, которое для меня такъ спрашно.

За ужиномъ я сѣла возлѣ него, и подѣ шумнымъ разговоромъ другихъ мы могли свободно продолжатъ свой, въ прежнемъ тонѣ. Даже онъ невольно пожалъ нѣсколько разъ мою руку. Ахъ, сесприца! Какъ пылокъ мой Александръ (не смѣйся, чпо я его такъ скоро называю своимъ) въ изліяніи дружбы! Какова-жь должна быть любовь его? . . . При одной мысли объ эпошъ, голова моя кружился, кровь кипилъ въ моихъ жилахъ. . . . Прости

невольному опешупленію : я поспѣшу кончитьъ разсказъ мой.

Въ душѣ наслаждалась я порже-спвомъ надъ Людмилой, копорая по блѣднѣла, по краснѣла съ досады, видя, что я шакъ сдружилась съ брашцемъ. На бѣду ея Шмишъ, какъ слѣдуешъ учпивому кавалеру, усьлся возлѣ нея, и мучилъ ее своимъ разговоромъ, на копорый бѣдненькая должна была опвѣчать изъ благоприспоиности. Я гопова бишься объ закладъ, что у нихъ далѣе погоды дѣло не доходило ; но милый брашець встревожился и спросилъ меня о Шмишѣ.

Какъ было можно пропустишь шаккой случай? Сказавъ, что онъ за человекъ, я намекнула о любви его къ Людмилѣ, прибавила, будто мнѣ кажешся, что и она къ нему не равнодушна ; но о сватовствѣ его сказать не могла : это еще секретъ, и объявивъ

его, я могла-бы дашь замѣшитъ, что Шмитъ удоспоиваетъ меня особенной довѣренности, а я очень не желаю вывести этого наружу.

Прощай, милая! Вотъ тебѣ полное описаніе моего дня и перваго нападенія, которае началось гораздо лучше, нежели я думала. Если все пойдетъ такъ, какъ я надѣюсь, то конецъ моихъ желаній очень близокъ. Не брани меня, что пишу такъ подробно: воинъ любитъ вспоминать шѣ сраженія, въ которыхъ счастье и умъ хорошо ему помогали... Знаешь-ли что мнѣ пришло въ голову? Еслибъ старья женщины могли безъ зазрнія совѣсти говорить о прежнихъ интригахъ своихъ, то, ей Богу, рассказывали-бы о нихъ всѣмъ и каждому съ такимъ почто удовольствіемъ, съ какимъ бапюшка рассказываетъ о битвѣ Очаковской.

5.

Людмила къ своей подругѣ.

Боже мой! Чпо со мной дѣлаешся, моя милая! Графъ знаешъ, чпо Шмиппъ за меня свапаешся и, чпо всего ужаснѣе, думаешъ, чпо я люблю его; по крайней мѣрѣ я сама, безумная! подала ему къ этому поводъ.

На дняхъ мы собрались ѣхать къ спарому Графу, дядѣ Александра. Заложили двое саней и мы съ нимъ вышли на крыльцо, какъ-шо прежде Графини и сеспры его.

«Сядемъ-ше вмѣспѣ, сказалъ онъ мнѣ, а мапушка пуспѣ ѣдешъ съ сеспррой.»

Эти слова, произнесенныя пономъ, копорый напомнилъ мнѣ прежнее наше

обращеніе , заставили меня запрепешась. Однакожь я кое-какъ собралась съ духомъ.

— Какъ вамъ пришло въ голову сдѣлать такое предложеніе? — отвѣчала я такъ спокойно и серьёзно, какъ только могла.

«Почему-же?»

— Полному, что, мнѣ кажется, гораздо приличнѣе вамъ ѣхать съ Машушкой, а мнѣ съ сесиприцей вашей.

«Но, Людмила, развѣ прежде этого не бывало?»

— Вспомните сколько этому времени. Мы тогда были дѣши и намъ все было простишительно; но теперь, мнѣ кажется, это не прилично: разсудите сами, какія могутъ вывести заключенія; что скажешь, или подумаешь

сама ваша мапущка , увидѣвъ , что вы не захопѣли ѣхашь съ нею ?

«Если полько это причина вашего опказа, то я долженъ уважашь ее; но я подозрѣваю еще, что, сверхъ всего, вамъ въ пягоспъ быпъ со мной; даже, проспите меня, бывающъ минушы, въ кошорыя я начинаю думашь, что вы меня ненавидите...» Ты можешь посудить, милая, какъ больно мнѣ было слышашь это; можешь посудишь, какой-бы опвѣпъ желала я сдѣлашь; но мнѣ должно было скривашь чувспва свои и шерпѣпъ адскую муку.

— Не обижайте меня — сказала я, едва удерживая слезы — какъ могу я ненавидѣпъ сына моей благодѣшельницы ?

«Эпопъ опвѣпъ покакываешь равнодушіе, кошорое для меня убійспвен-

нѣ самой ненависти. Послушайте, Людмила — прибавилъ онъ голосомъ умоляющимъ — если вы только боитесь мнѣнія свѣта и неудовольствія мапушки, то дайте мнѣ слово, что назадъ мы поѣдемъ вмѣстѣ; тогда будетъ вечеръ и я все такъ поспараюсь успроить, что это сдѣлается какъ-бы случайно.... Дайте мнѣ поговорить съ вами свободно хоть полчаса.»

—Нѣтъ, ради Бога, нѣтъ! сказала я съ какимъ-то невольнымъ страхомъ и опчаяніемъ, боясь этой роковой минутой — оставьте меня, избавьте меня отъ этого разговора!..

Графъ смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ; хотѣлъ говорить, но шумъ вышла Графиня; онъ, съ видомъ пасмурнымъ, подаль ей руку и сѣлъ съ нею, а я поѣхала съ Юліей.

Цѣлый день Графъ былъ печалень и старался убѣгать меня; а въ вечеру я замѣшила, что онъ очень дружески говоритъ съ Графиней Аглаидой (кошорую ты знаешь по моему описанію). Это произвело во мнѣ какое-то непріятное чувство, кошорое было очень похоже на ревность, хошя я и старалась увѣрить себя въ прошивномъ. Какъ странно, какъ непонятно сердце человѣческое! Не сама-ли я удалялась отъ него, старалась прекратить прежнюю связь нашу, и между тѣмъ не могла видѣть равнодушно, что онъ находитъ пріятность въ разговоръ съ другою женщиной!... Повѣривъ-ли: мнѣ было такъ грустно, такъ болько въ эту минуту, что я гошова была заплакала и укусила себѣ губы, стараясь удерживать слезы, кошорыя нѣсколько разъ навершивались у меня на глазахъ. —

Къ несчастію моему пріѣхалъ Шмиль.

Эпо меня смѣшало еще больше, попому чпо онъ за ужиномъ усѣлся возлѣ меня. Графъ между тѣмъ, сидя возлѣ Аглаиды, не обращалъ на меня вниманія и, казалось, занимался полько ею одной. Все эпо вмѣстѣ сдѣлало на меня пакое впечатлѣнїе, чпо я насилу могла сидѣть на спулѣ, и кушанья, копорья брала я машинально, оспа-вались у меня на тарелкѣ. — Вдругъ пришла мнѣ въ голову мысль: по какому-по невольному чувствву, сама себя не понимая, я начала говорить съ Шмипомъ и даже спаралась казаться веселою. Мнѣ онъ эпого спало немного легче, какъ будто-бы я опмѣнила тѣмъ Графу; но какъ-же дорого спонить мнѣ эпо горькое удовольствїе!

Несносный ужинъ кончился; мы прїѣхали домой въ полночь, шопчасъ разошлись по своимъ комнатамъ — и я была безъ памяти рада, чпо нако-

нецъ могу дашь волю слезамъ , копорья шакъ долго удерживала.

На другой день по ушпру я была блѣдна , какъ приговоренная къ смерти , шакъ чпо когда мы собрались къ завипраку , шо Графиня спросила , не больна ли я ; Графъ , казалось , не замѣшилъ ни ея вопроса , ни разспроеннаго вида моего . Онъ разговариваль съ сеспррой и разговоръ ихъ сконился къ вчерашнему вечеру .

«Какъ мила сеспра Аглаида ! » сказаль онъ .

— Да — опвѣчала Юлія — шы даль намъ замѣшипъ , чпо шебѣ очень пріятно бышь съ ней , попому чпо цѣлый вечеръ ею одной занималься . —

«Я нашель въ ней спараго друга , копорый ни сколько не перемѣнился (шущь онъ взглянулъ на меня) , а чпо

можешъ бытъ эпого пріяпнѣе? Право, мы съ ней какъ будто не разспавались.»

— Не лъзя-ли узнатьъ , въ чемъ состоялъ разговоръ вашъ? —

«Мы вспоминали спарину» — сказалъ Графъ засмѣявшись.

— То еспъ вспоминали , какъ вы игрывали въ жмурки и въ гулючки. А я, глядя на васъ , думала , что вы разговаривали о чемъ нибудь посерьезнѣе.

«Почему-же?»

— Потому , что о пуспякахъ не говорашъ съ такимъ жаромъ и удовольспвіемъ.

«Но развѣ воспоминанія прежнихт удовольспвій можно назвашъ пуспя-

ками, хопя-бъ они были и въ самомъ дѣлѣ ребяческія— прибавилъ онъ вздохнувъ. »

— Право, брашець , ты секретничаешь: я гонова бишься объ закладъ , что ты изъяснялся въ любви.

«Могло-бы очень и это случиться ; но къ несчастію , она мнѣ внучащная сестра. »

— О если только за этимъ дѣло спало, такъ съ Богомъ — я благословляю! Васъ разрѣшаю! —

«Какъ шебѣ въ голову приходять такія пуспяки, Юлія?» сказала Графиня.

— Пусть се забавляется на мой счетъ : я не въ претензіи... Но скажице, мапушка, ѣздилъ-ли къ вамъ эпопъ долгоносый офицеръ..... какъ бишь его зовуть ?

При эшомъ вопросѣ меня въ сердце кольнуло, какъ иглоу.

«Шмипъ, хочешъ ты сказаць?»

— Да. —

«Онъ бываешъ у меня; но на что тебѣ эшо?»

— Такъ; мнѣ-бы хошѣлось опть скуки познакомнисья съ кѣмъ нибудь изъ эпихъ господь. —

«И я тебѣ совѣшую именно познакомнисья съ нимъ.»

— Опть чего же? —

«Опть шого, что онъ человекъ хорошій, и сверхъ шого, кажешя, что мы съ нимъ скоро будемъ имѣть сношенія самая коропкія.»

Тутъ Графиня взглянула на меня, и пвоя бѣдная пріяшельница желала.

бы провалились сквозь землю. Графъ шакъ-же посмопрѣлъ на меня съ удивленіемъ, попому чпо лицо мое изъ блѣднаго вдругъ сдѣлалось огненнаго цвѣта.

— Я чпо-то эшого не понимаю, ма-пушка? —

«Онъ свапаешся за Людмилу.»

— Свапаешся! повпорилъ Графъ заикаясь, и уронилъ ножикъ, копорымъ намазывалъ масло на хлѣбъ.

«Чпо-жь себѣ кажешся эпо шакъ спранно? Я думаю, паршія для нея очень выгодна.»

— Ничего... мнѣ полько то удивительно, чпо я до сихъ поръ не знаю эшого и не поздравилъ.....

«Но, братаецъ, эпо еще не рѣшено, подхвашила Юлія, видя, чпо я

чуть жива ; Людмила еще не дала своего согласія.»

—По крайней мѣрѣ по вчерашнему ея обращенію съ Г. Шмипомъ, я думаю, что это предложеніе не проповно ей. Но — продолжалъ онъ, желая прекраснѣе сцену, которая спановилась для него такъ-же несносна, какъ и для меня — я забылъ, что мнѣ надобно писать множество писемъ и попомъ ѣхать обѣдать къ дядюшкѣ. —

Тутъ онъ вышелъ, а я сидѣла, опчальная, безмолвная, и не въ силахъ была удерживать слезы, которыя капались по щекамъ моимъ.

«Что съ побой сдѣлалось, Людмила? спросила Графиня съ неудовольствіемъ, Я право начала было думать, что ты спала благоразуміе, а теперь опять вижу въ тебѣ пустые капризы, которыя очень глупы.»

— Ради Бога, сударыня, пощадите меня!.. Знаю, что я вамъ всѣмъ обязана, и гопова повиноваться вамъ во всемъ; но не пребудите опъ меня жертвы, копорая выше силъ моихъ!... Позвольте мнѣ лучше идти въ монастырь! —

«Эпо слишкомъ романически, моя милая. Шагъ эпопъ пакъ важенъ, что о немъ надобно хорошенько подумать, да и Шмипъ, мнѣ кажется, не пакъ еще спрашенъ, чпобъ опъ него бѣжать за монастырскую ограду.»

Къ счастью въ эпо время доложили о прїездѣ госпей. Я спремглавъ бросилась въ мою комнату, и не знала какъ благодарить Бога, что избавилась наконецъ опъ эпой пытки.

Между тѣмъ мысль, что Графъ чанепъ подозрѣваетъ меня въ любви другому, рвала мое сердце. «Эпо

опдалишь его совсѣмъ опъ меня, за-
спавишь ненавидѣшь, презирашь,» ду-
мала я — и ломая себѣ руки, въ оп-
чаяніи ходила по комнашѣ. Были ми-
нушы, въ копорыя я хотѣла бѣжать
къ нему, хотѣла опкрышь ему всѣ
спраданія мои, всю любовь мою....

Къ несчастію подозрѣнія мои начали
сбываться. Прежде, не смопря на мою
холодность, онъ все шакъ-же любилъ
меня, беспреспанно искалъ случая
поговорить со мной, и это облегчало
поску мою. Мысль, что онъ любитъ
меня, заставляла забываться все и —
признаешь ли? какая-то тайная на-
дежда пропивъ воли гнѣздилась въ
моемъ сердцѣ..... А теперь онъ пла-
тишь мнѣ за холодность холод-
ностью, самъ убѣгасишь опъ меня
какъ опъ спрашнаго призрака!... Съ
самаго этого роковаго дня я почти
не вижу его; онъ не живетъ совсѣ
дома и проводитъ цѣлыя дни у

дяди. Знаешь ли что? Мнѣ иногда кажется , что Графиня Аглайда скоро займешь въ сердце его мое мѣсто!...

Ты, можешь быть , скажешь , что она сеспра ему? Но я знаю ея характеръ — и развѣ нѣтъ такихъ примѣровъ? Впрочемъ можешь спастись , что это одинъ призракъ разспроеннаго моего воображенія и сердца, убившаго горесью. . . . Но эта мысль такъ ужасна, что я безспреспанно опгоняю ее, и со всѣмъ шѣмъ она всякую минушу вершился въ головѣ моей.

Не понимаю, какъ могла я прежде, бывъ увѣрена въ любви его, говорить, что я несчастна? Теперь я-бы, кажется, согласилась быть далеко опъ него , никогда не видашься съ нимъ , только съ шѣмъ , чтобъ опяшь возвращилъ любовь эту. Мысль, что онъ такъ-же любитъ меня , такъ-же обо мнѣ думъ, такъ-же груститъ какъ и я,

могла-бы сдѣлать меня счастливой , не смотря на разлуку съ нимъ.... Не похожа-ли я теперь на опчаянно больного , копорый ничего не желаетъ , кромѣ возвращенія поперяннаго здоровья и не понимаетъ даже, какъ могъ онъ прежде желать чего нибудь другаго ? . . .

Что мнѣ дѣлать, моя милая? Научи меня по крайней мѣрѣ переносить мои спраданія , копорыя спановятся несперпимы. Я не нахожу никакихъ средствъ помочь имъ и вижу, что въ здѣшнемъ мѣрѣ и самая надежда не сущеспвуетъ для меня.

Я еще просила Графиню опказать Шмишу ; но она всякой разъ за это сердилась , не хочетъ меня слушать и говорить , чтообъ я не спѣшила и подумала. Я хочу сама написать къ нему и опказать рѣшишельно , шакъ однакожь, чтообъ Графиня объ этомъ не знала.

6.

Графиня Аглаида къ сестрѣ своей.

Я шпоржеспвую, сесприца! Мы скоро прїѣдемъ къ вамъ, и пы увидишь у ногъ моихъ милаго плѣнника, кошорато я привлеку за моей колесницей. Будь свидѣпельницей побѣды моей и раздѣли со мной радость, опшъ кошорой я схожу съ ума. Ты конечно удивляешься, чпо я шпакъ скоро надѣюсь все кончить; но надобно умѣшь пользоваться обспояпельспвами, шпакъ какъ я, надобно умѣшь самыя неблагопрїяшныя изъ нихъ упошребить въ свою пользу, словомъ, надобно пмѣшь мой *геній*, и шогда — нѣшь ничего невозможнаго. Но чшобъ ты лучше могла эшо понять и повѣрить мнѣ, я должна разсказать весь ходъ про-неспшвїй, по порядку.

Вопервыхъ надобно и себѣ знать, что мы все сговорились ѣхать къ вамъ на Святки, съ шѣмъ, чтобъ побыть у васъ дней десять. Можешь посудить, какъ пріятна для меня эта поѣздка. Она доставитъ мнѣ удовольствіе видѣть тебя, и сверхъ того очень поможетъ въ дѣлахъ моихъ. Я постараюсь распорядиться такъ, чтобъ милому братцу пришлось ѣхать съ сестрой и со мной въ одномъ экипажѣ. Ты согласишься, что проѣхать шестидесять верстъ вмѣстѣ — безподобно, и что надобно бытъ пошлой дурь, чтобъ не умѣть этимъ воспользоваться. Тупъ можно притвориться испуганной, а въ страхѣ очень позволено обнять, не только что брата, но даже всякаго, перваго встрѣпившагося кавалера. . . Но ты женщина, и слѣдовательно сама въ состояніи вообразишь все выгоды, которыми я могу воспользоваться дорогой. Прожить вмѣстѣ съ братцемъ десять дней, также не дурно. Въ

эпо время можно успѣшь во многомъ, особливо когда будешь панцы, игры, переодѣванья, и когда еще при всемъ эпомъ ты будешь помогаешь мнѣ, въ чемъ я не сомнѣваюсь. Видишь ли, какъ много хорошаго общаешь мнѣ путешеспвіе къ вамъ.

Одинъ камень преспкновенія вспрѣчался мнѣ во всѣхъ моихъ планахъ; но теперь я не боюсь и его. Эпощъ камень была Людмила.

По всѣмъ моимъ наблюденіямъ, ссора брапца съ ней все еще продолжается, но примиреніе могло случиться всякую минушу и ужасало меня. Всѣ способности ума моего были успремлены на то, чшобъ поссорить ихъ еще болѣе, выиграть время и овладѣшь совершенно сердцемъ брапца, прежде нежели онъ успѣешь помириться съ ней. Но сколько я ни думала, все никакъ не находила средствъ исполнишь

свое намѣреніе: вдругъ случай помогъ мнѣ. И какой случай! . . . но слушай далѣе.

Я сидѣла одна въ госпиной, и, ломая голову надъ эпой задачей, находила, что она еще пруднѣе дѣленія дробей, онъ копораго мы съ шобой пакъ часпо плакали, учась Ариѐмепикѣ. Вдругъ вошелъ Шмипъ. Не смопря на мою задумчивоспъ, я замѣпила попчасъ, что и онъ очень не весель; и хопя мнѣ досадно было, что онъ помѣшалъ мнѣ думашъ, однакожь я должна была изъ учпи-воспи начашъ съ нимъ какой нибудь разговоръ, совсѣмъ не воображая, что послѣдспвія онаго будупъ очень для меня инпересны.

«Слышали-ли вы, любезной, Шмипъ, что мы ѣдемъ къ пепушкѣ?»

— Слышалъ — опвѣчалъ онъ со вздохомъ.

«Не хопише-ли и вы бышь нашимъ поварищемъ?»

— Признаюсь, желалъ-бы; но я не знакомъ съ вашей пепушкой.

«Объ эпомъ не безпокойшесь; ма-пушка васъ опрекомендуешъ. Припомъ-же вы человекъ военный, а военные не упопробляюшъ большихъ церемоній при рекомендаціи.»

— Все эпо правда, сударыня; но, признаюсь, я не думаю, чпобъ мнѣ было шамъ очень весело.

«Прекрасный комплиментъ, Г-нъ Шмицъ, и пепушкѣ и всѣмъ намъ.»

— Ахъ, Графиня, проснише меня! я не помню, чпо говорю. Ей Богу я ужасно огорчень.

«Эпо я вижу; но смью-ли спросишь чѣмъ?»

— Знаете-ли , я получилъ опказъ
опъ Людмилы Павловны ?

«Какъ ? »

— Да она мнѣ опказала , что назы-
вается на опрѣзъ.

«Но, Боже мой! гдѣ, какъ, когда ? »
спросила я съ безпокойствомъ , вооб-
разивъ , что изъ этого могутъ выйд-
ти послѣдствія очень невыгодныя для
меня.

— Но что-же вамъ кажется это
такъ странно ?

«Я совсѣмъ не удивляюсь этому, а
только хочу знать непрерывно, какъ
это случилось ? »

— Почему это для васъ интересно?—
Тутъ онъ бросилъ на меня *испытую-*
щій взглядъ, и можетъ быть, вспо

нивъ мое нападеніе , вообразилъ , что я сама люблю его и опъ того с такимъ учаспіемъ спрашиваю. А между шѣмъ выходила изъ перпѣни и гопова была сказаць ему грубость

«Попому, что я женщина , сказала я наконецъ , не зная , что отвѣчать ему , а вамъ извѣсно, какъ всѣ женщины любопытны.»

— И такъ извольте, исполню ваше желаніе. Вчера вечеромъ , возвратившись домой, я нашелъ письмо на мое имя , которое оставилъ деньщику моему чловѣкъ Графининъ , и это письмо было опъ дѣвицы Лидиной.

«Такъ она опказала вамъ письменно?»

— Разумѣется.

Документъ ! — подумала я — опъ часу не легче ! «Это письмо не съ чѣмъ-ли ? »

— На что вамъ ?

« Дайте мнѣ его , пожалуйста , прочесть , любезный Шмитъ ! »

— Право , Графиня , вы въ этомъ принимаете такое участіе , которое меня удивляетъ .

» Эхъ , Боже мой , я говорю вамъ , что я женщина , и женщина самая любопытная . При томъ-же вы , я думаю , помните , что я всегда принимала въ васъ участіе , и теперь оиъ души желаю помочь вамъ . »

Эти слова пронули слабую спрунку Шмитова сердца ? онъ съ довольнымъ видомъ поблагодарилъ меня и подалъ письмо , которое почти оиъ слова до слова оспалось у меня въ памяти . Воиъ оно :

М. Г!

Если вы человекъ истинно благородный, то вѣрно не захопите бытъ причиной несчастія дѣвушки, которая вамъ не сдѣлала зла. Надѣясь на это я прошу васъ покорнѣйше оспавить на меня ваши виды; прошу, чпобы вы отказались совершенно оиъ предложенія вашего, и болѣе не повпорали его Графинѣ, но только такъ, чпобы ни она, ни сынъ ея, ни даже кто ни-будь другой не знали, чпо я этого оиъ васъ пребую. На это я имѣю свои причины, и прошу васъ уважить тайну, оиъ которой зависить мое спокойствіе. Не думайте впрочемъ чпобъ предложеніе ваше обижало меня: напрошивъ я благодарю васъ за честь, и довѣріе мое къ вамъ служить яснымъ доказательствомъ того истиннаго уваженія, съ какимъ я имѣю честь бытъ и проч.

Я ужь давно прочитала письмо, но все еще держала его въ рукахъ, желая сообразиться, чпо сказать Шмипу, и чпо ему присовѣповать. Скрып-носць, копорой онъ него пребовали, подавала мнѣ надежду, чпо брапецъ не скоро узнаетъ объ эпомъ, и я немножко успокоилась.

— Видишес-ли — сказалъ наконецъ Шмиць — чпо я имью такъ-же къ вамъ испинное уваженіе, ввѣривъ вамъ чужую пайну.

«О, будьте спокойны; вы не ошиблись во мнѣ. Въ эпомъ случаѣ я буду молчалива, какъ рыба.» Ты можешь посудить, чпо я говорила эпо онъ души, и ничего еще справедливѣе въ жизнь мою не сказала.

«Но, любезный Шмиць, не ужели вы при первой переспрѣлкѣ хопине решироваться?»

— Опказъ такъ рѣшипеленъ , что надѣяпсья было-бы глупо.

«А я такъ думаю совсѣмъ напрорпивъ. Видали-ли вы печашь— прибавила я засмѣявшись — на копюрѣ изображенъ Купидонъ , съ надписью: *Со временемъ достигну?* Вѣрыпе мнѣ , что эта печашь сдѣлана по опыту. Не опчаявайпесь , спарайпесь , угождайпсе , будыпе неусыпны , и вы такъ-же со временемъ достигнете.»

— Не думаю.

«Вѣрыпе мнѣ , или нѣпшь , какъ хопите; но согласипесь , что я лучше васъ знаю женское сердце. Почему знапшь , можетъ быпшь это одно полько испытаніе. Разсудите сами , для чего опъ васъ спребуюпшь такой скрыпности ? »

Онъ подумалъ съ минушу. — И такъ что-же вы мнѣ совѣшуете дѣлать ?

«Ѣхашь съ нами , любезный Капитанъ , спарашься всячески угождать дѣвицѣ Лидиной и доказывать ей любовь вашу. Вы проведете нѣсколько дней съ нею вмѣстѣ и вамъ удобно будетъ это сдѣлать. Не упускайте случая ; другой не скоро сыщется. »

Мы шакъ занялись этимъ разговоромъ , что не слышали какъ приѣхалъ Александръ , и тогда только узнали объ этомъ , когда онъ вошелъ въ комнату и очутился въ двухъ шагахъ передъ нами. Я вздрогнула , увидѣвъ его , однако скоро нашлась ; роковое письмо все еще было въ рукахъ у меня ; я свернула его очень хладнокровно , и , подавая Шмипу шакъ медленно , чпобъ можно было замѣшить руку , копорою сдѣлана надпись , сказала : «Будьте спокойны , сударь , и не раздумывайте ѣхашь ; ручаюсь , что пепунка васъ приметъ хорошо.»

Шмишъ , копорато нечаянное появленіе
Ч. II. 5

ніе брата паже немного смѣшало, поклонился и вышелъ, не сказавъ ни слова.

«Что это за письмо?» спросилъ Александръ съ безпокойствомъ.

— Это письмо пишеть къ нему Лидина.

«Людмила? И такъ глаза меня не обманули; въ самомъ дѣлѣ это ея рука? . . . Боже мой, она къ нему пишеть! . . . Но вы читали письмо . . . ради Бога, что все это значишь?» Онъ былъ блѣденъ, какъ полошно, и держался за спинку кресель.

— Успокойтесь, любезный братецъ, сядьте. Дѣвица Лидина живетъ у васъ въ домѣ, и я согласна, что честь ея должна бышь такъ-же дорога вамъ, какъ честь сестры: но вы знаете, что Шмидтъ ищеть руки ея, что

это не прошивно ей, и что ваша ма-
пушка одобряетъ его виды ; и пакъ
что-жь за бѣда , если она къ нему
пишетъ ?

«Спало бытъ они ведутъ любов-
ную переписку , а вы играете роль
повѣренной? Прекрасно ! Только этого
еще не доспавало. »

Такой упрекъ кольнулъ меня. Я ви-
дѣла , что обспояпельснва были са-
мыя запруднипельныя ; надобно бы-
ло упопрелитъ всю оборопливоспъ ,
чтобы выпушашься изъ нихъ.

— Выслушайте , въ чемъ дѣло — ска-
зала я. — Людмила Павловна увѣдом-
ляетъ Шмипа , что мы ѣдемъ къ пе-
пушкѣ , и приглашаетъ его спуда-же ;
а пакъ какъ онъ съ пепушкой не зна-
комъ , по и проситъ , чтообъ мы его
опрекомендовали. Теперь вы видите , по
какому случаю сдѣлана мнѣ довѣрен-
носпъ .

Брашець задумался. « Переписываюсь съ человѣкомъ , которому она не дала еще слова , приглашаешь его съ собою— произнесъ онъ наконецъ— нѣтъ , это , мнѣ кажется , непросипительно и слишкомъ смѣло!... Я долженъ объясниться съ Людмилой. »

Если-бъ я въ тридцать градусовъ мороза выбѣжала на крыльцо , въ одномъ плащѣ , по и тогда-бы , кажется , не почувствовала никакого озноба , какой сдѣлался со мной при этихъ словахъ.

— Нѣтъ , ради Бога , не дѣлайте этого ! Въ письмѣ именно просятъ , что бъ это была шайна . Вамъ я ее открыла потому , что для васъ нѣтъ у меня шайны — шутъ я пожалала его руку — но прошу васъ , не выводите ее наружу и не впущивайте меня въ испорію , въ которую я вмѣшалась не подумавши хорошенько , по одной доб-

ропѣ моей, и теперь ужъ въ помѣ раскаяваюсь. Да и какого объясненія хопите вы пребовать?— прибавила я, видя, что онъ задумался — мнѣ кажется и такъ все очень ясно.

«Правда ваша, сказалъ онъ, вздохнувъ, все ясно. И вспунапья за женщину, которая не дорожитъ сама честью своей, значило-бы унижать себя и дурачить. Но, Людмила!... Кто-бы могъ подумать, что въ подь такой невинной наружностью скрывалось пришествво!... Какъ обманчивы женщины!»

— Не всё, повѣрите, что не всё. Женщинъ многіе обвиняютъ въ вѣтренности, въ непоспоянствѣ; но я, мнѣ кажется, способна любить одинъ только разъ въ жизни. Даже— прибавила я со вздохомъ— и тогда, еслибъ выборъ мой палъ на такого чловѣка,

копорый не могъ-бы отвѣчапъ мнѣ шѣмъ-же.

Онъ понялъ, кажепся, смыслъ моихъ словъ, и посмопрѣлъ на меня съ чувствомъ. Во все продолженіе дня разговоръ нашъ шелъ въ *нѣжно-меланхолическомъ* тонѣ. Милый брапецъ съ удовольствіемъ слушалъ, какъ я съ невинной откровенностью высказывала чувства свои, часно вздыхалъ, пожималъ мою руку, и мы съ прудомъ могли распапья до завтра.

Каково, моя милая? Не правда-ли что оборонъ, копорый я дала эпому дѣлу, еспъ верхъ искусства? Правда и то, что я послушила слишкомъ смѣло и рѣшишельно; но шѣмъ-то больше и выиграла. Хопя дружба наша съ брапцемъ была и шакъ ужъ довольно велика; хопя онъ цѣлые дни проводилъ у насъ и занимался шолько мной; но все еще любовь его къ Людмилѣ

казалась мнѣ слишкомъ сильною, а сѣпи, копорыми я опупывала его, недовольно еще крѣпкими. Я боялась, что одно дуновеніе въперка можешъ разорвать ихъ, и онъ — уленишъ опъ меня, какъ ппичка. Теперь эпопъ спрахъ миновался: хипроспъ моя подѣйспвовала, какъ нельзя лучше. Людмила, кажешся, совсѣмъ почпи забыла, и я начинаю занимашъ мѣспо ея въ сердцѣ милаго брашца. Съ каждымъ днемъ общеспво мое спановишся для него необходимѣе, дружба его ко мнѣ нѣжнѣе; словомъ, еще одинъ шагъ, и я доспигну моей цѣли! Ты скажешъ, что со временемъ хипроспъ моя можешъ опкрышся? Ничего не бывало, я предвидѣла все:

Юлія сказывала мнѣ, что Людмила непременно хочешъ идиши въ монашхырѣ, и ждешъ только опѣзда брашца ея, чтообъ исполнишъ эпо намѣреніе. Что значилъ все эпо, я не

понимаю. Всѣ поспулки ея для меня премудреная загадка. Но какъ-бы по ни было, съ моей стороны, въ добрый часъ! Срокъ брашцева оппуска не да-лекъ; онъ уѣдетъ, не узнавъ ничего, а шамъ Людмила сдѣлается Монахи-ней, и шайна письма умреть въ спѣ-нахъ монашпырскихъ.

Шмишь непременно ѣдетъ съ нами. Мы будемъ его наспроивать, глядя по обспояпельспивамъ, и онъ намъ приго-дился. А припомъ-же и шы иногда можешь опъ скуки заняшься имъ. До свиданія, моя милая!

7.

Графъ Славскій къ своему другу.

Я давно не писалъ къ шебъ, другъ мой! Но не думай, чшобъ эпо было опъ лѣни, или опъ слишкомъ весела-

го провожденія времени. Напрошивъ , дѣла мои идушь все шакъ-же худо , или лучше сказаць , еще хуже. Въ послѣднее время я безпреспанно мучился, какъ въ аду : изыскивалъ причину Людмилиной холодноспи и ломалъ голову до того, что чущь-чущь не сошелъ съ ума. То ревноспъ и подозрѣнiе шерзали душу мою, по слабый лучъ надежды снова озорялъ ее ; словомъ, я бродилъ ошущью въ какомъ-шо темномъ лабиринтѣ и не находилъ ни одной пропинки, копорая вывела бы меня на свѣтъ Божий. Что-же мнѣ было писаць къ шебѣ, и о чемъ я могъ рассказываць, когда самъ не понималъ ничего изо всего, что вокругъ меня дѣлалось? Теперь эша головоломная задача разрѣшилась самой простой, самой обшкновенной испиной, копорую давно угадалъ-бы всякой дуракъ, будучи на моемъ мѣспѣ, и копорую мнѣ до сихъ поръ одна глупая, слѣпая любовь разгадаць мѣшала. Я имѣю соперника —

вопъ и все шупъ ! Ожидаль-ли ты эпого ? Чувспвуешь-ли , какъ при эпомъ словъ подираешъ меня по кожъ?... Да, другъ мой , эпо прокляное слово безпреспанно опдавалось въ ухахъ моихъ и попрясало душу, какъ звонъ набашнаго колокола , или крикъ умирающаго; но судьба послала мнѣ ангела ушѣшипеля, который указаль мнѣ, что не всѣ еще прелеспи жизни для меня исчезли , и я шеперь могу , довольно равнодушно , разсказатъ обо всемъ, что со мною случилось.

Черезъ нѣсколько дней по прїездѣ моемъ , мы ужинали всѣмъ семействомъ у шарика моего дяди , о которомъ я часто говорилъ тебѣ. Тамъ увидѣль я гренадерскаго офицера — полкъ ихъ здѣсь кваршируетъ. Неврасивая наружность его показала мнѣ нѣсколько смѣшною, но я не обратилъ на него особеннаго вниманія, и только тогда спалъ разглядывать причесаль-

нѣе, когда увидѣлъ за ужиномъ , что онъ сидишь возлѣ Людмилы , и она съ нимъ такъ ласкова, какъ не была со мной съ самаго моего прїѣзда. Эпо зацѣпило меня за живое , и заспавило спросишь кузину мою Аглаиду , кто такой эпошъ господинъ съ длиннымъ носомъ ? Она пошупила надъ моимъ безпокойствомъ , котораго скрывать былъ я не въ силахъ , и сказала, что эпо Капитанъ Шмиль , что онъ знакомъ съ нашимъ домомъ и — болѣе я ничего не могъ добишься , хотя и видѣлъ по лицу ея и улыбку , что ей извѣстно еще что-то такое. Не узнавъ ничего подробнѣе въ эпошъ вечеръ , я провелъ ночь такъ спокойно , какъ будто меня варили въ кипячкѣ , а на другой день по упру услышалъ опъ мапушки , что Шмиль свашаеься за Людмилу . . . При эпомъ извѣстїи я едва устоялъ на ногахъ , и не помню , какъ вышелъ изъ комнаты.

«Такъ вопшь опшь чего , думаль я , Людмила меня убъгаешъ , вопшь опшь чего она пакъ холодна ко мнѣ! Боже мой!воображалъ-ли я, чпо сердце ея можеть перемънишься?... и между шѣмъ эпо правда. Три года разлуки изгладили меня изъ ея памяти до шого , чпо она предпочла мнѣ другаго... и кого-же? Господи! человекъ безобразнаго , совершеннаго урода! ... Послѣ эшого какъ вѣришь женщинамъ? Нѣпшь, съ ними опасно разсваивать и на при дня , не шолько чпо на при года... Но я не знаю моего соперника: можеть бышь, онъ умень, добръ, любезень , пакъ мудрено-ли , чпо эшими качеспвами заставилъ забышь шѣлесные недоспапки и умѣлъ привлечь ея сердце... Однако-жь , Людмила , эпо еше не оправданіе: какъ могла пы измънишь шому , кпо слышалъ первый вздохъ любви швоей , кпо все счастье свое полагаешъ въ одной тебѣ?... Нѣпшь, Г-нѣ Шминъ, вы долж-

ны дорого заплашишь мнѣ за эпо! Я не уступлю даромъ добычи. Не смотря на вашу умъ и любезность, я буду съ вами спрѣляться на писполешахъ, на ружьячъ, на пушкахъ, на чемъ вамъ угодно. Я сдѣлаю себя, вѣроломная, вдовой прежде замужства, и съ дикой радостью увижу слезы твои, или самъ погибну . . . Да, да, спрѣлясь, спрѣлясь сей-же часъ! Эй, человекъ! вели заложить мнѣ лошадь.»

Черезъ десять минулъ она была готова. Между тѣмъ я зарядилъ писполешы, бросился въ сани, какъ полоумный, закричалъ: пошелъ! и самъ, погруженный въ мысли, не видалъ куда меня везуть. Вдругъ кучеръ мой остановился и я опомнился. «Ну, что-жь ты спалъ?»

— Да кудажь прикажете ѣхать? — Въ самомъ дѣлѣ мы ужъ выѣхали изъ

селенія и спояли на мѣспѣ, гдѣ доро-
га раздѣляется на двое : одна вправо,
къ кварпирѣ Шмиша , другая влево ,
въ деревню дяди. Между шѣмъ мысли
мои сдѣлались яснѣе, холодный воздухъ
освѣжилъ голову, разсудокъ началъ ко
мнѣ возвращаться и я, какъ сквозь
сонъ , вспомнилъ слова сесипры , ска-
занныя мнѣ при опкрытіи роковой
новоспи: Людмила не дала еще своего
согласія Шмишу.

«Не безумное-ли дѣло ѣхать къ че-
ловѣку, котораго я совсѣмъ не знаю,
и вызыватьъ его спрѣляться за то ,
что онъ посвапался за дѣвушку, жи-
вущую у меня въ домѣ? Кажется
этимъ онъ не сдѣлалъ ей безчестія?
А что я люблю ее , такъ это на
лбу у ней не написано : слѣдспвенно
онъ не виноватъ ни душой , ни шѣ-
ломъ. Людмила-же не дала еще свое-
го согласія ; почему знашь , можешь
бышь она совсѣмъ и не любишь его.»

Искра надежды заронилаь опяшь въ мою душу и я велѣль ѣхашь къ дядѣ.

Въ эпомѣ домѣ я наслаждался первыми, невинными забавами дѣтспива, копорья никогда не изглаживаюцпя изъ памяти нашей, и воспоминаніе копорыхъ всегда шакъ пріятно. Каждый почти праздникъ я бывалъ вмѣстѣ съ маленькими моими сесиприцами; съ ними дѣлилъ всѣ мои игры, и мнѣ казалось самымъ лучшимъ въ шеперешнемъ моемъ положеніи, провеспи нѣсколько часовъ въ кругу ихъ семейспва. А правду сказашь, болѣе всего привлекала меня шуда кухня моя Англанда. Если-бъ шы видѣль, какъ она мила, какъ любезна, какъ хороша! Пари держу, что не смоцря на швою философскую холодность, шы въ полчаса распаяль-бы передъ ней, какъ воскъ передъ жаромъ. Но для меня всего милѣе шо, что она со

времени разлуки нашей ни сколько не перемѣнилась въ обращеніи со мною: такъ-же родственна, такъ-же опкровенна, какъ прежде, только болѣе задумчива и опасна... Она такъ хорошо понимаетъ меня; въ большихъ голубыхъ глазахъ ея отражается такое милое участіе, такая нѣжность, что подлѣ нея я забываю поску свою. Согласись, что найдши друга въ женщинѣ милой и прелестной восхищательно, а я именно нашелъ это въ Аглаидѣ. Пробывъ цѣлый день съ нею, занимаясь только ею одной, или лучше сказать, видя, что она однимъ мною занимается, я возвратился съ какими-то спранными чувствами: холодность Людмилы перзала меня по прежнему, но дума объ Аглаидѣ разгоняла поску и рождала во мнѣ ясныя, свѣзлыя, мысли; словомъ, я былъ похожъ на человека, копорый, ходя взадъ и впередъ, видитъ на одной споронѣ небосклона мрачную

шучу , на другой чистое , безоблачное небо.

Между шѣмъ всякой день я искалъ случая говорить съ Людмилой, и всякой разъ видѣлъ, что она съ шѣмъ-же упорствомъ избѣгаетъ этого. Съ разперзаннымъ сердцемъ бросался я въ сани и лепѣлъ къ Аглайдѣ искашь утѣшенія. Такъ шло мое время; но наконецъ случай рѣшилъ недоумѣнiе и открылъ мнѣ глаза. Людмила измѣнница; она не даетъ своего согласія Шмишу опъ того только, что въ ней есть еще искра совѣсти, и опкладываетъ это до моего опъѣзда. По крайней мѣрѣ мнѣ шакъ кажется, потому что доказательства измѣны ея очень ясны; она переписывается съ Шмишомъ и я самъ видѣлъ письмо ея у него въ рукахъ!....

Бѣшенство овладѣло мной при этомъ открытiи; но шущь была Аглайда :

сладкій голось ея проникъ въ мою душу, какъ звуки арфы Давидовой въ душу Саула ; минувный порывъ исчезъ и во мнѣ оспалось одно полюшко презрѣніе къ вѣроломной.

Съ тѣхъ поръ провожу я цѣлые дни съ Аглаидой, и знаешь-ли чпо ? мнѣ начинаешъ казаться , чпо она чувствуетъ ко мнѣ больше нежели дружбу ! Выраженіе глазъ ея слишкомъ ужъ нѣжно , радостъ при свиданіи слишкомъ велика , шрепешъ руки , когда я беру се , слишкомъ силенъ... Короче : все увѣряешъ меня въ эпомъ часъ ошъ часу больше.

Третьяго дня, на примѣръ, увидѣлъ я на ней ленпу очень поношеную и простую, кошорая совсѣмъ не опивѣчала прочему наряду. Эпо меня удивило и я шупя сдѣлалъ ей замѣчаніе.

«Я люблю эту ленпу, сказала она,

покраснѣвъ и примѣпно смѣшавшись ; а съ нѣкоторыхъ поръ она сдѣлалась мнѣ еще милѣе. »

— Спало бышь по какой нибудь особенной причинѣ?

Опивѣша не было; но щеки ея запылали ярче.

— Если это подарокъ, прибавилъ я, то долженъ бышь очень давнишній?

«Да , я получила его въ день моего рожденія, назадъ тому лѣтъ шестъ.»

Тутъ она опять взглянула на меня и опять пошупила взоры.

— Боже мой! неужели это та ленточка , кошпоруя я подарилъ вамъ , когда мы были еще дѣти? Не возможно , чпобъ до сихъ поръ вы хранили такую бездѣлку и такъ дорого цѣнили ее!

«Подарокъ эпошъ доставилъ мнѣ погда испинное удовольствіе. Онъ былъ первымъ залогомъ дружбы нашей и напоминаетъ мнѣ счастливѣйшее время жизни.» Взглядъ, копорый сопровождалъ эпи слова, высказалъ еще больше.

Кажется мнѣ, что дружба, даже и въ женщинѣ, не можешъ достигнуть до такой упоиченной нѣжности и вниманія.

Ты спросишь: чѣмъ-же все эпо кончипся? Спросишь: въ соспоянїи-ли я буду заплашишь Аглаидѣ за любовь любовію, когда еще прежняя рана въ сердць моемъ такъ свѣжа и глубока? И соображаясь съ законами, найдешъ еще пысячу преияиспвїй. Но, другъ мой! человекъ, гибнуцій въ безднѣ моря и упоисребляюцій послѣднія усилія, чшобъ достигнуть голой, бесплодной скалы, единспвеннаго его спа-

сенія, разсуждаешь ли о томъ, что онъ равно погибнетъ и на ней, безъ крова и пищи? Вся цѣль его въ эту минушу состоитъ только въ томъ, чтобы спасти отъ разъяренной стихіи. Природный инстинктъ влечетъ его къ продолженію жизни, хоть на нѣсколько минутъ, и невѣрный луч надежды блеснулъ передъ нимъ, хоть далеко и тускло. Я похожъ на этого человѣка, и не знаю, что новая любовь готовитъ мнѣ въ будущемъ; только знаю то, что теперь я не могъ бы, кажется, существовать безъ Аганды. Безъ нея всѣ-бы чувства души моей умерли и слились въ одно мрачное, разрушительное опочаеніе.

8.

ГРАФЪ СЛАВСКІЙ КЪ СВОЕМУ ДРУГУ.

Я теперь въ деревнѣ госпожи Вельской. Она родная сестра Агландиной мащери, и мы всѣ собрались къ ней съ шѣмъ, чпобъ провеспи вмѣспѣ свяшки; но прежде нежели буду разска- зывать, какъ мы проводимъ здѣсь время, я долженъ описатъ шебъ всѣ подробности нашего путешествія.

Переѣздъ былъ не болѣе шестидеся- пи верстъ, и мы отправились цѣлымъ караваномъ. Мапушка, съ шешкой, съ сестрой и Людмилой, сѣли въ каре- шу; Агланда съ сестрой своей въ по- возку, а я поѣхалъ одинъ, въ опкры- пыхъ саняхъ. Погода была шеплая и пасмурная; шяжелая кареша шихо- пащилась по мягкому снѣгу; коло- кольчики изрѣдка перезванивали и ку-

чѣра въ полголоса напягивали пропяжныя пѣсни. Эпопѣя концерпѣя , мрачная погода и пихая ѣзда , погрузили меня въ задумчивость ; я ушкнулъ носъ въ воропникъ шинели и сидѣлъ повѣся голову. По временамъ Людмила высовывалась изъ карепшы , но не за шѣмъ , какъ бывало прежде , чпобѣ взглянушь на меня: шеперь , казалось , занимали ее одни деревья , покрышыя шнеемъ , и на нихъ шолько взоръ ея оспанавливался. «Какъ все перемѣнилось!» думалъ я , и мнѣ спановилось еще груспнѣе. Между шѣмъ Аглайда шакъ же выглядывала изъ своей повозки и при всякой излучинѣ дороги оборачивалась ко мнѣ , хопѣла непременно вспрѣшпшъ взоръ мой , подарпшь меня ласковой улыбкой. Тупѣ мнѣ спановилось легче.

Такъ проѣхали мы половину дороги , и въ деревенькѣ , окруженной лѣсами , повозка оспановилась. Аглайда подоз-

вала меня къ себѣ и спросила, не хочу ли я объѣхать. «Пускай наши ѣдутъ впередъ— сказала она— имъ въ каретѣ можно эпо сдѣлать; а намъ непременно должно оспановишься.» Я согласился охотно на эпо предложеніе и мы спали выбираешься въ избу, прошивъ копорой оспановились. Снѣгъ засыпалъ дорожку къ ней, и я взялся перенести Аглаиду на рукахъ, что-бы она не промочила ногъ. Ахъ, другъ мой, какъ ей было эпо пріятно! Съ какимъ сладостраспіемъ рука ея обвилась около моей шеи, какъ помню голова склонилась ко мнѣ, какое сердечное удовольствіе выражали прелестные глаза ея! Мнѣ самому сообщились прежде чувства: я восхищался моимъ милымъ бременемъ и боялся распаться съ нимъ; шель нога за ногу, и хотя давно уже не было снѣгу, но я внесъ Аглаиду въ самую избу, въ самый дальній уголь избы, и со вздохомъ, прошивъ воли, опустилъ медленно на

поль. Пропивъ воли, казалось, и руки ея распались со мной . . . Въ избѣ встрѣтила насъ хозяйка, добрая, молодая женщина, знакомая моимъ спутницамъ. Она очень обрадовалась имъ и спрашивала, опъ чего шакъ давно онѣ не проѣзжали по этой дорогѣ, а попомъ указавъ на меня и обращаясь къ Аглаидѣ, прибавила : «Эпопъ баринъ , мапушка , не хозяинъ-ли швой ? »

— Почему-жь шы шакъ думаешь ? спросила Аглаида, засмѣявшись.

«Да видишь , какъ онѣ за побой ухаживаешъ.»

— Нѣпъ, милая, эпо брапъ мой— прибавила она со вздохомъ , копорый мнѣ шолько одному былъ поняшенъ.

«Чудно, право! Въ нашемъ быпу и мужъ-шо жену на рукахъ не носипъ.» Тупъ добрая женщина покачала голо-

вою. «Ну, да знашь у васъ такой
обычай.»

Вопросъ и замѣчаніе хозяйки разсмѣ-
шили насъ; но я невольно подумалъ:
ужь не пророчесиво-ли это? не должно-
ли оно сбыться когда нибудь?

Между шѣмъ принесли дорожный за-
пасъ, и мы сѣли за споль. Чисная,
теплая изба, спаканъ соперна и бе-
сѣда моихъ спупницъ перемѣнили со-
вершенно расположеніе моего духа.
Обѣдъ нашъ былъ очень веселъ. Хозяй-
ка никакъ не хопѣла вѣришь, что я
братъ Аглаидъ.

«Нѣтъ, сударыня — говорила она —
что-то вы съ нимъ больно ужь друж-
ны. Вѣрно пы вышла за мужъ и хо-
чешь пошупишь надо мной.»

Другая кузина моя спаралась под-

держивать ее въ эпихъ мысляхъ , и разговоръ эпопъ , кромѣ смѣха , возбуждалъ въ насъ еще какое-то пріятное, неизъяснимое чувство, такъ что ни мнѣ , ни Аглаидѣ , не хотѣлось скоро уѣхать. Кончивъ обѣдъ , я сказалъ , что хочу курить трубку ; Аглаидѣ нужно было успокоиться опъ дороги, и мы, всѣ трое, усѣлись на лежанкѣ. Яншаръ мой часто переходилъ въ уста Аглаиды и, возвращаясь опять ко мнѣ , производилъ магическое дѣйствіе , похожее на самыя поцѣлуи. Непринужденная радость царствовала между нами , время лежало спрѣлою , и наконецъ все таки должно было распаться съ хижиной , въ которой я провелъ нѣсколько часовъ , пріятнѣйшихъ въ моей жизни. Такъ , часто веселье закрадывается шуда , гдѣ совсѣмъ его не ожидающъ , и бѣжишь шого мѣста , гдѣ надѣющся его встрѣпишь ! но философію къ споронѣ.

Надобно было ѣхать. Смеркалось, въперъ шумѣлъ и снѣгъ падалъ хлопками. «Сядыте съ нами, сказала Аглаида: погода перемѣняется и вамъ въ саняхъ будетъ холодно.» Разумѣвша я не отказался опъ приглашенія, но только такъ спѣшилъ ихъ, что Аглаида сидѣла почти у меня на коленяхъ. «Видите-ли, я васъ безпокою.»—Ахъ, нѣтъ! мнѣ такъ спокойно, такъ хорошо, отвѣчала она, какъ нигдѣ бытъ не можеть. Пожалуста не ославляйте меня! — Тупъ пихонько взялась она за шинель мою, какъ-бы боясь, чпобъ я не ушелъ опъ нея въ самомъ дѣлѣ. На каждомъ полчкѣ я поддерживалъ Аглаиду, чпобъ она не ударилась головой объ сеспру свою; она держала меня, чпобъ я не выдешъль изъ повозки; наконецъ рука ея нечувствительнѣю обвилась около моей шеи и она очутилась въ моихъ объятіяхъ.

Пылкосінь чувспівъ увлекла меня. Я забылъ въ эпу минушу все: забылъ Людмилу, забылъ измѣну ея и видѣлъ одну полько Аглаиду...

Между шѣмъ совсѣмъ смерклося ; выюга усилилась, и мы сбились съ дороги. Кучера и люди пошли ее опыскивать ; сестра Аглаиды , казалось , заснула, а она склонилась ко мнѣ на плечо.

«Во всякомъ другомъ случаѣ , сказалъ я ей , эпо приключеніе показалося-бы мнѣ очень непріятнымъ ; но шеперь я благословляю его: оно продолжило мое блаженство.»

Аглаида пожала мнѣ руку. — Неужели считаеете вы эпи минушы въ самомъ дѣлѣ счастливыми? — спросила она голосомъ едва внятнымъ.

« О , клянусь , что я уже давно не

испытывалъ такого сладкаго чувства, какое теперь волнуешь грудь мою.»

— А я никогда еще: но это счастье скоро пролетитъ — прибавила она вздохнувъ, и можешь быть никогда не возвратишься!

«И вы такъ думаете? Вы въ самомъ дѣлѣ боитесь потерять это счастье?»

— Теперь мы одни, въ пустынь, среди ночи; никто не мешаетъ намъ говорить то, что чувствуемъ, послушай такъ, какъ великъ сердце... Но, другъ мой — позволь мнѣ хоть разъ въ жизни назвать себя такъ, хоть одну минуточку насладиться всѣмъ моимъ счастьемъ — скоро мы опять будемъ между людьми; пронцапельные глаза спанутъ примѣчатъ за нами, злые языки коварно переполюкуютъ чувства наши, заспаваютъ насъ

скрывать ихъ , и кто знаетъ — можешь быть опять отвлечьъ тебя, опнимушь у пвоей Аглаиды !

«Нѣтъ, милая , несравненная ! сказалъ я съ сильнымъ чувствомъ, почти не помня себя — клянусь , что съ этой минуты мое сердце будетъ принадлежать тебѣ одной, что никакая сила земная не разлучитъ насъ ! »
Тутъ я прижалъ Аглаиду къ сердцу и губы мои прильнули къ ея губамъ.

—А Людмила? испала она, опривая ихъ.

«Людмила!... повпорилъ я. И шакъ ты знаешь... ты поняла все?»

— Я вѣрю, другъ мой, что клятва, которую ты произнесъ сей часъ , не пустой звукъ словъ; знаю, что ты не способенъ играть сердцемъ женщины слабой и совершенно тебѣ преданной ,

и попому хочу бышь опкровенна съ шбой : я давно люблю тебя , даже прежде нежели начала понимашь , что такое любовь ; какъ-же хочешь-ты , чтобы опъ меня скрылись чувства твои къ Людмилѣ? чувства, которыя терзали меня такъ мучительно и долго? . . .

«Ради Бога , не напоминай мнѣ о ней! Ахъ, Аглаида, я недоспойнъ тебя!.. тебѣ должно-бы принадлежать сердце свѣжее , подобное моему. . . одна мысль о прежней любви ужасаетъ меня. . . Людмила теперь для меня не существуетъ; но при малѣйшемъ воспоминаніи о ней я буду обвинять себя: оно будетъ казаться мнѣ ужаснѣйшимъ пресупленіемъ!»

— Ты слишкомъ строго судишь себя. Истинная любовь не такъ ревнива какъ ты думаешь. Заспавишь забышь женщину , тебя недоспойную ,

замѣнишь , если можно , въ сердце
 своею ея мѣсто : вопъ все , чего я
 желаю.

« Ангелъ небесный ! » шепталъ я ,
 осыпая ее поцѣлуями , и она въ нѣ-
 момъ упоеніи лежала на груди моей.
 Въ эту минуту мѣсяць выглянулъ
 изъ за облака и озарилъ прелестное
 лицо Аглаиды; большіе, голубые глаза
 ея были устремлены ко мнѣ и въ нихъ
 блиспали слезы любви и радости. Да,
 другъ мой, это былъ такой часъ, ко-
 порого я никогда не забуду! Для чего
 такъ скоро пролетѣлъ онъ?

Люди опыскали дорогу , колоколь-
 чикъ зазвѣнелъ, мы поѣхали.

— Для чего не могу я, говорила мнѣ
 Аглаида , цѣлый вѣкъ блуждать съ
 шобой въ какой нибудь пущынь , гдѣ
 бы ны одинъ былъ моимъ пушеводи-
 шелемъ, гдѣ-бы я видѣла только одно-

го себя, жила одной любовью своею?... Но мы скоро будемъ между людьми: пверди-же мнѣ, повпоряй мнѣ, пока есть еще время, чпо ты любишь меня!

Наконецъ повозка оспановилась у крыльца; сердце мое спѣснилось и я крѣпко сжалъ Аглаиду въ моихъ объятіяхъ. Мы пріѣхали къ самому ужину. Всѣ безпокоились; но когда узнали, чпо съ нами ничего непріяпнаго не случилось, то долгое пупешеспвіе наше обрапили въ шупку. Одна Людмила не принимала учаспія въ общемъ весельѣ. На лицѣ ея изображалось пакое уныніе, чпо мнѣ самому спало груспно; но при мысли, чпо она скучаетъ безъ Шмита, конорый однакожь будетъ сюда по ея приглашенію, и чпо можетъ быть присупспвіе мое ей въ шягоспѣ— это чувспво жалоспи успупило презрѣнію и чему-то похожему на ревность. Я содрогнулся,

взглянувъ на Аглаиду , и прелесипныя мечпы о любви ея разсѣяли мрачную думу .

Хозяйка наша женщина веселая и богатая . Здѣсь всякой день множеспво госпей , свѣпочныя игры , музыка и танцы . Само по себѣ эпо скоро-бы мнѣ наскучило ; но любовь дѣлаешъ все пріятнымъ и занимашельнымъ . Въ полпѣ я вижу одну шолько Аглаиду , танцюю почти всегда съ ней одной . Кспаши: нынче въ копильонѣ Людмила выбрала меня своимъ кавалеромъ: я думаю изъ благоприспойности и за неимѣніемъ Шелпа . Однакожь я замѣшилъ , чпо она дрожала въ рукахъ моихъ , какъ осиновый листъ . Спранно!... Прощай! успалъ до смерпи .

9.

ГРАФЪ СЛАВСКІЙ КЪ СВОЕМУ ДРУГУ.

Можешь бышь, эпо послѣднее письмо, которое ты опъ меня получишь; можешь бышь я никогда съ тобой не увижусь. Эпо прагическое предчувствіе удивляешъ тебя; но со мной въ самомъ дѣлѣ случилась праги-комедія.

Шмишь пріѣхаль сюда, и хопя, какъ я уже писалъ тебѣ, по приглашенію Людмилы, но обхожденіе ихъ было слишкомъ холодно и спранно. Онъ почти не смѣлъ подходить къ ней, она — какъ будто боялась и глядѣшь на него. Я полагаю, чпо эпо дѣлаешся или съ умысла, при людяхъ, или чпо любовники поссорились, но, не смопря на холодность ихъ, не

могъ равнодушно видѣть этого чело-
вѣка, а шѣмъ болѣе жить съ нимъ въ
одномъ домѣ. При видѣ его я невольно
чувствовалъ какое-то непріятное впе-
чатлѣніе, вспоминалъ поску, копо-
рую онъ заспавилъ меня перпѣтъ сна-
чала моего прїѣзда, и меня всякой
разъ бросало въ жаръ, когда онъ вхо-
дилъ въ комнату. Ни любовь Аглаи-
ды, ни клятва, копорую даль я ей и
себѣ, забытъ совершенно Людмилу, не
могли испребитъ во мнѣ этого чув-
ства. Искра ревности плѣла еще въ
моемъ сердцѣ. Со временемъ она у-
гасла-бы сама собою; но случай заспа-
вилъ ее вспыхнутъ и — я надѣлалъ
дурачесствъ.

Хозяйка наша вздумала дать маски-
рованный балъ. Всѣ приняли это
предложеніе съ удовольствіемъ и на-
чали хлопотать о костюмахъ. Въ
деревнѣ это не бездѣлица. Рису-
ковъ Локуэсса у насъ не было; но намъ

замѣнили ихъ: *Галлерей Народовъ* и карпинки изъ спарыхъ романовъ, которые мы подняли изъ библіотеки. Каждый назначалъ себѣ нарядъ въ мысляхъ, но скрывалъ это опть другихъ, не желая бытъ узаннымъ. Иные дѣлали это престо для забавы, другіе кое изъ какихъ видовъ, и я былъ въ числѣ послѣднихъ. Съ пріѣзда сюда я не имѣлъ почти случая поговорить свободно съ Аглаидой, а замаскировавшись, въ шумѣ панцовъ и музыки, мы легко могли ускользнуть изъ толпы и дать волю чувствамъ своимъ. Самой Аглаидѣ очень хопѣлось эпого, и она мнѣ сказала, что будетъ въ плашь Испанки. Желая бытъ съ нею въ кадрили и спараясь какъ можно болѣе скрытъ себя, я смасперилъ изъ чернаго шалона огромнѣйшій плащъ, досталъ круглую шляпу, которая сплошно надвигалась на глаза, украсилъ ее чернымъ перомъ, изъ Аглаидиной шляпки, и такимъ образомъ

гоповъ былъ преобразиться такъ-же въ нѣчто похожее на Испанцевъ, какихъ ты видалъ на лубочныхъ каршинкахъ, въ романахъ Г-жи Радклифъ.

Между шѣмъ , въ эпихъ всеобщихъ суепахъ и хлопотахъ , я вѣжалъ за чѣмъ-то въ комнапу къ сестрѣ , и увидѣлъ Людмилу , споящую передъ зеркаломъ , въ одеждѣ монахини. Она шакъ была прелесшна въ эпомъ нарядѣ , чпо я опспунилъ опъ удивленія. Нечаянный приходъ мой смупилъ и ее : мы оба спояли какъ окаменѣлые.

«Прекрасный костюмъ ! сказала я наконецъ , запинаясь ; но чпо васъ заспавило его выбрашь ? »

— Обспояпельспва — отвѣчала она едва переводя духъ.

«Спранно ! Кажелся , въ шеперешнемъ вашемъ положеніи горазло-бъ

приличнѣе было выбратьъ свадебное платье.» Спрѣла попала въ назначенное мѣсто : у Людмилы навернулись слезы.

— Ахъ, какъ вы меня мало знаете!— оказала она, спараясь удержашь ихъ. Повѣрьте, что въ самомъ дѣлѣ я скоро надѣну это платье съ шѣмъ, чтобы никогда не скидать его.

Эти слова и слезы ея попрясли мою душу. Я хотѣлъ говорить, хотѣлъ спрашивать : но вдругъ вбѣжала Аглаида, блѣдная, встревоженная ; взоръ ея, казалось, выражалъ упрекъ ; вопросъ замеръ на губахъ моихъ, и я, чтобы скрыть свое смущеніе, взялъ поскорѣй что было нужно, и опроремъю бросился изъ комнаты.

Наконецъ часъ бала наступилъ. Госпи съѣхались и маски начали собираться въ залу. Между шѣмъ какъ

оркестръ спрoился и разныя фигуры мелькали взадъ и впередъ , я , завернувшись въ свой плащъ и надвинувъ на глаза шляпу , сидѣлъ въ углу , въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Послѣдній разговоръ мой съ Людмилой занималъ мои мысли.

«Она скоро надѣнетъ плащъе монахини, съ шѣмъ , чпобы никогда не скидашь его , повпорялъ я самъ себѣ. Чпожь-бы ее къ шому понуждало? » Тонъ голоса , копорымъ она сказала мнѣ это , безиреспанно опзывался въ ушахъ моихъ; слезы ея упали на мое сердце. Ахъ , другъ мой , какую силу имѣютъ надъ нами слезы женщины , и особенно шой , копорая прежде была намъ драгоцѣнна!... Я онятъ рѣшался поговорить съ нею , еще разъ испытать , не будешъ-ли она опкровеннѣе , но вспомнилъ Аглаиду , кляшву , копорую далъ ей: совѣспъ меня упрекнула , и я , погруженный въ мрачныя

размышленія , машинально смотрѣлъ на Турковъ, на Казаковъ, на Черкешенокъ, на двѣушекъ въ Русскомъ плащѣ; только Испанка и монашенка занимали меня , и попеременно предспавлялись воображенію, одна— съ свѣплымъ, веселымъ взоромъ любви, другая — съ прогапельными своими слезами.

«Полчаса стою возлѣ васъ , и ни одного слова, ни одного взгляда!» сказалъ мнѣ на ухо голосъ. Я обернулся: это была Аглаида.

«Впрочемъ я не сержусь на моего ипохондрика— прибавила она— и очень буду рада, если мнѣ удаспся разогнать его задумчивоспъ.»

Эта милая внимательность, съ какою она меня искала, и нѣжный упрекъ, заспавили меня содрогнуспся. Я подалъ ей руку и мы пошли по комнатамъ. Въ залѣ начались панцы , въ

госпиной спарики и спарушки сѣли за каршы, въ диванной пакъ-же была толпа народа.

Эпопъ шумъ и многолюдство были несны намъ. Мы искали уединенія. «Я-бы опдала псцерь половину жизни, сказала подруга моя, если-бъ въ эту минушу могла перенеспись съ тобой въ какую-нибудь хижину, удаленную опъ всего свѣпа; памъ-бы я могла свободно пвердипь о любви своей!» Говоря такимъ образомъ, мы очупились въ корридоръ, и увидѣли комнапу, слабо освѣщенную и пуспую. За ней была другая, совсѣмъ почпи пемная, въ копорую свѣпъ проникалъ только сквозь полуотворенную дверь. «Слава Богу! сказала Аглаида, здѣсь мы будемъ свободны, и хопъ на одну минушу можемъ дань волю чувспвамъ нашимъ.» Мы сѣли на диванъ и сняли маски. Аглаида была прелеспна, какъ ангелъ! Розы горѣли на щекахъ ея,

томный взоръ пылалъ любовью и нѣгой; но какая-то грусть помрачала его; разговоръ ея былъ разсѣянъ, ласки принужденны, словомъ, я видѣлъ, что у нее лежало что-то на сердцѣ, и спросилъ ее объ этомъ.

«Другъ мой, сказала она, моя любовь къ тебѣ такъ сильна, такъ безкорысна, что при ней у меня въ сердцѣ нѣтъ мѣста для ревности. Но я давеча видѣла тебя съ Людмилой... видѣла ея слезы иливое смущеніе... Скажи мнѣ, что вы говорили? Я боюсь не за себя; но если эта коварная женщина опять завлечетъ тебя и снова лишитъ спокойствія, которое ты только что началъ возвращать себѣ?... Эта мысль убиваетъ меня!...»

Я радъ былъ, что Аглаида начала говорить объ этомъ. Мнѣ самому хотѣлось сказать ей, какъ я вспрыгнулъ съ Людмилою, когда она нашла насъ

вмѣспѣ, и увѣришь ее, что я совсѣмъ не искалъ объясненія. И такъ, я разсказалъ все подробно, и это облегчило мое сердце.

«И ты повѣрилъ ей?» спросила Аглаида.

— Поспупки ея такъ спранны, что я не знаю, какъ думаешь о нихъ. Кажется, любовь ея къ Шмипу ясно доказана; но къ чему-жь говоришь она, что идеешь въ монастырь? . . . Опъ чего-жь эти слезы, копорыя, кажется мнѣ, не могли бытъ припворными? . . .

«Другъ мой, это слезы крокодиловы . . .»

— Ужасно, Аглаида, ужасно! . . . Неужели женщина можешь бытъ до такой степени низка и обманчива?

Аглаида вздохнула, и съ минушу продолжалось молчаніе.

«А что ты скажешь, например, если теперь же увидишь, что она, в своей монашеской одежде, рука съ рукой, прохаживается со своимъ обожашелемъ, и следовательно думаешь совсѣмъ не о монашѣхъ!»

Дрожь пробѣжала по мнѣ. Я готовъ былъ вскочить и собственными глазами увѣриться въ это: но присупствие Аглаиды удержало меня. Съ судорожнымъ движеніемъ я схватилъ ея руку, какъ-бы боясь, чтобы непреодолимая сила не увлекла меня отъ нее.

—И такъ, Людмила проспо смѣется надо мной! — сказалъ я, спараясь скрыть свое волненіе.

«Зачѣмъ увеличивать вещи, другъ мой?»

запруднилъ пельномъ положеніи: можеть спашься , боишься упрековъ своихъ , хочеть избѣжашь рѣшипельнаго объясненія , но не имѣя для этого ума и оборотливости , запущиваетъ себя , дѣлаетъ глупости , чтобы какъ-нибудь только опшиянуть дѣло до своего опѣзда — вопшь и все шущь. . . Но , мой Александръ , ты общалъ мнѣ забышь ее совершенно , а я вижу , что поступки ея прогають шебя еще слишкомъ сильно. . .»

Въ эпю минушу я похожъ былъ на ребенка , котораго поймали въ кустѣ смородины . Горестъ , спыдъ , раскаяніе спѣснились въ душѣ моей ; слезы брызнули изъ глазъ , и я бросился къ ногамъ Аглаиды .

— Проспи меня , Аглаида ! Я сказалъ , что недостоинъ проспи мнѣ минушное раго я преодолѣшь

Агланда забыла все. Она упала на грудь мою; я повпорялъ ей кляпвы любви и печашлъ ихъ на алыхъ, мягкихъ уснахъ ея. . . Вдругъ изъ ближней комнапы послышался вздохъ и шелестъ походки, какъ-бы кто-то спѣшилъ удалиться опть двери. «Нась видѣли, подслушали!» сказала Агланда, вырываясь изъ объапій моихъ, и я спремглавъ бросился изъ комнапы, чпобъ узнать, кто эпо былъ шакой; но противоположная дверь зашвори- лась, и я не смѣлъ выйти, ежели я могъ разсмотрѣть, кто изъ нихъ былъ. Я бѣгу далѣе и только ужь въ корридоръ замѣчаю, что опть меня спѣшилъ скрпться женщина, въ черномъ креповомъ плашьѣ и въ длинномъ флеровомъ покрывалѣ шако- го-же цвѣта. Я хотѣлъ возвратиться къ Агландѣ и спросить у ней, не видѣла ли она, кто изъ дамъ былъ въ черномъ нарядѣ, какъ въ то время была одѣта ою монахиню: ее я узналъ за оу- вязый рыцарь, въ

шишакъ изъ карпузной бумаги, въ спеганой кожаной фуфайкѣ, въ лосиныхъ панталонахъ и съ деревяннымъ копьемъ въ рукахъ — словомъ, совершенное подобіе Донъ-Кихота. И вообрази себѣ негодование мое, когда по высокому роспу, по чернымъ перьямъ на шлемѣ, выдерганнымъ изъ пѣхопнаго султана, по форменной шпакѣ съ пемлякомъ, привѣшенной черезъ плечо, и по спарымъ бопфорпамъ, я узналъ въ немъ Шмиша, не смотри на то, что забрало бумажнаго шишака было опущено. Кровь моя закипѣла. Я вспомнилъ слова Аглаиды, и мысль, что припворная, низкая женщина заставила меня невольно поколебаться, была мнѣ нестерпима. «Ты меня заставила огорчить Аглаиду,» думалъ я, «но я опмщу за это, и, не сдѣлавшись въ другой разъ виновнымъ передъ ней, принужу тебя кончить глупую комедію, которая мнѣ спановилась несносна.» Я не смѣлъ ошдашь

себѣ опчета въ чувствахъ, которыя овладѣли мной въ эту минуту. Мнѣ казалось, что это одно только справедливое негодованіе; но думаю, что тупь была примѣшана и ревность: адскія муки перзали душу мою. Между тѣмъ Людмила замѣшила меня, и, какъ кажется, узнала: она сказала что-то на ухо своему рыцарю, и они прибавили шагу, желая опъ меня скрыться. Тупь я болѣе не въ силахъ былъ владѣть собой. «Позвольте, господинъ Донъ-Кихотъ!» закричалъ я, «остановитесь на минуту!» Но Г-нъ Донъ-Кихотъ такъ улепѣшывалъ, что я насилу могъ догнать его въ концѣ корридора, и схватилъ за руку. Это быстрое нападеніе, кажется, удивило его; онъ споялъ въ молчаніи, а дама его дрожала какъ въ лихорадкѣ.

«Давно-ли, Г-нъ Донъ-Кихотъ, сказалъ я наконецъ, вы сдѣлались такъ шрусливы? Прежде вы сами опыски-

вали приключеній , а шеперь бѣгаете
опъ нихъ. »

Кажется, рыцарь не понималъ чего
я хочу , не зналъ , что все это зна-
чипъ , и, по нѣкопору мълчаніи ,
опшвѣчалъ мнѣ такою-же маскарадной
шупкой :

— Милоспивый Государь — сказалъ
онъ — если-бъ я былъ одинъ , то ,
клянусь прекрасною Дульцинеей , не
побоялся-бы самага чорпа! Но, вы ви-
дите, что со мною дама. Плашье ваше,
проспите моей опкровенности, очень
похоже на плашье нашихъ Испанскихъ
разбойниковъ, опъ которыхъ я имѣлъ
честъ освободитъ ее; и шакъ не му-
дрено , что при взглядѣ на васъ она
испугалась и просила меня поскорѣй
удалиться.

« Жалю очень, что дама ваша шакъ
робка; но повѣрьте , что не спрахъ

заспавляешъ ее убѣгать меня, а спыдь и совѣсть. Послушайте , сударыня! прибавилъ я, обращаясь къ ней и скинувъ маску , я увѣренъ , что вы давно узнали меня ; но для предупрежденія съ вашей стороны всякихъ опговорокъ , открываю лицо мое ; прошу васъ сдѣлать поже и опвѣчать мнѣ не шупя: что значатъ послѣднія слова , которыя я опъ васъ слышалъ ? Кто вынуждалъ васъ говорить ихъ , и кто далъ вамъ право смѣяться надо мной такимъ наглымъ образомъ ? »

—Ради Бога, защитите меня, Г-нъ Рыцарь!—пропщалъ припворный голось изъ подъ маски.

«Государь мой — сказалъ рыцарь — хопя я и не понимаю , что все это значить , и хопя вижу , что это совѣмъ уже не шупка , но прошу васъ дѣлать моеѣ дамъ вопросы еъ другое

время. Я не знаю, имѣете-ли вы на это право, или нѣтъ, и не буду этого изслѣдовать, только говорю вамъ, также не шучу, что покуда имѣю честь быть ея кавалеромъ, до тѣхъ поръ никому не позволю ни обижать ея, ни беспокоить, и докажу это копьемъ, мечемъ, пѣшій, конный — какъ вамъ угодно, слѣдую правиламъ чести, и того, кого я теперь представляю.»

—Оставьте, пожалуйста, этого рыцарскій понъ, Г-нъ Шмитъ. Неужели вы думаете, что подъ этимъ бумажнымъ шишакомъ я не могу узнать васъ? Говорю вамъ, что я покуда еще имѣю гораздо сильнѣйшія права на вашу даму, нежели вы, и докажу это, не мечемъ и не копьемъ, а просто заставивъ ее, или сей часъ-же признать васъ открыто женихомъ своимъ, или прекратить съ вами всякое сношеніе. Извольте, сударыня, отвѣ-

часть: что значасть всё ваши поспуцки ?

Тутъ бѣдная монахиня, видя, что я приспупаю къ ней слишкомъ горячо, вырвала руку свою у рыцаря и пустилась бѣжать. Это еще болѣе взбѣсило меня: я бросился за ней, желая непременно все кончить, но Шмицъ загородилъ мнѣ дорогу копьемъ своимъ.

« Вы, мнѣ кажешся, съ ума сошли, Графъ » сказалъ онъ, спараясь удержать меня. И въ самомъ дѣлѣ, преграда, которую онъ посипавилъ мнѣ, сдѣлала меня совершенно полоумнымъ. Видя, что Людмила ускользнула и меня опять оставила въ дуракахъ, я въ испупленіи хватаюсь за копье, переламываю его и осколкомъ поражаю моего противника въ голову, такъ сильно, что шлемъ его слетѣлъ съ головы и покапился на полъ. Изумленный, оглушенный ударомъ, Шмицъ

споялъ, какъ сполбъ, съ обнаженной головой, и не зналъ, чпо ему дѣлать. Я самъ опомнился послѣ эпого геройскаго подвига, и начиналъ ужъ раскаяваться, чпо завелъ испорію совсѣмъ не у мѣсна и не во время. Между тѣмъ (подивись присуствію духа женщинъ!) бѣгущая монахиня наша, видя, чпо побѣгъ ея и шумъ нашего сраженія привлекли зрительей, закричала имъ: «Шупка, господа, шупка! не безпокойтесь! на Г-на Донъ-Кихота, который провожалъ меня въ монашхырь, напалъ разбойникъ, побѣдилъ его, и я спасаюсь бѣгствомъ.» Всѣ засмѣялись, и мы имѣли время опомниться.

«Надобно въ самомъ дѣлѣ увѣришь всѣхъ, чпо эпа была шупка,» сказала я, надѣвая маску.— Но знаете-ли, чпо эпа шупка можетъ быть омыша только кровью? — отвѣчалъ Шмигъ, подымая шлемъ свой. «Знаю, сударь, и гошовъ сдѣлать удовольствореніе на

чемъ и какъ вамъ угодно; полько согласишесь , что пеперь эпо должно бышь скрыпо.» Миѣ удалось наконецъ убѣдиль разгоряченнаго Капишана , что не прилично дѣлать свидѣтелями нашей испоріи пятьдесятъ человекъ постороннихъ людей , и что въ случаѣ гласности насъ могутъ даже лишиться удовольствія подрапьяся. Такимъ образомъ собравшаяся толпа повѣрила , что мы сыграли маленькую комедію ; всѣ жалѣли , что не заспали начала и разошлись преспокойно.

Вошедши въ залу , я не видалъ ни монахини , ни дамы въ праурномъ платьѣ , ни Испанки моей : онѣ всѣ исчезли. Да и признаюсь себѣ , въ эту минуту я не слишкомъ желалъ встрѣпиться съ Аглаидой. Правда , что я началъ испорію съ шѣмъ полько , чтообъ уличить Людмилу ; но послѣдствія обвиняли меня , и я самъ въ душѣ сознавался , что пишу при-

мѣшана была ревность — иначе я не поспунилъ-бы такъ безразсудно и запальчиво. Въ погдѣшнемъ моемъ расположеніи духа я не могъ долго оспаваться въ обществѣ , и поспѣшилъ найдти Шмиша, чшобъ условиться съ нимъ обо всемъ хорошенько.

«И такъ, Капитанъ , на чемъ вамъ угодно?» спросилъ я , подошедши къ нему.

— На писполетахъ, разумѣется.

«Очень хорошо. Но чшобъ отвратить всякое подозрѣніе, скажите-же, чшо завтра мы съ вами ѣдемъ къ вашему Полковнику , съ копорымъ вы хопите меня познать. Разумѣется, я опсправлюсь домой , вы къ себѣ на кварширу, а послѣ завтра , въ десять часовъ по упру , я васъ дождаюсь у роци , копорая на половинѣ дороги между моей деревней ; и той ,

гдѣ вы кваршируете. Секунданпа я не имѣю , да онѣ и не нуженъ мнѣ : я вѣрю вашему.»

Онѣ согласился на все , и мы распались до *радостнаго* свиданія. Съ мапушкой и сеспрой я проспился съ вечера , сказавъ , что на другой день рано ѣду съ Шмипомъ въ его Полковой-Шпабѣ. Онѣ не имѣли ни малѣйшаго подозрѣнія , не видали сцены нашей и легко мнѣ повѣрили. Но у меня сердце облилось кровью при этомъ прощаньѣ , и слезы чуть-чуть не брызнули. Между шѣмъ Агланда , не знаю какъ и почему , все узнала. Когда въ домѣ улеглись , и я , опшуспивъ камердинера , ходилъ взадъ и впередъ , думая обо всѣмъ случившемся— дверь моей комнаты пихо распворилась , и горничная Агланды подала мнѣ записку. Я прочипаль вопѣ-что :

«Знаю , другъ мой , что испорія

ваша съ Шмипомъ была совсѣмъ не шулка , и боюсь , что она такъ не кончится... Какъ ты виновата передо мной , Александръ ! . . . Въ самое по время , когда швердилъ мнѣ о любви своей , когда поцѣлуи твои горѣли еще на губахъ моихъ , ты забылъ все при видѣ женщины , къ которой клялся быть равнодушнымъ ! . . . Но , другъ мой , я не виню , не упрекаю тебя ; только прошу : ради самаго Бога , пощади жизнь свою ! . . . Можешь быть , опасенія мои несправедливы , но ты знаешь , какъ робка любовь . Мнѣ извѣсны ваши ложныя понятія о чести , и я содрогаюсь при одной мысли о томъ . . . Заклинаю тебя , будь благоразумнѣе ! Разсуди , за кого ты будешь подвергать себя опасности ! . . . Подумай , что это убьетъ твою мапушку , сестру , и если не изъ любви , то хотя изъ жалости , не доводи меня до опчаянія : твоя Аглаида не переживетъ тебя ! » . . .

Сердце мое разрывалось при чтеніи этой записки. Аглаида была вѣрно незамѣпной свидѣпельницей этого произшествія; иначе она не могла знать о немъ. Все по наружности обвиняетъ меня въ глазахъ ея, и не смотря на то, она такъ-же любитъ меня, дорожитъ моею жизнью: это меня убиваетъ!... Но дѣло сдѣлано, раскаяніе поздно! . . .

Я отвѣчалъ ей, оправдывалъ себя, какъ могъ, и чтобы успокоить ее, увѣрилъ, что мы помирились съ Шмитомъ, и все кончили; а на другой день по утру, т. е. нынче, отпра- вился домой, откуда пишу къ тебѣ, и, на случай если меня не будешь, къ мапушкѣ, сестрѣ и Аглаидѣ. Мнѣ жаль ихъ, другъ мой! Для нихъ мнѣ бы должно было поберечь себя. Тысячу разъ я раскаявался въ моей безразудности; но исправить ее все таки не въ силахъ. Просишь извиненія у

Шмипа , значило-бы подашь ему поводъ счипаешь меня или въ самомъ дѣлѣ безумнымъ , или , что и того хуже, шрусомъ; да и согласишься-ли онъ просишь шакую грубую обиду, какую я ему сдѣлалъ? . . .

А всему причиною Людмила... Боже мой! не уже-ли совѣшь не упрекнешь ее? не уже-ли она не испытываетъ и половины шѣхъ мученій , которыя заспавила перенесли меня? — Прощай!

10.

Людмила къ своей пріятелиницѣ.

Я писала къ тебѣ , что мы ѣдемъ къ Г-жѣ Вельской , писала , какъ эта поѣздка непріятна для меня, и между

пѣмъ никакъ не рѣшилась оспашься дома: мнѣ легче, грустной, одинокой, безмолвной, какъ испуканъ, сидѣть въ шумномъ кругу веселаго общеспва, легче переносить всѣ муки, копорыя я шерплю здѣсь, нежели совсѣмъ не видашь Графа. Ахъ, милая, какъ слабо сердце мое! Зная, что скоро распанусь съ нимъ навсегда, я считаю поперянной шу минушу, въ копорую не вижу его: какъ будшо взоръ мой хочешъ запаспись для будущаго...

Всѣ собирались сюда съ удовольспвiемъ, всѣ надѣялись весело провеспи время; шолько мнѣ одной было грустно; сердце мое замирало, какъ-бы предчувспвуя, что мнѣ здѣсь гоповапся новыя гореспи, и эшо предчувспвiе не обмануло меня: онъ любитъ Аглаиду, любитъ шакъ, какъ, можешъ бышь, никогда не любилъ меня!... Я сама видѣла, какъ онъ лежалъ у ногъ ея., и — безумная! за нѣсколько часовъ до

шого голова была опкрышь ему душу свою ! . . .

Ты знаешь намѣреніе мое , посвятивъ себя Богу ; но я опложила исполненіе его до опѣзда Графа , боясь , что онъ спанепъ дѣлашь мнѣ вопросы , копорые я не въ силахъ буду выдержашъ : опкрою ему , какъ-нибудь , что Графиня принуждаешъ меня къ ненавистному замушсву , а черезъ эпопоссорю ихъ , и , можешъ бышь , прошивъ воли обнаружу чувсва свои , копорья и безъ того скривашъ мнѣ очень шрудно .

Такъ думала я , и между шѣмъ мнѣ вдругъ пришло въ голову сдѣлашь себѣ монашеское плашье къ маскараду , копорый былъ здѣсь вчера . Рѣшась скривашъ свое намѣреніе опъ Графа , я не могла опказашъ себѣ въ удовольствіи показашъ ему монахиней . «Можешъ бышь , шенерь онъ опшавишь

безъ замѣчанія нарядъ мой; но послѣ, когда узнаешь, что я не существую для свѣта, вспомнишь о немъ и поймешь, что предвѣщаль онъ,» говорила я — и эта мысль упышала меня, какъ яблоко расплаканнаго ребенка, который улыбаенся глядя на него сквозь слезы.

По утру, передъ маскарадомъ, платье мое было гошпово, и я надѣла его примѣришь. Въ комнашъ никого не было, но вдругъ дверь расшворилась и передо мной явился Графъ. Думая о немъ безпрестанно, но никакъ не ожидая видѣшь его въ эту минушу, я ужасно смѣшалась. И каково-жь было мое положеніе, когда онъ, похваливъ нарядъ мой, прибавилъ съ насмѣшкой, что мнѣ гораздо-бъ приличнѣе было шеперь свадебное платье?... Сердце мое, и шакъ ужь слишкомъ распроганное, не могло перенести этого несправедливаго упрека, и слезы

прошивъ воли выпунили на глазахъ моихъ. Я не въ силахъ была владѣть собой и сказала, что въ самомъ дѣлѣ хочу идти въ монастырь. Слова мои удивили его; онъ хопъль что-то говоришь; я гопова была все высказашъ: но шупъ вбѣжала Аглаида и помѣшала разговоръ, копорый не знаю чѣмъ бы кончился.

Графъ вышелъ въ шу-же минушу, а я все еще спояла на своемъ мѣспѣ, какъ прикованная къ полу.

«Что съ вами сдѣлалось? спросила Аглаида, вы вѣрно не здоровы?»

— Да, мнѣ очень дурно.—И въ самомъ дѣлѣ я насилу могла понаспѣ на спуль, копорый спояль возлѣ меня.

«Не подашь-ли вамъ воды?... Эти исперическіе припадки бывають и со

мною—опть слабоспи нервъ, кошорыми, я думаю, всѣ мы часпо спрадаемъ.»

Если-бъ Аглаида спала увѣряшь, что у меня горячка, я и шупь бы согласилась съ ней, чпобъ полько скрышь наспоящую причину моей болъзни. Впрочемъ, можешъ бышь она и догадывалась опть чего я шакъ разспроена; но по крайней мѣрѣ я была ей благодарна за то, что она не хопъла показать эпого. Между шѣмъ вода въ самомъ дѣлѣ освѣжила меня, и мнѣ спало легче.

«Нарядъ вашъ прекрасенъ, и вамъ очень къ лицу,» сказала Аглаида, когда я немного оправилась.

—Можешъ бышь; полько я обь эпомъ совсѣмъ не забопилась.

«Не говорите эпого женцинѣ.. Но мнѣ жаль, что вы не можете бышь

въ немъ на балъ. Не эпо-ли васъ огорчило?» прибавила она засмѣявшись.

— Опъ чего-жь я не могу бытъ въ немъ? спросила я, почти не слушая ея и думая совсѣмъ о другомъ.

«Графъ видѣлъ васъ въ немъ, а у насъ, кажешся, еспъ условіе, чшобъ костюмы дамъ не были извѣсны кавалерамъ.»

— Но всѣ-ли выполнятъ эпо условіе? — сказала я, начиная вникать въ слова ея и поглядѣвъ на нее при-спально.

«Если и еспъ между нами *предательницы*, по все онѣ эпо сдѣлаютъ не шакъ явно, какъ вы. Но какое намъ дѣло до другихъ: лишь бы мы были правы. Я, по крайней мѣрѣ, гошова божишься, чшо даже никшо

изъ дамъ не знаешь въ чемъ я буду одѣта.»

Разумѣется , что условіе , о которомъ мнѣ говорила Аглайда , было не серьезное , а слова ея — шутка. Но я сама начинала раскаяваться , что сказала Графу слишкомъ много. Слезы мои и смущеніе высказали еще больше. Кто могъ ручаться , что въ маскарадѣ онъ не захочетъ возобновить разговоръ нашъ , и испоргнетъ у меня шайну , которую скрыть шеперь было почти невозможно. При томъ-же онъ ужъ видѣлъ меня въ плащѣ монахини , слѣдовательно главное желаніе мое исполнилось. Разсудивъ обо всемъ этомъ , я рѣшилась въ самомъ дѣлѣ переѣннить костюмъ , и сказала Аглайдѣ , что согласна съ нею.

Времени до маскарада оставалось немного. Къ счастью взяла я съ собою , на случай всегдашнихъ свѣточныхъ

переодѣваній , сипаринное мапушкино праурное плашье. Передѣлки за нимъ было не много и я, одѣшая въ крепь, покрывая флеровымъ покрываломъ , сошла въ залу. Мнѣ хотѣлось узнать между масками Графа; но шупь, казалось, не было никого на него похожаго. Нарядъ мой совершенно опвѣчаль расположенію моего духа: грустная, одинокая бродила я въ полпѣ веселящихся, и, желая удалиться отъ шума, который спалъ мнѣ на конецъ несносенъ, зашла въ пущую и опдаленную комнапу. Вдругъ слышалось мнѣ, что за дверью разговариваютъ. Я узнала голосъ Графа, попомъ Аглаиды, и, какъ прикованная невидимой силой, опспалась неподвижна на мѣстѣ. Казалось, что они произносили мое имя; но бѣненіе сердца, сильный прененъ и какое-шо полубезпамятство мѣшали мнѣ вслушаться хорошенько въ разговоръ ихъ... Только помню шо, что, заглянувъ въ

дверь, я увидѣла Аглаиду въ его объ-
 ятіяхъ... поцѣлуй опозвался въ ушахъ
 моихъ... Тупь не въ силахъ болѣе
 удерживать рыданій, копорья шѣ-
 снили грудь мою, какъ безумная
 прибѣжала я къ себѣ въ комнату,
 сорвала нарядъ свой и бросилась въ по-
 спель.

И теперь еще, какъ-бы послѣ тя-
 желой болѣзни, я сижу въ какомъ-то
 изнеможеніи, и грустное воспоминаніе
 беспрестанно обливаешь кровью сердце
 мое. Какое ужасное чувство ревности!
 Дай Богъ, милая, чшобъ ты никогда
 не испышала его! Всѣ муки сердца
 ничто въ сравненіи съ эпой. Но
 ошказавшись опъ него, не должна-ли
 я была предузнать, чшо увижу его
 когда нибудь счастливымъ съ другою...
 Теперь я лишена всего, даже послѣд-
 няго, горькаго удовольствія: упрекашь
 въ измѣнѣ, пошому чшо сама прину-
 дила его къ эшому...

Вчера всё опсиода разъѣхались. Графиня съ Вельской и невѣснкой своей уѣхали къ одной ихъ знакомой, верспъ за двадцать ; Графъ съ Шмипомъ въ Полковой Шпабъ. Для меня непоняпно, что Шмипъ, не смотря на письмо мое и холодноспъ къ нему, пріѣхаль сюда въ слѣдъ за нами и не оспавляешъ до сихъ поръ своихъ видовъ на меня. Не вздумаешъ-ли онъ дорогой погово-ришь объ эпомъ Графу ? . . . Думаю , что шеперь онъ и самъ будешъ въ состояніи уговаривашъ меня выйдши за мужъ! . . . Я не знаю , чѣмъ все эшо кончипся ; но по крайней мѣрѣ рада шому, что цѣлый день свободно могу сидѣшь въ своей комнашъ , думашь , плакашъ и писашъ къ шебѣ . . .

Вообрази себѣ мой ужасъ ! Когда я дописывала послѣднюю спрочку , ко мнѣ вбѣжала Юлія , блѣдная , полу-мертвая. « Другъ мой ! » сказала она ,

«братъ болѣнъ, раненъ! онъ спрѣлся съ Шминомъ.» При этомъ извѣстїи въ глазахъ у меня пошемельо, и лчуть было не упала со стула. Наконецъ, опомнившись опъ перваго испуга, я спросила, кто ей это сказалъ, и узнала, что камердинеръ Графовъ прислалъ нарочнаго, и что самъ онъ безъ памяти. «Это убьетъ мапушку!» повпоряла Юлія въ опчаяніи. Мы начали разсуждать, что намъ дѣлать, и рѣшились написать къ Вельской, чтобъ она подъ какимъ-нибудь предлогомъ задержала Графиню на нѣсколько дней въ госпяхъ, а сами сей часъ ѣдемъ домой.

Аглаида поблѣднѣла какъ смерть, услышавъ, что онъ раненъ, и безпрестанно плачетъ. Не понимаю, за что они поссорились! . . . Но что до этого: я теперь не хочу ничего знать, ничего не желаю, кромѣ

пого полько , чпобъ онъ жилъ . . .
 Лошади готовы; прощай !

11.

ЛЮДИЛА КЪ СВОЕЙ ПРЯТЕЛЬНИЦѢ.

О, моя милая, сколько быспрыхъ ,
 чудныхъ, неожиданныхъ перевороповъ
 случилось со мной ! Сердце мое испы-
 шало сполько различныхъ сильныхъ
 чувствъ, сполько еще испытываетъ
 ихъ и теперь, что я не знаю буду-ли
 въ соспоянїи пересказать тебѣ все.

Мы выѣхали съ Юліей ночью , ска-
 ками сломя голову, и прїѣхали домой
 еще до свѣшу. Здѣсь нашли мы полко-
 ваго Доктора , копората прислалъ
 Шмицъ. Онъ сказалъ намъ, что Графъ
 получилъ рану въ плечо, копорая со-
 всѣмъ не опасна; но что онъ пошерялъ
 много крови и при перевязкѣ съ нимъ

сдѣлалась дурноша, а къ вечеру жаръ, бредъ и всѣ признаки горячки, въ-рояпно — прибавилъ онъ — происшедшей опъ какого-нибудь душевнаго безпокойства, къ чему шакъ-же присоединилось и воспаление раны. Увѣривъ насъ, что большой опасности еще не видно, сдѣлавъ нужныя наспавленія, Докшоръ на другой день уѣхалъ, давъ обѣщаніе пріѣзжать черезъ сутки, или какъ позволимъ его должностъ, и препоручилъ больнаго нашимъ попеченіямъ.

Съ какимъ удовольствіемъ дѣлила я ихъ съ Юліей и просиживала съ ней цѣлыя ночи въ его комнашѣ. Иногда приходилъ онъ въ себя, и, казалось, ему было пріятно видѣть насъ; но черезъ минушу опяшь забывался. Такъ прошло нѣсколько дней. Докшоръ пріѣзжалъ и уѣзжалъ, больной былъ все въ одномъ положеніи.

Въ ту ночь, когда мы съ безпокой-

симвомъ ждали перелома его болѣзни , онъ въ безпамятствѣ произнесъ мое имя. Я содрогнулась , краска выступила на лицѣ моемъ. Мы были только вдвоемъ съ Юліей. « Людмила , сказала она , братъ въ самомъ дѣлѣ страдаетъ душевно.»

— Можете быть — отвѣчала я , невольно вздохнувъ.

«Послушайте: онъ... любитъ васъ...»

Сердце мое замерло , и я не знала , что отвѣчать ей.

«Вы любите его также , продолжала Юлія , это я знаю ; но между вами есть какая-то недовѣрчивость , какая-то холодность , и мнѣ очень немного надобно было проникательности , чтобы замѣнить все это . . . Скажите мнѣ , какъ вы думаете , за что они поссорились съ Шмипомъ?»

— Что касается до этого, Графиня, то мнѣ сполько-же извѣсна причина ссоры ихъ, какъ и вамъ; и я сама-бы очень желала узнатьъ ее.

«Но, Людмила, будьте, ради Бога, опкровенны: что значить это странное обращеніе ваше съ братомъ? Что мѣшаетъ вамъ быть моею сестрой? . . . »

Милый, ласковый голосъ, копорымъ она произнесла послѣднія слова, пронудъ меня, и сердце мое гоново было опкрыпья.

— Боже мой! что вы говорите! — сказала я въ сильномъ движеніи — возможно-ли это!

«Почему-жь не возможно?»

— Ахъ, Юлія, вы вырываете у меня шайну, копорую я хощла хранить

во всю мою жизнь: но я не могу проливнисья вамъ! Назвапъ васъ сеспрой, было-бы для меня величайшимъ счаспіемъ; но шупъ много препяшспвій... и шеперь болъе, нежели когда-нибудъ...

«Какія-же именно?»

— Во первыхъ, захочешъ-ли эпого ваша мапушка?

«Мапушка! Опъ чего-же?»

— Къ несчастію, мнъ слишкомъ ясно доказываешъ эпо — сильное желаніе ея выдапъ меня за Шмипа.

«Какъ-же вы худо ее понимаете, сказала Юлія, покачавъ головою: она сшипашъ эпую паршію выгодною для васъ, и все ея желаніе соспоишъ шолько въ шомъ, чшобъ сдълапъ вамъ счаспіе.»

— Но развѣ забыли вы слова ея , когда она въ первый разъ говорила мнѣ о предложеніи Шмица : Не заносись слишкомъ высоко , чшобъ послѣ не раскаяваешься , сказала она , и не дала-ли мнѣ эшимъ почувспвованшъ мою бѣдностшъ и ничшожеспво? Ошъ того , по пріѣздѣ Графа , я боялась говоришь съ нимъ , скрывала любовь свою , и опдалила его шакъ , чшо , можешъ бышь ; сердце его ужъ никогда ко мнѣ не возвратишся . . .

«Спало бышь , по милоспи эшихъ же словъ вы хопшли сдѣлашья и монахиной ? »

— Да .

«Ну , Людмила , еслибы я не любила васъ , шо право-бы въ соспояніи была смѣяшья надъ вами . Эши роковыя слова , копорыя вамъ надѣлали сполько хлопощъ , были просшо со-

вѣшь, моя милая, не имѣющій никакого особеннаго смысла. О любви вашей къ брату мапушкѣ и въ голову не приходило. Знаете-ли: я даже сказала ей однажды, что онъ былъ-бы очень счастливъ, если-бъ имѣлъ такую жену; какъ вы...»

— Чтожь она отвѣчала? — спросила я едва переводя духъ.

«Сначала ей почто показалось это странно, какъ-бы вещь, о которой она никогда не думала; но наконецъ я увидѣла, что она въ душѣ согласилась со мной, и сказала только, что Александръ слишкомъ еще молодъ, и ей хочется, чтобы онъ послужилъ. Но если она узнаеть, что онъ любитъ васъ, то вѣрно, для пустыхъ предразсудковъ, не захочеть нарушить счастья двухъ человекъ, сколько ей любезныхъ. Да, Людмила, она любитъ васъ, какъ дочь, и я ручаюсь, что съ

удовольспвіемъ назовешъ васъ эшимъ
именемъ.»

Въ восхищеніи я поцѣловала Юлію;
но скоро гореспныя мысли разрушили
очарованіе.

— Для чего прежде я не знала объ
эпомъ, милая Юлія; а шеперь поздно:
онъ ужъ не любитъ меня; одна Аглаида
живешъ въ его сердць!...

«Въ самомъ дѣль?... Я сама видѣла,
что она ловишъ его; но не думала,
чтобы онъ пакъ скоро попался на
удочку. Впрочемъ, если вы заключаеше
пакъ по ся обращенію съ нимъ, то
это еще не еспь доказательспво.»

— Нѣшъ, я говорю это не по догад-
камъ, и, къ несчастію, все знаю слиш-
комъ хорошо.

«Въпреница!... Но чѣмъ-же кон-
чипся эта связь? Я знаю, что ма-

пушка скорѣй позволишь брату жениться на скопницѣ , нежели на вну- чапной сеспрѣ; она строгая христіан- ка, и даже бракъ въ нѣпомъ колѣнѣ считаешъ смерпнымъ грѣхомъ... Бѣд- ный братъ! гдѣ былъ его разсудокъ?»

— Развѣ спрасъ слушаешся раз- судка ?

«Правда... Но, Людмила, не сами-ли вы доказали, что это можетъ быть? Согласишесь , что вашъ поступокъ сдѣлалъ-бы честь любой героинѣ ро- мана Мадамъ Жанлисъ.»

Какъ мнѣ ни было грустно , одна- кожь я не могла не улыбнуться при этомъ замѣчаніи, сдѣланномъ съ весе- лымъ видомъ. Характеръ Юліи шакъ живъ , что невольно увлекъ ее , но шолько на одну минушу: она взгляну- ла на брата , вздохнула , и лицо ея снова помрачилось.

«Мнѣ кажется, продолжала она, что привязанность брата къ Англіи не можетъ быть истинная онъ со-всѣмъ не въпреникъ, и сердце его не могло такъ скоро переѣнниться. Я даже увѣрена, что онъ все еще любитъ васъ вы сами слышали, какъ онъ бредилъ вами.»

— Теперь и я вамъ скажу, что это еще не есть доказательство.

«Думайте какъ хотите только вы меня не переувѣрите. Я знаю, что въпренный характеръ Англіи не можетъ его привязать надолго. Припомъ-же, не сказали-ли вы, что сами спарались опдалили его, и легко можете сказать, что чувство, которое вы принимаете за любовь, есть одно только мщеніе вамъ. Помните, какъ онъ всегда былъ мраченъ и задумчивъ. Мнѣ даже кажется, что

ссора его съ Шмипомъ имѣеть большую связь со всѣмъ эпимъ.»

— Неужели вы думаете , что причиной ссоры ихъ была ревность ?

«А почему-жь и не такъ ? Правда , что Шмипъ не опасный соперникъ ; но онъ совсѣмъ не буланъ , братъ и подавно ; они не могли поссориться за вздоръ , и шунъ вѣрно кроется что-нибудь , чего мы не понимаемъ. Не будемъ опчаяваться , милая Людмила ; спанемъ молишь Бога , чшобы онъ возвратилъ здоровье нашему больному , и тогда , можеть быть , все объяснится.»

Графъ , между тѣмъ , казалось , заснулъ глубокимъ и покойнымъ сномъ. Мы вышли въ ближнюю комнату и прилегли на диванъ , чшобы такъ-же немножко успокоиться ; но сонъ былъ далекъ отъ меня. Разговоръ съ Юлией занималъ мои мысли , и я раскаява-

лась, что не ввѣрилась прежде этому ангелу-ушѣшителю. Воображеніе мое носилось въ будущемъ, и мнѣ представлялись мечты, по веселія, восхищительныя, по снова горестныя и мрачныя. Не находя покоя, волнуемая думою, я передъ упромъ вошла опять въ комнату больного. Сонъ его продолжался. Увлеченная сердечнымъ чувствомъ, все еще опасаясь за жизнь его, я бросилась на колѣни и начала молиться. . . Вдругъ мнѣ послышалось, что онъ кликнулъ меня; я обернулась, и думала, что эпо въ безпамятствѣ; но тѣ-же слова, повпоренныя голосомъ хотя слабымъ, но внятнымъ, увѣрили меня, что онъ проснулся, и я подошла къ нему.

«Людмила, сказалъ онъ, неужели участіе ко мнѣ привело васъ сюда? Неужели вы молились за жизнь чело-вѣка, котораго сами довели до этого состоянія!»

Рѣчь Графа хотя была довольно связана, но смыслъ ея казался мнѣ такъ ясенъ, что я все еще не знала, въ памяти-ли онъ.

— Успокойшесь, Графъ— сказала я— разговоръ можешь быть вамъ вреденъ.

«Это значить, что вы не хотите отвѣчать на вопросъ мой.»

— Но самый этотъ вопросъ показываетъ, что воображеніе ваше еще слишкомъ распространено. Ради Бога, успокойшесь!

«Напробивъ, я очень помню, что говорю. Сонъ подкрѣпилъ меня; мнѣ теперь гораздо лучше, и я удивляюсь, отъ чего слова мои кажутся вамъ такъ странны? Не отъ васъ-ли требовалъ я объясненія въ маскарадъ? Не при васъ-ли поссорился съ Шмипомъ? . . . »

— Боже мой! разсудокъ его помѣшался! — сказала я въ опчаяніи и почти упала въ кресла, возлѣ его постели. Видя, что испугъ мой былъ непришворный, Графъ смопрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

«Или я въ самомъ дѣлѣ сумасшедшій, или вы хопите свеспи меня съ ума, сказалъ онъ наконецъ; по крайней мѣрѣ мнѣ кажется, что я говорю совсѣмъ не вздоръ.»

— И между тѣмъ, изъ всего сказаннаго вами я ничего не понимаю.

«Спранно! . . . Не вы-ли ходили съ Шмипомъ въ вашемъ монашескомъ плащѣ? Не вы-ли просили его защиты? . . .»

— Ради Бога, Графъ, выкиньте эту мечшу изъ головы. Съ тѣхъ поръ, какъ вы видѣли меня въ монашескомъ

плашь, я не надѣвала его; никогда не ходила вмѣстѣ съ Шмипомъ, и напропивъ всегда спаралась удаляться отъ него.

«Въ самомъ дѣлѣ?... Но кто-жь была эша дама, копорая ходила съ нимъ? Какъ ей попалось ваше плашь, и почему она не вывела меня изъ заблужденія?...»

— Я ничего эпого не знаю; полько легко могло спашься, что плашь взялъ кто нибудь у моей горничной.

«Спало бышь, это все сдѣлалось отъ ошибки... Какая спранность!... И вы говорише, Людмила, прибавилъ онъ пихо и взявъ меня за руку, и вы говорише, что всегда удалялись отъ Шмипа? — а письмо, копорое вы писали къ нему?»

— Письмо! — вскричала я съ удивленіемъ. — И шакъ вы все знаеше?

«Къ несчастію все,» сказалъ онъ вздохнувъ и опустивъ мою руку. Переходъ эпопѣ еще болѣе удивилъ меня.

— Спало бышь, вамъ не нравишя, Графъ, что я опказала ему въ рукѣ своей? — спросила я съ смущеніемъ и вмѣстѣ съ досадой.

«Опказали!...»

— Но если вы читали письмо, то какъ-же не знаете этого?

«Такъ письмо ваше заключало въ себѣ опказъ, а не приглашеніе ѣхать съ нами къ Вельской? . . . Боже мой! какъ я жестоко обманушъ! . . . Но для чего-жь такая скрытность, Людмила! для чего вы не сдѣлали этого гласно?»

— Для того, что я боялась раздра-

жипь вашу мапушку. Она все еще думала , что я соглашусь наконецъ вѣйдти за Шмипа , и просила меня не спѣшить опказомъ.

«Ахъ, какъ я виновата передъ вами? Просните меня , Людмила! я былъ игрушкою хипрой дѣвчонки. Какъ благодаренъ я вамъ, что вы наконецъ вывели меня изъ заблужденія, которос заставило меня сполько спрадать... Довершите-же — прибавилъ онъ, взявъ опять мою руку — довершите то , что начали; возвратите мнѣ, однимъ словомъ , здоровье , спокойствіе , счастье жизни!... Скажите, не ужь-то въ самомъ дѣлѣ въ три года сердце ваше могло переменитьсь, и вы не любите меня?...»

— Любите, любите — сказала Юлія, которая вошла въ это время. Однакожь, господинъ больной, я заступаю теперь мѣсто вашего Доктора, и его

именемъ приказываю кончить разговоръ, который можешь быть для васъ вреденъ.

«Напрошивъ , онъ возвратилъ мнѣ здоровье скорѣе всѣхъ лѣкарей на свѣтѣ. Скажите мнѣ, Людмила, располкуйте: для чего вы меня убѣгали?»

— Для того, что боялась измѣнить себя , боялась открытъ вамъ любовь мою . . .

Тутъ я рассказала ему, что заспавило меня обращаться съ нимъ такъ холодно, и чего спойло мнѣ принудить себя къ тому; а опъ него узнала, что Аглайда употребляла всѣ способы запемнить меня въ глазахъ его. Онъ раскаявался, тысячу разъ просилъ прощенія въ ослѣпленіи своемъ — но нужно-ли было это? Сердце мое давно его просило.

Я не думала, чтобъ Аглаида имѣла такое дурное сердце... Но теперь не хочу рассказывать обо всѣхъ поступкахъ ея. Я такъ счастлива, что не могу на нее сердиться.

Графиня еще не пріѣхала; но Юлія писала къ Вельской, что удерживать ее болѣе не нужно. Ей ничего еще не извѣстно, и я ожидаю ее съ безпокойствомъ; но Александръ — теперь я могу называть его такъ — утѣшаетъ меня: «Неужели ты думаешь, что мапущка будетъ пропиваться нашему счастью?» говоритъ онъ. Ему спановишься день опю дня лучше. Теперь онъ въ состояніи вставать съ постели, и мы проводимъ время очень пріятно: по сидимъ съ Юліей за работою, въ его комнапъ, и разговоры о будущемъ занимаютъ насъ; по что-нибудь читаемъ. Любовь разливаешь на все, окружающее меня, какую-то прелесть. Я могу свободно швердить

о ней Александру — эпо блаженство не изьяснимо!... Чпо-жь буду чувсшво-вашь я, когда назову его супругомь своимь?...

12.

Графиня Аглайда къ сестрѣ своей.

Вчера была ихъ помолвка! Подивись моей слабости: знаяши, чпо они помирились, предвидѣвъ, чпо эпо непременно должно бытъ, я все таки не могла слышать равнодушно объ эпой помолвкѣ! Манушка была свидѣпельницей церемоніи, и говоритъ, чпо Графиня очень довольна и весела. Ну, не слабы-ли женщины? Въ пять минутъ можно каждую изъ нихъ заславить перемѣнить самое швердое намѣреніе. Графиня всегда называла раннюю женитьбу глупостью, и рѣ-

шипельно говорила, что сынъ ея не долженъ думатьъ о ней, по крайней мѣрѣ до Полковничьяго чина. А когда увидѣла, что онъ шакъ спрашно влюбленъ, по расчувствовалась, расплакалась, и позволила ему сдѣлать эту глупость. Говорящъ, что ее очень прогаешъ *геройскій* поступокъ будущей ея невѣстки. Она съ шоржествомъ рассказываетъ объ эпомъ всѣмъ и каждому. Приписываетъ добродѣтели Людмилы воспитанію, которое умѣла дать ей, и прибавляетъ: «Я ничего не щадила для нея, и это добро обрашилось шеперь самой-же мнѣ въ пользу! Я сама образовала жену для моего сына, и надѣюсь, что съ нею онъ будетъ счастливъ!» Воишь какъ люди умѣюишь ушѣшанъ себя! Не вѣрю, чтобы шщеславіе ея не спрадало оиъ шакого союза; но она хочешъ заглушишь обиженную гордостью самолюбіемъ. Я, по крайней мѣрѣ, шакъ думаю, и въ добродѣтели милой не-

вѣспки ея ничего не вижу, кромѣ глупости.

Женихъ и невѣста, говорящъ, *ду-гезарны* опть радости, и нѣжны, какъ голубки (выраженіе мапушки). Спранно, что всѣ спарушки ужасно какъ любящъ нѣжности!

Мапушка такъ распроспиранилась обо всѣхъ подробностяхъ, что надоѣла мнѣ до смерти, и у меня сдѣлалась мигрень.

Думаю, что прелестная парочка на дняхъ пріѣдетъ къ намъ съ визитомъ. Разумѣется, я не покажусь имъ, увѣрю всѣхъ, что у меня спазмы, колика, жаръ, ознобъ — и пролежу въ постель. Я бы желала никогда не видать Людмилы: письмо и шушка въ маскарадѣ лежатъ на моей совѣсти.

Мнѣ и шакъ грустно, моя милая,

а ты еще бранишь меня во всякомъ письмѣ: говоришь, что я сама во всемъ виновата, и черезъ чуръ перехитрила. Но что-жь мнѣ было дѣлать послѣ того, какъ я подслушала разговоръ, въ которомъ героиня наша начинала перьять свою пвердоспъ, и объявила, что идетъ въ монастырь? Ты сама одобрила планъ мой, и взялась сыграть роль монахини; признайся-же лучше, что всему причиною *ловкость* твоя. Какъ допустишь къ себѣ такъ близко брата? Тебѣ надобно было только мелькнуть мимо его и — поппчасъ исчезнуть.

Впрочемъ я благодарна братцу за скромность. Можешь быть онъ разсказалъ Людмилѣ свои похождения со мной, — думаю однакожь, кромѣ нѣкоторыхъ общояшельспвъ; но онъ поспороннихъ я ничего еще покуда не слышу. Что будетъ со мною, если эта испорія выйдепъ въ свѣпъ? . . .

Что тогда доспанешся мнѣ опть нашихъ почтенныхъ сосѣдокъ? . . . Онѣ вѣрно полгода будушь шолковать о предметѣ , который дастъ такую неисшощимую работу языкамъ ихъ! Тупѣ онѣ найдутъ и любовь, и добродѣтель, и соперницу и— даже дуэль.. Не правда-ли, что это цѣлый романъ?— и довольно вздорный — скажешь ты? Но, милая, мы читали много такихъ, которые еще глупѣ эпого.

ИНТЕРЕСНАЯ НЕЗНАКОМКА.

РАЗСКАЗЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

ИНТЕРЕСНАЯ НЕЗНАКОМКА.

Иногда пробѣгаю я поля и большія дороги, для иного только, чтобы пользоваться свободой и воздухомъ ; но если встрѣчается мнѣ предметъ достойный состраданія, я передаю его состраданію публики.

Стеркъ.

Проѣзжая изъ Грузіи въ Петербургъ, я посѣпилъ Княгиню *N.* . . . умную, любезную женщину, которая жила въ одномъ изъ губернскихъ городовъ, лежащихъ на эшомъ практѣ, и съ копорой мы нѣсколько лѣтъ не видались. Княгиня была одна. Около

часа весело говорили мы съ ней о томъ и о семъ , — какъ искренніе знакомцы , свидѣвшіеся послѣ долгой разлуки ; но передъ обѣдомъ двери внутреннихъ комнатъ распворились , и къ намъ вошла молодая дама прелеспной наружности , ведя за руку малюшку , лѣтъ чепырехъ или пяти , который былъ почти такъ-же хорошъ какъ она .

«Поди ко мнѣ , милый Поль , сказала Княгиня , поди поцѣлуй меня.» Ребенокъ весело подбѣжалъ къ ней , но на лицѣ Княгини изобразилась какая-то грусть , когда она начала ласкать его .

Исобыкновенная красота незнакомки поразила меня съ перваго взгляда , и чѣмъ больше я ее разсматривалъ , тѣмъ сильнѣе убѣждался , что удивленіе мое было не напрасно : такой неизвѣстной пріятности , такой стройности во

всѣхъ чертахъ лица, во всѣхъ малѣйшихъ ошпѣнкахъ его, я не встрѣчалъ ошпѣ Пепербурга до Эривани, ошпѣ Архангельска до Констаншинополя!... Въ самомъ дѣлѣ мнѣ казалось шогда, что шакого лица и бышь не можешъ ни подѣ шуманнымъ— Сѣвернымъ, ни подѣ знойнымъ— Азіяпскимъ небомъ, а развѣ шолько на небѣ... Надошно было видѣшь эшпш плѣнипельные, голубые глаза, кошорыхъ главную прелесшь составляла — не прекрасная форма, не цвѣшь, а какая-шо очаровашельная выразипельносшь, ошпливающая всю душу, все шо, что ешь въ человекѣ невещеспвеннаго, высокаго; надошно было видѣшь и эшпш карловый ропикъ — созданный, какъ думалъ я, для шого шолько, чтообы пышь безпреспанно хвалы Творцу своему, — и эшпш кашпановые волосы, бѣжавшіе волнишой спурешо съ чела, чтообы чувспсвашь шо, что происходило во мнѣ, когда я безмолвно, съ полу-

открытымъ ртомъ, смотрѣль на нее! Но красота, казалось, не спасла эту розу, только что разпусившуюся, отъ грозной бури несчастія: прекрасное лицо молодой дамы помрачалось какой-то глубокой поской, какимъ-то пайнымъ спраданиемъ, которыя дѣлали ее еще привлекапельнѣе.

Я зналъ все семейство Княгини, почти всю родню ея, и никакъ не могъ разгадать кто-бы такая была эта дама, повидимому, живущая у нея въ домѣ. Между тѣмъ участие, которое принимала въ ней Княгиня, скромность, замѣтная въ обращеніи незнакомки, ея красота и печаль — сильно подспрекали мое любопытство, и мнѣ кажется, для возбужденія его, этихъ причинъ было слишкомъ доспапочно. Пусть войдетъ, въ какое нибудь общество, женщина дурная собой и веселая: вѣрно никто не дастъ гроша за то, чтобы узнать,

кшо она; пусть улыбка этой женщины переѣнилась въ слезы: тогда можешъ бышь найдупся люди чувствительные, которые примупъ участие въ ея горести, — другіе спанупъ смѣяшся; но если, наконецъ, эта плачущая женщина превратилась въ красавицу: тогда бились объ закладъ, что шупъ и чувствительные и нечувствительные соберупся вокругъ нее, будупъ жалѣшъ, спанупъ спрашивашъ. Красота и грусть, смѣшанныя вмѣстѣ — дѣло великое!. порознь онѣ шеряютъ, особливо послѣдняя.

Само по себѣ разумѣшся, что это философическое разсужденіе пришло мнѣ въ голову не въ то время, когда я смопрѣлъ на мою незнакомку; нѣшъ, тогда все мои мысли прикованы были къ ней одной, все умственные способности ограничивались однимъ желаніемъ узнать: кшо она. И одна-

кожъ эшо желаніе нисколько не удовлетворилось до самаго обѣда. Только раза два или при голосъ молодой дамы пріятно опозвался въ ушахъ моихъ; но слова ея были коропки, опносились къ одному малюшкѣ и не могли дасть о ней самой никакого понятія. Она не хотѣла принять участія въ общемъ разговорѣ, даже казалось, вовсе не обращала на меня вниманія. Любопытство мое съ каждой минутой разгоралось сильнѣе, дѣлало меня разсѣяннымъ: я не слыхаль, что говорила мнѣ Княгиня, отвѣчалъ не впопадъ; одинъ вопросъ вертѣлся безпреспанно на губахъ моихъ, но его-шо именно и не могъ я сдѣлать въ присутствіи той, копорая меня такъ много занимала.

Все эшо не ускользнуло опъ вниманія доброй хозяйки моей. Да и правду сказать, очень не шрудно было замѣнить мою разсѣянность и опга-

дашь причину ея. Княгиня смѣялась въ душѣ , глядя на меня , и наконецъ чупь , чупь не засмѣялась вслухъ , когда я , выпивъ водки , хощѣль зашкнушь графинь , вмѣсто пробки — рюмкой. Незнакомка не видала и эпого.

За споломъ я однакожь успѣль немного опомнишься , кое какъ собралъ мысли мои , и желая завлечь красавицу въ разговоръ , или по крайней мѣрѣ заспавишь слушаать себя , началъ рассказывать о шомъ , чпо случилось мнѣ видѣшь примѣчательнаго въ Европѣ и Азін. Не шупь-шо было: знакомка моя опянь занималась однимъ шолько малюпкой , копорый сидѣль подлѣ нее. Наконецъ рѣчь зашла о красотѣ Азіатскихъ женщинъ , пошомъ коснулась неволи и рабства ихъ. «Богъ съ ними , сказала Княгиня шупя , пусь при нихъ оспаюшся все прелесипи. Не смотря на шо , чпо мнѣ

теперь 50 лѣтъ, я никакъ бы не желала бытъ на мѣстѣ самой цвѣтущей, самой прекрасной Черкешенки; красота, почто такъ-же какъ деньги, хороша только въ такомъ случаѣ, когда мы по собственнѣйшей волѣ можемъ располагать ей.»

— Съ этимъ нельзя не согласишься, отвѣчалъ я, но развѣ мы не видимъ примѣровъ, что и въ нашей просвѣщенной странѣ, женщины такъ-же бываютъ невольницами приличій, предрасудковъ и прочихъ глупостей. И у насъ, по большей части, супружества основываются на расчетахъ, на постороннихъ обстоятельствевахъ, а не на собственномъ, сердечномъ выборѣ дѣвушекъ. Мнѣ даже кажется, что своявольная судьба, почти всегда съ какой-то злобной насмѣшкой сопоставляетъ пары въ томъ огромномъ Польскомъ, который панцуетъ мы вокругъ земли: такъ, что часто кра-

савица идешь рука объ руку съ уро-
домъ , существо прелеспное , создание
превосходное доспаеися челоѡьку , не
умѡющему цѡнишь его. — При эпихъ
словахъ , сказанныхъ такимъ же весе-
лымъ пономъ , какимъ и Княгиня го-
ворила со мной , незнакомка измѡни-
лась въ лицѡ и не могла скрышь
слезъ , копорыя блеснули на длинныхъ
ея рѡсницахъ.

— Боже мой , подумаль я , неужели
слова мои заключаюпшь въ себѡ чшо ни-
будь сходное съ ея положеніемъ ? Неуже-
ли судьба сыграла и съ ней шу злую
шупку , о копорой говорилъ я сей
часъ ? . . . Подозрѡнія мои , казалось ,
оправдывались , попому чшо Княги-
ня посиѡшила перемѡнишь разговоръ.
Но шупь я опяшь не слыхаль ни-
чего , — развѡ только десятое слово
влешало въ уши мои ; — и покамѡспь
намъ подавали десертъ , въ голо-
вѡ моей соспавился цѡлый романъ

изъ таинственной судьбы молодой дамы.

Къ счастью обѣдъ скоро кончился. Мы возвратились въ гостиную, и виновница поэтическихъ думъ моихъ скрылась опять въ шужу дверь. Вопросъ, который шакъ долго мучилъ меня, могъ наконецъ свободно сорваться съ языка моего: ради Бога, Княгиня, скажите кпо эша дама? Я умираю ошъ непрепѣня узнать о ней.

«Эшо очень замѣшно, сказала Княгиня смѣясь; но прежде, чѣмъ буду опвѣчать вамъ, сознайтесь, что не однихъ женщинъ должно обвинять въ любопытствѣ!»

— Сознаюсь и соглашаюсь во всемъ... но одно замѣчаніе: если женщины черезъ чуръ любопытны, то мнѣ кажется, шолько онѣ-же однѣ и могутъ возбуждать слишкомъ сильное любо-

пышество въ мужчинахъ , — по край-
ней мѣрѣ такое , какимъ я спрадаю
шперь. —

«Эпо замѣчаніе опносится къ жен-
щинамъ не моихъ лѣтъ, и потому я
не обязана благодарить васъ. — Одна-
кожь, безъ шутокъ, что съ вами сдѣ-
лалось?.. вы влюблены?... »

— Нѣтъ; но, что я шперь чувствую
совсѣмъ не любовь, а какое-то соспра-
даніе, какое-то неизъяснимое участие,
которыя возбудило во мнѣ эпо уныло-
прелестное личико.

«И участие ваше такъ велико, что
вы были бы гоповы сдѣлались унѣши-
шелемъ грустной красавицы.»

— А развѣ она вдова ?

«О, нѣтъ; ей ужь совсѣмъ нельзя
пожаловаться на вдовство.... Но въ са-
момъ дѣлѣ испорія эпой дамы доволь-

но спранна ; чшобы удовлетворишь
вполнѣ вашему любопытству , я раз-
скажу ее по порядку , со всѣми подроб-
ностями... Княгиня позвонила , велѣла
подашь воды съ сахаромъ , и вопшь чшо
я опть нее услышалъ.

Въ зимнюю , темную ночь , черезъ
одно селеніе , спящее нѣсколько въ спо-
ронѣ опть большой дороги , проѣзжала
ямская пройка . Было ужь не рано .
Только въ нѣкопорыхъ избахъ свѣ-
щился огонь и , сквозь шускмыя спек-
ла , слабымъ лучемъ выбрасывался на
улицу . Вдругъ , шагахъ въ десяти
опть повозки проѣзжаго , раздался
громкій опчаянный крикъ : «Поспойте,
поспойте! . . помогите ! онъ убешь
меня! . . » Проѣзжающій велѣль сдер-
жашь лошадей и— въ повозку къ нему
какъ испуганный голубъ , спасающій-
ся опть яспреба , бросилась разспрепан-
ная , полураздѣшая женщина : эпо
была креспьянка , лѣпъ шесшнадцати ;

въ повозкѣ сидѣлъ молодой , гвардейскій офицеръ , который возвращался въ Пепербургъ изъ отпуска.

Легко можно понять, что Ольскій — такъ звали офицера — былъ очень удивленъ такимъ страннымъ явленіемъ. «Кто тебя хочетъ убить, моя милая? спрашивалъ онъ, разбойники? . » — Защищайте! повпоряла крестьянка умоляющимъ голосомъ, не отдавайте меня! велийте ѣхать пока онъ не догналъ насъ!... «Что за чудо! думалъ молодой человекъ, кто же шакой эполъ онъ? . . если разбойникъ, то все онъ одинъ, и слѣдственно ни сколько не спрашенъ для прехъ человекъ» (съ офицеромъ были ямщикъ и слуга). Ольскій не понималъ ничего, не зналъ на что рѣшился. Но крестьянка такъ убѣдительно умоляла ѣхать скорѣй; страхъ ея былъ такъ великъ, что онъ наконецъ согласился на просьбу несчастной, надеясь по крайней

мѣрѣ узнать опѣ нсе что нибудь, когда они выѣдутъ изъ деревни. Ямщикъ крикнулъ на лошадей, и черезъ нѣсколько минутъ селеніе оспалось далеко позади спасенной жертвы и ея рыцаря, копорому она пакъ слѣпо опдалась подѣ зашину.

Между тѣмъ неизвѣстный гонитель невинности, казалось, совсѣмъ не подозрѣвалъ въ какое убѣжище она скрылась: во все время, покамѣспъ повозка спояла на улицѣ, никто не подходилъ къ ней, да и погони за бѣглянкой не было. Только она все еще не могла опомнишься опѣ ужаса, и рыданія ея раздирали душу молодого человека. «Теперь шебѣ нечего бояшься, сказалъ онъ, велѣвъ укоропишь бѣгъ коней, о чемъ же ты плачешь?.. Располкуй мнѣ, чего испугалась ты, и впогнался за шобой?»

Креспьянка не опвѣчала и продолжала плакать.

«Но, по крайней мѣрѣ, кто ты : дѣвушка ? женщина ? »

— Дѣвушка, опивѣчала она едва внятнымъ голосомъ.

«А какъ себя зовушь ? »

— Агнеса.

«Прекрасно! подумалъ Ольскій, имя очень идетъ къ приключенію. Однакожь все надобно узнать хорошенько объ этой пугливой Агнесѣ, прежде чѣмъ я рѣшусь взять ее совершенно подъ мое покровительство. — Пріятель! сказалъ онъ ямщику, не знаешь ли ты эту дѣвушку, которую мы веземъ съ собой ? »

— Нѣтъ, баринъ, я не здѣшній и недавно нанялся къ хозяину. Да и деревня же эта споймъ не на практикѣ: мы только ѣздимъ черезъ нее, когда большая дорога сильно испортилась.

«Господи! сказала дѣвушка, сплелъ руками и зарыдавъ еще пуще, онъ хопя и не знаепъ меня, а все скажепъ въ деревнѣ, съ кѣмъ я уѣхала!»

Эти слова, произнесенныя тихимъ голосомъ, съ какимъ-по просподушiemъ, съ какою-по дѣпскою довѣрчивоспью, сильно пронули Ольскаго. «Послушай, милая, спросилъ онъ, опкрой мнѣ смѣло: чпо заспавило тебѣ ѣхатъ съ первымъ вспрѣпившимся тебѣ чловѣкомъ? . . . Не бойся меня. А безъ того я самъ долженъ буду объявить о тебѣ на первой спанци.»

— Нѣптъ, ради Христа, не дѣлайте этого! я наложу на себя руки, если вы меня бросите! —

«Опъ кого же бѣжала ты?»

— Опть дяди: онъ билъ меня , при-
неволивалъ идти за мужъ за спараго...
И нынче янался за мной , грозился
избить до полусмерти... нѣтъ, лучше
брошусь въ омусть , чѣмъ ворочусь
домой ! . .

«Развѣ нѣтъ у тебя опца, или ма-
шери ? »

— Я сиропка .

«Ну можно бы найши судъ у го-
сподъ , у спароспы, у бурмиспра?»

— Барыня наша не живепъ здѣсь ,
а спароспѣ какая нужда до семейска-
го дѣла. —

«Скажи-же, что мнѣ дѣлать съ по-
бой, и куда дѣвать тебя?»

— Куда хопите... Голубчикъ , зо-
лошой, серебряный, цѣлый вѣкъ буду

служишь себѣ, только не отдавай
меня на муку!..

Ольскій былъ молодъ, добръ, сверхъ
того онъ былъ изъ числа тѣхъ людей,
которые любящъ неспришь скучную,
прозаическую жизнь нашу всѣмъ, что
хотя нѣсколько можешь придашь ей
разнообразія. Спранное приключеніе
начинало занимать молодаго человѣка,
а послѣдняя проспаня, но прогашель-
ная просьба бѣдной дѣвушки, склонила
его совершенно помочь ей. «Рѣшено,
подумаль онъ: спасаю несчастную пле-
мянницу отъ варвара дяди. Герой
Ламанхскій дорого-бы заплапиль за та-
кое приключеніе, а мнѣ оно доспанеся
даромъ; для чегожь не воспользовалъсь
случаемъ?.. Правда, что можешь бышь
и я поплачусь за него, только вѣрно
ужь не своими боками: бросишь 200,
300 рублей — вопъ и все шупъ. . .
Пошелъ! закричалъ онъ, сдѣлавъ это
разсужденіе. Да здравспуеешь спран-

спвующее рыцарство даже и такое ,
копоре вздипть въ кибипкахъ!»

Между тѣмъ какъ лошади быспро
мчали новаго Донъ Кихопа и похи-
щенную имъ принцесу, почпи такъ-же
быспро перебѣгали и мысли въ головѣ
Ольскаго. Ему вдругъ вспало на умъ,
что онъ, можетъ бытъ, увезъ какую
нибудь попаскушку или, что еще ху-
же, мошенницу, желающую спастись
опть заслуженнаго наказанія. Эпа мысль
вспревожила его , но вспревожила
полько на одну минупу, попому что
онъ во всякомъ случаѣ умѣлъ скоро
удѣшпшь себя. На эпопть разъ Оль-
скій вздумалъ слѣпо довѣрпшься пра-
вилу, копоре говорпшь , что лице
естъ зерк- души. Онъ принялъ швер-
дое намѣреніе, при первомъ свѣтѣ дня,
прпбѣгнупшь къ искуспву Лафашера ,
и фпзпюномія его спупницы должна
была рѣшпшь окончатешльно ея учаспъ:
п. е. ѣхашь-ли ей дальше, или оспа-

вапьяся на большой дорогѣ, у перваго селенія. Не разъ начиналъ онъ смѣяться самъ надъ собой, воображая, что его Дульцинея, можешь быть, еще неуклюжѣе Тобозской.

Однакожь до разсвѣта было довольно долго. Не желая шеряшь времени по напрасну, Ольскій рѣшился, въ продолженіе ночи, заняпьяся, по крайней мѣрѣ, анализомъ умственныхъ способностей своей спутницы. Разумѣется, что онъ началъ разсуждать съ ней не о философіи Канпа, но природный умъ можно замѣшпшь даже изъ разговора о погодѣ. Ольскому казалось по крайней мѣрѣ, что полураздѣлая Агнеса очень умно и основательно жаловалась на холодъ, копорый начиналъ ее обхвашивать. Надобно было подѣлипьяся съ ней медвѣжьей шубой, и попомъ ужъ продолжалъ разговоръ. Но въ самомъ дѣлѣ всѣ опвѣшы дѣвушки были шакъ милы, шакъ пресподушны, дышали

шакой неподдѣльной невинностью , что покаместъ путешественники доѣхали до спанціи , въ пылкой головѣ молодаго человека , изъ всѣхъ предварительныхъ поняшій о его спупницѣ , составился шакой идеаль , копорый-бы годился въ любую паспущескую поэму .

На успа ямщика наложили молчаніе красенькой бумажкой . Между шѣмъ какъ перепрягали лошадей , Агнеса скрывалась подъ спудомъ — въ повозкѣ . Не смопря однакожь на шо , изъ чемодана доспали шеплую шинель , фуражку , и успѣли ее , кое какъ , обмундировать на скорую руку .

Такъ проѣхали нѣсколько спанцій . Были ужъ слишкомъ за спо вершшъ ошъ шой деревни , откуда ушла Агнеса , — а Ольскій все еще не видалъ лица ея . Наконецъ спало разсвѣпашь . Быспро успрѣмилъ онъ взоръ на свою

подругу, копорая заснула, склонясь на плечо къ нему, — и ждалъ перваго дневнаго луча съ такимъ же неперпѣніемъ, съ какимъ аспрономъ ждешь восхожденія новой планшпы.

Въ самомъ дѣлѣ когда показался эпошъ лучъ, Ольскому было-бы не худо смопрѣпъ хошь въ дорожные очки, вмѣсто телескопа. Правда, чпо лице Агнесы не ослѣпило ся избавишеля, но за то оно приковало къ себѣ взоръ его какой-то непоспижимой силой, поняшной полько для пѣхъ, копорые видѣли вблизи грѣмучаго змѣя и готовы были сдѣлашься его жерпвой: пакъ красота молодой креспьянки была очаровашельна, пакъ чувспво, копорое испышалъ Ольскій въ ту минушпу, было неизьяснимо! . . Физиономиспъ нашъ забылъ совершенно Лафатера; да еслибъ онъ и вспомнилъ о немъ, то эпо еще больше-бы усилило восторгъ его: какая душа должна была

скрываетъся подъ такой прелестной наружноспью!..

Но онъ не видалъ еще главнаго : эгихъ двухъ зеркалъ , въ копорыхъ больше всего выражаенся внупреннее сущеспво наше. Агнеса спала сладкимъ сномъ; очарованный избавишель не хотѣлъ будить ее и продолжалъ любоваться тихимъ , младенческимъ спокойспвиемъ , копорое разливалось по прекрасному лицу дѣвушки. Наконецъ сильный полчекъ кибишки заспавилъ Агнесу опкрышь глаза — свѣпные , привлекательные, какъ упреннее небо, не помраченное еще ни однимъ облачкомъ. Долго и внимательно всмапривалась и она въ лице человѣка, копорому опчаянне заспавило ее предатъся шакъ скоро и шакъ довѣрчиво , — потомъ улыбнулась, покраснѣла и спыдливо попупила взоръ. Ольскому казалось тогда, что сама Елена Прекрасная — сколько онъ зналъ о ней по

преданіямъ — не могла улыбнупшься пріяпнѣ , не могла бросишь взоръ привлекапелньѣ — словомъ была ни чѣмъ не лучше красавицы , копорая ѣхала съ нимъ. Сравнивъ пакимъ образомъ миленькую бѣглянку свою съ извѣспной бѣглянкой Греческой , онъ находилъ даже сходспво и въ самыхъ собыпїяхъ — древняго съ новымъ. Вся разница была полько въ именахъ и шишулахъ дѣйспвующихъ лицъ ; но что значапъ эпи вещи въ глазахъ человека здравомыслящаго? — Впрочемъ какъ-бы по ни было , полько Ольскій шупъ-же далъ кляпву не разспавапсья съ своей красавицей , хопябъ за нее весь мїръ воспалъ на собспвенную его особу съ пакимъ-же ожеспоченїемъ , съ какимъ нѣкогда Греки воспали на Трою.

Между шѣмъ какъ онъ философспво-валъ , клялся и восхищался красопой Агнесы , къ копорой очень шли — военная шинель и фуражка , — повоз-

ка ихъ вѣхала въ городъ. Днемъ нельзя было скрыть дѣвушку опъ глазъ любопытныхъ , да и ей надобно же было наконецъ отдохнуть и чѣмъ нибудь подкрѣпить свои силы. Для этого Ольскій не хотѣлъ ѣхать на почту , а велѣлъ повернуть въ переулокъ; опыскалъ уединенную квартиру , и тамъ занялся распоряженіями къ дальнѣйшей дорогѣ.

Молодому , гвардейскому офицеру казалось не совсемъ ловко ѣхать по большой , Пепербургской дорогѣ съ такой свипой , какая пеперь при немъ находилась. Амуниція Агнесы была не полна , и сверхъ того такъ плохо пригнапа , что могла бы обличить ее съ перваго взгляда. Ей надобно было замаскироваться хорошенько, — и чѣмъ же больше какъ не мужскимъ платьемъ ? Сначала дѣвушка не хотѣла сомаситься на такое предложеніе; однакожь краснорѣчіе Ольскаго и собствен-

ный разсудокъ убѣдили ее; а это было главное, попому что убѣдишь женщину, даже и образованную, есть вещь очень прудная; за оспальнымъ, въ городъ, дѣло не спало, — и черезъ нѣсколько часовъ прекрасная Елена преобразилась въ прекраснаго пажа. Пущешеспивенники опправились.

Правда, что не выучивъ заранѣе роли своей, Агнеса была не такъ ловка, въ новомъ нарядѣ, какъ шѣ миленькіе пажи — такового-же рода, копорыхъ мы видимъ иногда на шеапрѣ; но за то она и не хопѣла блиспаць своей ролей. На каждой спанціи, гдѣ встрѣчалось много проѣзжихъ, дѣвушка лицашельно скрывала себя опъ нескромныхъ ихъ взоровъ — или сидя въ самомъ темномъ углу комнаты, или шаясь, какъ фіалка, подъ скромной сѣнью повозки. Желая скорѣе кончить эту комедію, Парисъ и Елена скакали сломя голову, и не

вспрѣшивъ на дорогѣ ни бурь , ни препяпспвѣй , на другой-же день прѣхали въ Пелпербургъ.

Тамъ у Ольскаго былъ свой домъ. Не имѣя ни мапери , ни опца , онъ жилъ въ немъ одинъ и могъ разпоряжашься какъ ему угодно. Агнеса заняла прекрасную , особую комнапу ; и не прошло прехъ дней , какъ ужъ бѣдная креспьянка , — не давно оспавившая душную , пѣсную избу , не давно носившая проспое , грубое плашье , — спояла , одѣшая по послѣдней модѣ , передъ большимъ прюмо , въ раззолоченной госпиной. Въ эту минупу она забыла — и боль , копорую чувспвовала , во время одѣванья , опъ длиннаго узкаго корсепа , и безпокойспво опъ маленькихъ башмачковъ , одна улыбка самодовольспвѣя играла на успахъ ея , одна радость выражалась во взорѣ. Бѣдная дѣвушка думала , что ей видипся сладкѣй сонъ , что ес

перенесли въ міръ волшебный. Она разсмапривала маперію своего плапья, башмаки, поясъ; поворачивалась передъ зеркаломъ, опходила опъ него, опяпъ приближалась, не вѣрила глазамъ своимъ, не узнавала сама себя...

И эпа дѣпская радость была шакъ чиста и невинна , шакъ не похожа на шщеславіе кокелки , копорая цѣлый вѣкъ не можетъ насыпшиться удовольствіемъ смопрѣпъ въ зеркало, чпо и самъ Ольскій раздѣлялъ ее въ полной мѣрѣ. Въ самомъ дѣлѣ не возможно безъ какого-шо пріятнаго чувства видѣпъ передъ собой существо, копорому мы доставили счастье , и копорому для этого счастья надобно шакъ немного!.. Сверхъ шого нельзя же было ему и не полюбоваться—и шпройнымъ спаномъ Агнесы , явившимся наконецъ въ наспопящей своей формѣ , — и маленькой ея ножкой , и свѣппорусыми кудрями , копорые, въ

продолженіе дороги , были скрыты подъ ермолкой , а пеперь разсыпались по плечамъ и сдѣлались мягки , какъ шелкъ , опъ прекрасной , душистой помады . Молодой челоуѣкъ смопрѣлъ на дѣвушку почпи съ шакимъ же изумленіемъ , въ какомъ была и она , глядясъ въ зеркало , съ шой шолько разницей , чпо его изумленіе происходило совсѣмъ опъ другой причины .

Одного недоспавало Агнесъ : шой непринужденности , шой пріятности въ движеніяхъ , копорья придаюшь какую-шо прелесшь даже людямъ и не слишкомъ красивымъ . Но эшопъ недоспашокъ можно было поправиль : наняли танцмейстера . Нѣсколько уроковъ сдѣлали чудо , и мѣсяца черезъ два Агнеса держала себя шакъ ловко , чпо первый паркетный шаркунъ не поспыдился бы пройши съ ней , рука объ руку , по льпшему саду .

Между тѣмъ какъ физическія способности дѣвушки разверпывались съ такимъ быспрымъ успѣхомъ, Ольскій самъ занялся образованіемъ, какъ говорится, ея ума и сердца. Благодаря нынѣшнюю, легкую меподу ученья и умъ, копорымъ природа щедро надѣлила Агнесу, ей немного надобно было времени и на шо, чпобы выучиться чипать. Сверхъ того безпреспанное общеспво съ человѣкомъ образованнымъ очищало ея понятія отъ первобытной грубой ихъ оболочки, и чѣмъ больше идей развивалось въ головѣ Агнесы, тѣмъ жажда ея къ новымъ познаніямъ спановилась сильнѣе. Ольскій считалъ грѣхомъ оспавить такое прелеспное созданіе въ невѣжеспвѣ, лишивъ его дара мысли такъ, какъ свойспвенно и прилично человѣку. Всѣ свободные часы онъ проводилъ съ своей ученицей; разсуждалъ съ ней, исполковывалъ шо, что казалось ей непонятнымъ. Ему весело было видѣть какъ

слова его раждали въ ней новыя впечатлѣнія , новыя мысли ; весело было видѣть свою Галапею , въ кофору оу , какъ новый Пигмаліонъ , вдохнулъ жизнь и душу .

Правда иногда 25-и лѣтній учишель и 17 лѣтняя ученица , засматриваясь слишкомъ приспально другъ на друга , не совсѣмъ понимали по , что чипали они , однакожь эпо нисколько не препяпспивовало успѣхамъ послѣдней . Когда любовь приспсвуетъ при урокахъ , тогда и способность преподавать , и способность выучивать совершенспвующся удивительнымъ образомъ . Слѣпому профессору надобно дни на по , что лучший профессоръ Гешпингенскій проходитъ въ мѣсяцы . И такъ очень немудрено , что въ печеніи года хорошенькая креспьяночка совершенно переродилась . Эпо не было ужъ по безпечное дитя природы , кофрое убъ-

жавъ изъ дома, ввѣривъ себя чловѣку незнакомому, казалось вовсе не заботилось о послѣдствіяхъ своего поступка, и черезъ нѣсколько часовъ послѣ того могло заснуть пѣмъ тихимъ, спокойнымъ сномъ, копорымъ Ольскій такъ любовался. Нѣпъ, пеперь Агнеса сдѣлалась сущесвомъ мыслящимъ, разсуждающимъ, копорое дѣйствуешь не по одному инстинкту, не по одному влеченію сердца, а соображаясь съ разсудкомъ, успрѣмляя взоръ въ будущее. Но какая-же была польза опъ этого просвѣщенія?— Не хочу, вмѣспѣ съ Жанъ-Жакомъ Руссо, утверждать, что науки вредны для всего рода чловѣческаго, а между пѣмъ должно однакожь сказать, что съ перемѣной понятій Агнесы, перемѣнился и характеръ ея: съ каждымъ днемъ она теряла прежнюю веселость, прежнюю дѣтскую безпечность свою; спановилась мрачна и задумчива, начинала замѣчать, что счастье далеко опъ

нее. . . Въ самомъ дѣлѣ , какая была цѣль ея жизни , какая была цѣль даже самаго образованія , которое давали ей ? . . . Самъ Ольскій не умѣлъ-бы сказать , къ какому соспоянiю онъ ее назначаетъ , попому что самъ онъ до сихъ поръ дѣйспвовалъ безопчешно, — боясь , можешъ бытъ , разсмопрѣшь хорошенько собспвенныя чувспва свои. — Но вдругъ случай , которъй едва не споилъ Ольскому жизни , заспавилъ его пренебречь совершенно мнѣнiемъ свѣща , и рѣшилъ судьбу Агнесы.

Однажды , когда онъ поѣхалъ съ двора , лошади его чего-то испугались , понесли , опрокинули дрожки. Ольскаго принесли домой окровавленнаго , безчувспвеннаго , съ разбищой головою. Нельзя изобразить того опчаянiя , въ какомъ погда была Агнеса ! сердце , чуждое всякой жалоспи , пронулось-бы видя ея гореспь и слезы. Скоро одна-

кожь молодому челоѡѡку возврапили
памяпь, и докпора поручились за жизнь
его; но со всѡмь шѡмь онѡ долго спра-
даль и около мѡсяца долженѡ былѡ
пролежать въ постель. Во все эпо
время Агнеса не оспавляла его почи
ни на минушу, просиживала возлѡ
него цѡлыя ночи; часпо, проснувшись
опш минушнаго, безпокойнаго сна, ви-
дѡль онѡ, при пускломь свѡпѡ лам-
пады, какѡ, споя на колѡняхѡ, пла-
кала она и молилась о немѡ. Сначала
Ольскій думаль, чпо опчаяніе Агнесы
происходитшѡ только опш спраха
поперяшѡ челоѡѡка, съ копорымѡ бы
она поперяла все въ мѡрѡ; но заблуж-
деніе его скоро разсѡялось. Желая обез-
печитшѡ соспоянніе несчастной дѡвуш-
ки, копорую самѡ-же пріучилѡ къ изо-
билію и богапспву, онѡ назначилѡ
ей, въ случаѡ своей смерти, довольно
значипельную сумму денегѡ. Эпо од-
накожь нисколько не упѡшило Агнесу,
ни мало не уменьшило ся груспи;

она думала не о себѣ , желала только его выздоровленія и — ничего больше.

Такая безкорыстная привязанность , такая благородная чувствва , въ сердцѣ проспомъ и неприхворномъ , глубоко пронули Ольскаго ; а нѣжная поспоянная заботливостъ , съ копорой ухаживала за нимъ Агнеса во все продолженіе болѣзни , привязала его къ ней еще больше и заставила размысливъ здравѣе о помъ положеніи , въ какое онъ ее посшавилъ. Конечно если мы будемъ смопрѣтъ на вещи глазами большой часпи людей , то скажемъ вмѣстѣ съ ними , что онъ и шакъ ужъ слишкомъ много сдѣлалъ для простой крестьянки , давъ ей образованіе и способъ жить безбѣдно ; но Ольскій судилъ иначе. Онъ думалъ , что этому чувстввипельному , пылкому сердцу тяжело будешъ разстаться съ нимъ — а это рано-ли , поздно-ли , непременно должно было случиться въ

пеперешнемъ ихъ положеніи , — чшо оно заслуживаетъ награды болѣе возвышенной, болѣе благородной ; думаль даже, разсуждая о самомъ себѣ , чшо эпа проспая , незначущая дѣвушка , копорую онъ заспавиль мыслишь и чувспвовашь, копорой поняпія были, пакъ сказаць , наспроены по его камершону , скорѣе можешъ доспавишь ему счастье, чѣмъ другая— происхожденія знашнаго , но воспитанная въ вихрѣ большаго свѣпа , зараженная его предразсудками и суепами. Такъ, говорю я , думаль Ольскій , думаль долго и наконецъ надумался— женишься на Агнесѣ.

Не знаю справедливы ли были его сужденія; но по крайней мѣрѣ онъ самъ рассказываль послѣ, чшо въ шу ночь, когда эпо намѣреніе въ немъ ушвердилось, сонъ его былъ пакъ пріяпень и сладокъ, какъ сонъ человѣка, рѣшившагося на доброе дѣло. Онъ заранѣ

предвидѣль радоспѣ Агнесы, и желая непернѣливо насладисья полнопой ея счаспья, на другое-же упро опкрыль ей все.

«Послушай, Агнеса, сказалъ онъ — когда они вмѣспѣ пили чай, — я вижу какъ велика, какъ безкорыспна любовь швоя ко мнѣ; не думай же, чпо-бы ты любила неблагодарнаго; ныпѣ, я заплачу шебѣ шѣмъ же: хочешь-ли быпѣ женой моей?..»

При эспихъ словахъ лице дѣвушки поккрылось смерпной блѣдноспью, чашка задрожала въ рукѣ ея. Она успремила мрачный испуганный взоръ на молодаго челоуѣка, какъ будто услышала опѣ него спрашную вѣспѣ.

Ольскій смопрѣль на нее съ удивленіемъ, не понималъ, чпо эпо значипѣ, спрашивалъ, — но она долго не могла

дашь опвѣща. Наконецъ блѣдное лице Агнесы вспыхнуло яркимъ румянцемъ, слезы заспруились изъ глазъ ея.— «Нѣтъ, сказала она запинаясь, не хочу бышь причиною всѣхъ непріятностей, копорья вамъ придется перенести за меня; не хочу спашь преградой между свѣпомъ и вами. . . Оспавъше ваше намѣреніе, не говорите мнѣ никогда о немъ.»

Такой опвѣщъ, такое самоопверженіе еще больше воспламенили Ольскаго. Долго онъ просилъ, умолялъ дѣвушку исполнить его желаніе; долго она прошивилась; наконецъ спросилъ взяла верхъ надъ разсудкомъ: Агнеса рыдая бросилась въ объятія шого, кпо былъ для нее дороже жизни, согласилась бышь женой его. Но послѣ такой перемѣны, вмѣсто шого, чпобы сдѣлалась веселѣе, она спала еще больше задумчива; какая-то попка безпреспанно помила ее, чпо-шо не-

постижимое перзало и мучило ся душу.

Черезъ нѣсколько дней они обвѣнчались. Не желая вводити жену свою въ свѣтъ, — гдѣ вѣрно приняли бы ее не слишкомъ благосклонно, гдѣ даже красота ея и личныя достоинства возбуждали-бы одну зависть, и слѣдственно подсыпали бы еще больше яду въ злыя насмѣшки дамъ происхожденія знатнаго, — Ольскій рѣшился, въ шинѣ уединенія, занявъ ее вещами болѣе дѣльными, чѣмъ Французская кадрили и мазурка, болѣе полезными для счастія семейственной жизни. Все время Агнесы было употреблено на окончаніе ея образованія: она училась музыкѣ, читала вмѣстѣ съ мужемъ своимъ. Постигая больше и больше прелести такихъ занятій, она приобрѣтала вмѣстѣ съ шѣмъ и способы находить удовольствіе въ самой себѣ, бывъ счастливой въ шѣсномъ кругу

семеиспва , не гоняясь за шумными забавами свѣпа , за эпими обольспительными , но пуспными мечшами. Агнеса жила для одного мужа , собспвенный домъ былъ для нее цѣлымъ міромъ. Не смопря на шо , скука никогда не закрадывалась въ ея сердце.

Никогда и Ольскій не раскаявался въ выборъ подруги своей ; напрошивъ онъ съ каждымъ днемъ , казалось , любилъ ее больше , привязывался къ ней сильнѣе. Одно шолько возмуцало его спокойспвіе: часпо случалось ему подслушивать шайные спяжелые вздохи Агнесы, случалось даже замѣчать, что глаза ея бывали красны опъ слезъ , копорья она опъ него скрывала. Напрасно спрашивалъ онъ , напрасно спарался узнать причину ея груспи : Агнеса выдумывала ничшожные предлоги, смѣялась сама надъ своими слезами и всегда спаралась склонить рѣчь на другіе предметы. Ольскій не

вѣрилъ ей , подозрѣвалъ , что какая нибудь пайна лежишь на душѣ ея , и мучился вмѣстѣ съ нею. Впрочемъ это было только въ первые мѣсяцы ея замужества ; въ послѣдствіи эти припадки грусти совершенно прекратились ; Агнеса сдѣлалась наконецъ весела , довольна , успокоила своего мужа , — и оспальные чепыре года счастливаго ихъ супружества не помрачались никакой печалью. Но вдругъ это счастье разлепѣлось какъ дымъ , исчезло какъ сонъ сладкій , но невозвратный!...

Въ одинъ лѣтній день , когда Олскаго не было дома , Агнеса сидѣла подъ окномъ. Жаръ былъ чрезмѣрный ; жажда помила ее , и она подозвала разнощика , который несъ апельсины. Это былъ мужикъ довольно пожилой , чрезвычайно опиврашипельной наружности , съ рыжей , включенной бородой , съ звѣрскими косыми глазами. Между шѣмъ , какъ Агнеса выбирала

апельсины, онъ смолрѣлъ на нее съ какимъ-то изумленіемъ и любопытствомъ: какъ будто находилъ въ лицѣ ея что-то знакомое, но боялся ошибиться. Это испугало Агнесу; она сама взглянула на него приспальнѣ... поблѣднѣла, вскрикнула и упала безъ чувствъ....

Люди прибѣжали къ ней на помощь; разнощика не было ужь возлѣ окошка. Никто не зналъ, что такое случилось съ ней, никто не понималъ причины ея обморока. Даже когда прѣхалъ мужъ, и тому сказала она только, что ей сдѣлалось дурно отъ чрезмѣрнаго жара.

Но послѣ этого происшествія прежняя попка Агнесы возобновилась еще съ большею силой. Было замѣтно, что малѣйшій шумъ, малѣйшій шорохъ заспавляютъ ее пренепалъ; что она безпрестанно спрадаешъ, не смѣешъ

выдши на балконъ , ни подойши къ окошку , какъ будто боясь увидѣшь какой нибудь предметъ страшный и опшрашипельный. Въ самомъ дѣлѣ , въ слѣдующіе дни, безобразный продавецъ апельсиновъ почти не опшходилъ опъ дома Ольскаго. Онъ даже успѣлъ вшперешся въ кухню къ нему, въ людскую; познакомился съ людьми, подчивалъ ихъ, вшшупалъ съ ними въ дружескіе разговоры, разспрашивалъ, и— на прелій день , передъ вечеромъ , когда Агнеса вмѣспѣ съ мужемъ сидѣла въ госпиной, думая опкрышь ли ему наконецъ причину шоски своей,— это спрашилище явилось передъ ними. Несчастливая опяшь вскрикнула и закрыла руками глаза ; самъ Ольскій испугался. Онъ вскочилъ съ своего мѣспа и съ какимъ-шо содроганіемъ спросилъ спарика: что ему надобно?

«Опдай мнѣ мою жену , сказалъ уродъ, подешупивъ къ нему и указы-

вая на Агнесу , за чѣмъ ты увезъ ее
опъ меня?..» Ольскому казалось , что
самъ Мограбъ (*) спойшь передъ нимъ
и шребуешъ того , что опдано ему
власпію Асмодея. Онъ окаменѣль ,
успрѣмилъ опчаянный взоръ на Агнесу ,
и ждалъ , чтобы она объяснила за-
гадку.

«Да , я виновата передъ тобой ,
проси меня! прошептала несчастная
прерывающимся голосомъ. Я была
обвѣнчана съ нимъ , но прошивъ воли...
я ненавиждаю его , хотѣла лучше
умереть , чѣмъ жить съ нимъ... бѣга-
ла опъ него , и на другой же день
послѣ свадьбы ушла съ тобой... гошо-
ва была уйши съ первымъ , кто-бы
мнѣ вспрѣшился....»

Не возможно изобразить всѣхъ смѣ-
шанныхъ чувствъ , копорыя волновали,

(*) Извѣстный волшебникъ въ *Тысяча и од-
ной ночи*.

или лучше сказать, сжимали душу Ольскаго въ продолженіи эпѣй сцены. Наконецъ онъ вышелъ изъ своего оцѣпенѣнія, и первая мысль, сверкнувшая въ головѣ его, была та, чтобы избавишься какъ можно скорѣе опъ ненавистнаго присущствія спарика, копорый, надѣясь на правоту своего дѣла, пакъ дерзко вошелъ къ нему. Пылкость, сильное смяшеніе души не позволили ему размыслишь обо всѣмъ хорошенько: съ бѣшенствомъ схватилъ нъ разнощика и нѣсколькими полчками вышвырнулъ на лѣспницу.

Мограбъ, копораго проводилъ Ольскій пакъ неучпиво, не имѣлъ искушва увлечь за собой жену свою — авъ ей видъ ппицы или звѣря, и аже самъ избавишься опъ полчковъ — реврапившись въ мѣшокъ съ горохомъ ли во что нибудь другое, и пошому, мѣсто волшебства, онъ рѣшился пригнупъ къ законамъ. Видя, что Оль-

скій не предложилъ ему никакихъ мирныхъ условій, копорыхъ онъ можеть быть ожидалъ, раздраженный спарикъ въ шу-же минушу объявилъ обо всемъ начальству. Сдѣлали слѣдствіе, съ Агнесы взяли допросъ;— дѣло разгласилось, попушишь его было ужь невозможно....

«Не хочу упомлять васъ подробностями судопроизводства, продолжала Княгиня, скажу только, что съ мѣсяць тому назадъ мнѣ принесли изъ полиціи объявленіе о присланной сюда, моей бѣглою креспьянкѣ, копорую велѣно было возврашшь мнѣ. Я попросила, чшобы ее прислали въ мой домъ, но чиновникъ сказалъ, что она здѣсь и просишь позволенія говорить со мной. Вообразите-же какъ я удивилась, когда вмѣсто проспой креспьянской женщины, увидѣла — шу самую даму, копорая нынче обѣдала съ нами!... Эшо была Агнеса.

Все, что вы теперь слышали, я узнала отъ нее самой и изъ письма Ольжата. Онъ могъ выхлопочать для нее только то, что ей позволили ѣхать сюда въ общественномъ экипажѣ; въ слѣдъ за ней онъ хотѣлъ прѣхать самъ, и просилъ меня покровительствовать несчастной, которую судьба поставила въ такое странное положеніе. Но нужно-ли это было? собственныя чувства заставили меня принять ее, какъ родственницу, соспрадать ее горестямъ. Можно-ли рѣшиться предать это милое, образованное швореніе первому ея мужу? нѣтъ, это былъ-бы верхъ варварства!.. По крайней мѣрѣ я сдѣлаю все, что могу для бѣдной жертвы, которую скорее можно назвать игралищемъ случая и насилія, чѣмъ общественныхъ спрасшей. »

Княгиня кончила рассказъ; но мы долго еще разсуждали съ ней о спо-

собахъ, какими было-бы можно успроить спокойствіе Агнесы; долго дивились снранной судьбѣ этой женщины, копорую природа надѣлила такимъ прелеснымъ лицомъ, душой споль способной къ принятію впечатлѣній высокнхъ и благородныхъ, но копорую люди и судьба опдали грубому, безобразному дикарю и попомъ, избавивъ опъ шакого неравенства, какъ будшо-бы для того только, чпобы дать ей способъ почувствовать весь ужасъ своего положенія еще съ большею силой, — ввергли опянь, желѣзной рукой, въ первобытныя узы, показали несчастной всю крѣпость, всю неразрывность ихъ! Впрочемъ мнѣ казалось, чпо Агнеса — съ помощію Княгини, копорая въ этомъ случаѣ больше руководствовалась доброшю своего сердца, чѣмъ спрогоспію законовъ — все еще можетъ быть счастлива; но я судилъ слишкомъ поверхностно, не зналъ хорошенько, чпо происходитъ

въ душѣ ея. Впорой бракъ Агнесы былъ разорванъ; малюпка—Поль, сынъ Ольскаго, не могъ носить имени отца своего. Это перзало, мучило Агнесу : она раскаявалась въ помѣ, чпо обманула Ольскаго; не имѣя довольно швердоспи прежде опкрышь ему все ! видѣла, чпо одинъ ложный шагъ вовлекъ за ней въ бездну и другія сущесшва, ей милья: словомъ, нервы ея были попрясены слишкомъ сильно всѣмъ, чпо случилось съ ней; внушреннее спокойствіе несчастной было попереяно, а когда улепишь оно, тогда никакое земное могущесшво не власпно возврашишь мѣръ и опраду разперзанной душѣ человѣка!... Такъ сбилось и съ Агнесой.

Я распался съ Княгиней ; около года ѣздилъ, спранспвовалъ, кружилъ по свѣшу, и во все это время, по часшой перемѣнѣ мѣспъ, не получалъ опъ нее никакого извѣспія. Наконецъ

мнѣ случилось опять бытъ въ томъ городѣ, гдѣ жила она. Мысль объ Агнесѣ ужь начинала рѣже и рѣже встрѣчаться съ моею памяшью: другія событія, другіе предметы развлекали меня. Но когда я очутился въ томъ же самомъ мѣстѣ, въ той же самой комнатѣ, гдѣ увидѣлъ ее въ первый разъ, — шупъ прежнее впечатлѣніе пробудилось во мнѣ съ новой силой: прошедшее слилось для меня съ настоящимъ, промежутокъ, раздѣляющій ихъ, исчезъ, казался мнѣ сномъ, мечпою.... Кто не испытывалъ этого? Кто не согласился со мной, что въ подобныхъ случаяхъ одни только событія, оставившія по себѣ слѣдъ неизгладимый, одни только перемены въ шѣхъ, съ кѣмъ мы разставались, — увѣряюшь насъ въ существенности пролетѣвшаго времени, въ дѣйствительности нашей разлуки? . . И теперь — второе мое свиданіе съ Агнесой отличалось отъ перваго черпою слишкомъ яркой.

Я заспалъ Княгиню почти на порогъ; она собиралась ѣхать и держала за руку маленькаго сына Агнесы но самой ея шунъ не было. Легко можно представить, что я не замедлилъ спросить о ней.

«Если вы хотите видѣть ее, сказала Княгиня, поѣдемте вмѣстѣ я ѣду къ ней:»

— Но скажите, для чего она оснавила домъ вашъ? счастлива ли она? былъ-ли здѣсь Ольскій?..

»Былъ; но его присутствіе теперь для нее не нужно.»

Я содрогнулся.—Гдѣ-же она: въ монастырѣ, въ могилѣ?..

«Хуже!» отвѣчала Княгиня.

Сердце мое облилось кровью; я понималъ, что это значить, но не могъ

скоро собравшись съ духомъ разспрашивать Княгиню подробности , и молча послѣдовалъ за ней въ карепу. — Черныя мысли, невольно врывающіяся въ душу при одномъ воспоминаніи о помѣ мѣспѣ, копорое мы гоповились увидѣшь , погрузили насъ въ самое мрачное расположеніе , привели въ какое-шо уныніе. Мы проѣхали почти весь городъ не имѣя охоты разговаривать. Наконецъ карепа повернула на обширный дворъ , окружающій большое, каменное зданіе: эшо былъ домъ сумасшедшихъ. Тупъ только замѣшилъ я Княгинѣ: для чего взяла она съ собой малюшку?

«Она никого не узнаешь , сказала Княгиня, и сильное попрясеніе моглобы принесть ей пользу ; для эшого я оставила у себя, на нѣсколько времени, Поля. Но, къ несчастію, всѣ мои опышы , до сихъ поръ , не имѣли успѣха. »

Говоря такимъ образомъ, мы вошли на лѣспницу; прошли черезъ залу, гдѣ искаженныя лица, спранные и смѣшныя поступки больныхъ служили жалкими доказательствами ничтожности гордаго челоѵка—по приближающагося умомъ своимъ къ Божеству, по низпадающаго ниже всѣхъ тварей. Агнесы тутъ не было. Княгиня сказала, что она никогда не выходитъ въ общую залу, цѣлый день сидитъ одна; что присутствіе людей для нее тягостно и спрашно. Не желая долго останавливаться въ толпѣ жалкихъ существъ, окружавшихъ насъ, мы спѣшили идти дальше. Проводникъ ввелъ насъ въ коридоръ и отворилъ дверь въ маленькую комнату — мрачное жилище Агнесы.

Я былъ, нѣкоторымъ образомъ, готовъ къ тому, что представилось глазамъ моимъ, и со всѣмъ тѣмъ, при первомъ взглядѣ на несчастную, я не-

вольно опспунилъ назадъ: такъ прелесть эпого лица измѣнилась, такъ выраженіе, нѣкогда одушевлявшее его, сдѣлалось дико и ужасно!... Мупные, блуждающіе взоры Агнесы доказывали совершенное опспуспвіе разсудка, фізіономія ея не оживлялась никакой спрасшью. Блѣдна и неподвижна, какъ мерпвецъ, сидѣла она въ углу комнапы, закутавшись въ большой, чернѣй плашокъ, такъ крѣпко, какъ будпо-бы хотѣла спряпаться опъ самой себя, какъ будпо-бы и въ самомъ уединеніи кого-то спрашила. И, казалось, одно эпо чувспво спраха, такъ сильно поразившее несчастпную въ шу минупу, когда первый мужъ явился ей нечаянно подъ окошкомъ — полько и было доспупно душѣ ея; все прочее изгладилось совершенно изъ ея памяти.

При входѣ нашемъ Агнеса вздрогнула и еще ближе прижалась къ спѣнѣ;

однакожь безжизненное лице ея сохранило свою неподвижность. Она посмопрѣла на меня, на Княгиню, на своего сына: всѣ были равны для нее, всѣ были ей чужды. Но малюшка, часпо выдавшій мапъ свою, подбѣжалъ къ ней. Агнеса съ ужасомъ опворопила лице и опшолкнула его руками. «Маменька,» леппалъ мальчикъ, «возьми меня къ себѣ; за что ты меня не любишь?» Напрасно! слова его не долетали до слуха мапери!.. Онъ плакалъ, просился на колѣни къ ней, цѣловалъ ея руки, — но эти слезы, эти невинныя ласки младенца — ея не прогали. «Маменька! маменька!» повпорялъ онъ рыдая... она была въ помъ же безчувспвіи..... Сердце мое разрывалось на часпи; невозможно было ~~дольше~~ оспаваться свидѣтелемъ такой сцены. . . Я вышелъ изъ комнапы не дождавпсь Княгини, не желалъ еще разъ увидѣть Агнесу!...

ПИСЬМА СЪ КАВКАЗА.

ПИСЬМА СЪ КАВКАЗА.

Вы ѣдете шуда-же... такъ я расскажу
вамъ многое о той споронѣ...

Разговоръ двухъ путешественниковъ.

1.

Горячеводскъ.

Мая 15-го 1827 г.

Пробывъ двѣ недѣли въ дорогѣ , мы
пріѣхали наконецъ въ Горячеводскъ (*).
Но теперь ничего не скажу о немъ ,
потому что и самъ еще не успѣлъ

(*) Тогда онъ не назывался еще Пятигорскомъ.

хорошенько осмопрѣшься , а опишу
полюшко пупь нашъ.

Съ перваго взгляда вамъ вѣрно пока-
жешся спранно , чпо мы на почпо-
выхъ пащились шакъ долго. Поду-
маете , можешъ бышь , чпо мы заѣз-
жали куда нибудь въ спорону , осмап-
ривали мѣспа доспойныя замѣчанія....
Ничего не бывало : насъ задерживали
дорогою самыя просшыя причины , —
по недоспашокъ въ лошадяхъ , по соб-
спвенные наши оспановки и опдыхи.
Изъ самой Тулы выѣхали мы , какъ
говорится , не въ часъ , пошому чпо
передъ нами ѣхалъ какой-шо Архиман-
дришь , шакъ-же какъ и мы , лѣчишься
на горячія воды , а за нами шла Мо-
сковская почпа. Для одной почпы бе-
регли по 12-ши лошадей , Архиман-
дришь бралъ 4, а ихъ и всего на каж-
дой спанціи 14, слѣдовапельно намъ
оспавалось — менѣ нуля , а на эпомъ
недалеко уѣдешъ. И шакъ , опшѣхавши

опъ Тулы одну шолько спанцію, мы должны были оспановипсья ночевапсь, и на другой день рѣшились наняпсь вольныхъ. Съ смоприпелемъ спорипсь было невозможно : онъ исчислялъ и доказывалъ съ почноспію Войпяховскаго , чпо если мы захопимъ дожидапсья почповыхъ лошадей , шо должны будемъ прожитъ на его спанціи, по малой мѣрѣ, шрое супокъ. Въ слѣдствіе такихъ убѣжденій намъ оспа- валось шолько попросипсь его , чпо- бы онъ самъ похлопопалъ о наемкѣ вольныхъ , попому чпо ямщики , имѣя маленькую привычку въ подоб- ныхъ случаяхъ прижимапсь проѣзжаю- щихъ, всегда просяпсь съ нихъ въ при- дорога. Смоприпель взялся за эшо охопно, и между шѣмъ какъ я размап- ривалъ *Бобелину* (всегдашнее украше- ніе посшаялыхъ домовъ и спанцій), колесо форпуны , съ верпящимся на немъ челоуѣкомъ и спихошворною подписью, и каршину Спрашнаго Су-

да, онъ (виднo забывъ объ эпоѣ картинѣ) шочно нанялъ лошадей намъ, такъ выгодно, что мы должны были прибавить только нѣсколько рублей къ цѣнѣ, которую съ насъ просили за часъ передъ шѣмъ..... Но, что дѣлать: надобно было покориться необходимости! Мы заплашили деньги и опправились, браня корысполюбіе ямщиковъ и смотришелей. Впрочемъ не они одни причасны грѣху сему! Есть люди умные, ученые, образованные, которые знаютъ всю мерзость эпоѣ спроси, воспашютъ пропивъ нея, пишутъ, философствуютъ, а сами — все паки любятъ денежки!...

«Да мы не любимъ разсужденій!..» скажете вы. Виновать, друзья! но какъ же быть? Еслибъ я путешествовалъ по какой нибудь Африканской пустынѣ, тогда-бы конечно письма мои, или дневной дневникъ, могли ограничиться одними описаніями мѣсяцъ, горъ,

рѣкъ и распѣній, копорья были бы
любопышны по крайней мѣрѣ хошя
для географовъ и напуралисповъ; но я
ѣхаль по такой споронѣ, копорая
слишкомъ ужь извѣсна, и пошому
вѣрно-бы для васъ не было новоспью,
еслибъ я сказалъ, напрымѣръ, чпо въ
Воронежской губерни распешъ много
перну, чпо шамъ еспъ лѣса и мѣло-
вья горы? Приключенія, шакъ-же,
нынче сдѣмались рѣдки; разбойники
у насъ почши совсѣмъ вывелись; даже
самые Черкесы не беспокоюптъ проѣз-
жающихъ. Чпо же послѣ этого при-
кажете дѣмашъ бѣдному пупешеспвен-
нику, какъ не разсуждашъ на свободѣ,
спокойно спашъ въ дорожной коляскѣ
и усыпляшъ чипапелей разсказами о
вещахъ самыхъ обшкновенныхъ? . .

Вы знаете, чпо я поѣхаль не обзрѣ-
вашъ Кавказскую обласпъ, и пошому
не надѣйпесь получишъ опъ меня ни
испорическихъ, ни спашеспическихъ

свѣденій о мѣспахъ , проѣзжаемыхъ мной. Для этого надобно было употребить много шруда и много времени, а я и такъ боялся опоздать къ началу курса. Правда , еспь пупешенники , которые имѣюшъ даръ сдѣлать все это на всемъ скаку. Они осматриваюшъ достопримѣчательности каждаго города , не выходя изъ повозки , описываюшъ виды шѣхъ мѣспъ , копорыя проѣзжали ночью , нравы и обычаи такихъ людей , на копорыхъ взглянушъ не успѣли ; но я не буду слѣдовать ихъ меподѣ , не спану дѣлать выписки изъ старыхъ книгъ и выдавать ихъ за новоспъ. Города , спени , люди мелькали мимо меня , какъ Кипайскія шѣни , и я скажу о нихъ только то , что самъ успѣлъ замѣнить. Однакожь опису- пленіе мое слишкомъ длинно , а я еще доѣхалъ только до первой спанціи отъ Тулы; за то шеперь прямо перенесу васъ въ Воронежъ.

Мы пріѣхали въ него передъ вечеромъ , и , немного отдохнувъ , пошли посмотришь городъ , копорато однакожь не видали. Не имѣя проводника, мы не скоро попали шуда, куда намъ хотѣлось , а пущь смерклось , а на другой день, вмѣспѣ съ свѣпомъ, мы ужь были за городомъ и неслись по чисному полю.

Жары, въ копорые мы ѣхали опѣ Тулы до Воронежа , были несносны. Мы боялись, чшо, подвигаясь ближе къ Югу, будемъ еще болѣе чувспвовапѣ силу ихъ и наконецъ совсѣмъ изжаримся, или иснечемся; но вышло напрошивъ. Природа — или жалѣя насъ, или желая посмѣяпѣся надъ нами , обманувъ наше ожиданіе — совершенно перевернулась. Гроза прохладила воздухъ , и послѣ эпого , чѣмъ далѣе мы ѣхали на Югъ, шѣмъ спановилось холоднѣе. Ночью даже нельзя было сидѣпѣ въ повозкѣ, и мы принуждены

были оспанавливаться. Это казалось пѣмъ болѣе непріятно, что оспъ Воронежа верспъ на 400 почмы вездѣ прекраснѣйшія. На станціяхъ по 30 лошадей, оспановки нѣспъ нигдѣ; дорога гладка, какъ полъ; перепрягають въ десяспъ минуспъ и везуспъ во весь духъ. Мы уѣзжали въ часъ верспъ по 15-пи, и болше. Ни просьбы, ни угрозы не могуспъ заспависпъ ямщика ѣхатъ пише, и до самой земли Донскихъ Казаковъ, мы, можно сказаспъ, лепѣли; но шуспъ снова встрѣпилось пренятспвіе.

На одной станціи съѣхались мы съ Генераломъ Д... копорый возвращался изъ Тифлиса, и эта встрѣча заспавила насъ проспояспъ часовъ 6. Его ожидали со спрахомъ и препеномъ. Бѣднѣй спанціоннѣй спопришелъ и еще чиновникъ, присланный по этому случаю, изъ Черкаской Почповой Кошпоры, не спали цѣлую ночь и бѣгали

высунувъ языкъ, въ мундирахъ и при сабляхъ. Мы прїѣхали передъ свѣшомъ. Я пошелъ справиться о лошадахъ, но видя, что для проѣзда Генералова, по премудрому распоряженію спаршаго чиновника, оспановили даже и почпу, долженъ былъ въ молчаніи покориться судьбѣ и шакъ-же дожидаться, пока онъ проѣдетъ. Комната смопришеля была усплана правою, какъ будто въ Троицынъ день; что однакожь дѣлало ее не чище, а еще сырѣе и холоднѣе. Я очень обрадовался огню, копорый пылалъ въ печкѣ, и сѣлъ пропивъ него. Это было въ при часа упра. Смопришельша гошвила ужинъ, для прїѣхавшаго чиновника, и разсказывала ему анекдоты, копорые съ помощію своего краснорѣчія распроспраняла до безконечности, и забывала сковороду; но чиновникъ, какъ видно очень проголодавшійся, часпо прерывалъ ее и заспавлялъ опять присшупать къ дѣлу. Смопришель между

шѣмъ, въ глубокомъ молчаніи, сидѣлъ за сполникомъ и чепкими буквами выписывалъ рапортъ Генералу, о благополучіи спандіи. Опогрѣвшись у огня, я опыскалъ себѣ мѣснечко, легъ и сладко заснулъ подъ рассказы бѣглаго языка смоприпельши, какъ будто подъ смычокъ Дица, хопя языкъ раскащицы и не успокоился вмѣспѣ со мною.—

»Ѣдешъ! Ѣдешъ!» закричали со всѣхъ споронъ. Я вскочилъ и насилу могъ опомнишься, гдѣ я, и чпо пакое сдѣлалось. Генералъ подѣхалъ и не вышелъ, даже не выглянулъ изъ коляски. Смоприпельъ, выпянувшись въ спруну, заходилъ съ шой и съ другой спороны, желая подашь свой рапортъ, надъ кошорымъ онъ сполько шрудился; смоприпельшѣ очень хопѣлось, чпобы Его Высоко Превосходительство покушалъ у нея чайку и подарилъ бы ей за эшо 10 рублей, пакъ какъ онъ, по словамъ ея, изволилъ

сдѣлашь , проѣзжая въ Тифлисъ. Но этого не случилось: коляску заложили, закричали: пошелъ ! — и всѣ надежды исчезли!...

Съ этой станціи до самаго Черкасса опять начали насъ задерживать , какъ по множеству ѣхавшихъ изъ Тифлиса военныхъ , такъ и потому , что почты къ Черкаску опять прекращены. Лошади возвращаются съ одной станціи на другую не прежде , какъ черезъ сутки. Въ одномъ мѣсяцѣ , ночью , намъ дали такого ямщика , который ошъ роду не ѣзжалъ еще и въ одиночку , не только что четвернею , и на каждой горѣ , не держалъ лошадей — а самъ держался за козлы. Конечно мы могли-бы ошъ его искусства сломить себѣ шею ; но какое же дѣло содержателью поч-

Почтмейстеру заботиться о сохраненіи здоровья проѣзжающихъ — на шо есть лѣкаря и костоправы!...

Между Воронежемъ и Черкаскомъ мало хорошихъ видовъ: кромѣ необозримыхъ степей и пригорковъ ничего не предспавляется взору. Только ближе къ Воронежу, мѣстами, мѣловыя горы и распуціе на нихъ куспарники оживляютъ карпину. Виноградники есть уже и по сю сторону Черкасса, но ихъ разводятъ по балкамъ (*) и берегамъ Дона: всегда въ такихъ мѣстахъ, гдѣ они могутъ быть защищены отъ вліянія климаша, довольно еще суроваго.

Казачьи спаницы опспаяютъ одна отъ другой верспъ на 20 и на 30. Глядя на безкончныя, пучныя равнины, копорыя впуспъ лежатъ между нихъ, я невольно раздумался: отъ чего люди въ иныхъ мѣстахъ сбились такъ спсно, какъ муравьи въ кочкѣ, и за

(*) Такъ называютъ въ той споронѣ овраги и небольшія долины лежація между холмовъ.

недоспапкомъ земли , дорожатъ памъ
каждымъ клочкомъ глины , тогда какъ
цѣлыя поля ожидаюпъ полько рукъ
человѣческихъ , чшобы принеспъ изобиліе и богатспво ! Опъ чего до сихъ
поръ не спѣшалъ они пользовапья ще-
дрыми средспвами , которыя даетъ
имъ природа ? . . Но эти разсужденія
завели бы меня слишкомъ далеко , и
я возвращаюсь оняпъ къ моему раз-
сказу. —

Новочеркаскъ поспроенъ , или , луч-
ше сказапъ , еще спроиися , на кру-
пой горѣ , и очень разбросанъ . Мы
въѣхали въ него ночью , въ грязь и
слякопъ , и боялись какъ бы не упо-
нупъ среди города . Это было нака-
нунъ Николина дня . Войско Донское ,
получивъ въ подарокъ саблю покойна-
го Императора Александра , успано-
вило въ Николинъ день , по этому
случаю , ежегодное торжеспво . Мы
полюбопыспвовали видѣпъ его , и ,

не смотря на дождикъ и грязь, пошли въ соборъ. Но я не спану описываешь церемоніяла, пошому что всѣ церемоніяла описываются въ газетяхъ, и слѣдовательно вы и безъ меня будѣте имѣть удовольствіе прочесть о немъ. Скажу шолько, что соборъ здѣсь деревянный, и что пѣвчіе довольно плохи. Мнѣ понравилась національная гордость Казачекъ, копорья не слѣдуютъ Парижскимъ модамъ, и все еще одѣваются по своему. Даже самыя знатнѣйшія изъ нихъ были въ длинныхъ шубкахъ и шелковыхъ вязаныхъ колпачкахъ своихъ, — впрочемъ довольно спранныхъ.

Покуда церемонія продолжалась, дождь переспалъ. Не вдалекѣ отъ собора, на той-же площади, я замѣтилъ высокое, восьми-угольное деревянное зданіе, въ родѣ павильона, и узналъ, что это бесѣдка, построенная покойнымъ Графомъ Плашовымъ. Тамъ, въ

верхней просторанной залѣ , освѣщенной со всѣхъ сторонъ окнами , знаменитый вождь , въ торжественные дни , пировалъ съ храбрыми своими подвижниками . Теперь это зданіе мрачно и безмолвно . Слѣпы его , которыя прежде оглашались громкимъ ура и криками радости , запуспѣли , покрылись пылью и паушиною ; звонъ чашъ и рюмокъ смолкъ въ нихъ , и только въперъ свисшиль въ разбитыя оконницы

Есть люди , которые всего болше и любяще спрашашь другихъ . Можетъ бытъ опъ того , что раздѣляя спрахъ свой съ другими , они сами чувспвуютъ облегченіе . — За Воронежъ начало съѣзжашься съ нами многое множество путешественниковъ , различнаго званія , чина и соспоянія , отправляющихся къ Кавказскимъ водамъ . Съ нѣкоторыми изъ нихъ мы познакомились , и въ томъ числѣ съ

однимъ Орловскимъ помѣщикомъ, который, кажепся, *равной храбрости и одинакихъ силъ* съ общимъ нашимъ знакомцемъ Н. . . . Увидѣвъ меня въ Черкасскомъ соборѣ, онъ первымъ деломъ почелъ увѣдомить, что въ 30-лн верспахъ опѣ Черкаска, подѣ Оксайской сипаницей, гдѣ рѣки Донъ и Оксай сливаюпся вмѣспѣ, — намѣ должно будетѣ плыпѣ водою верспѣ 8 (по причинѣ разлипѣ Дона, который входитѣ въ берега не прежде Іюня). Эпо все бы еще ничего; но нашѣ новый знакомецѣ прибавилѣ, что переправа опасна, паромы скверны, что прешпѣго дня одинѣ изѣ нихѣ опрокинуло и пройка лошадей съ повозкою попонула. Я сообщилѣ эпѣ вѣспѣ моему поварищу, и возвращаясь на кварспиру, мы были очень въ дурномѣ расположеніи духа. Дождѣ опяпѣ пошелѣ и лилѣ какѣ изѣ ведра. Ненаспная погода сдѣлала и насѣ пасмурными. Товарищѣ мой сидѣлѣ молча, ду

малъ о грязной дорогѣ, о предстоящемъ намъ водяномъ путешествіи; я такъ же думалъ о немъ, только совсѣмъ другимъ образомъ.

Обыкновенно каждый мостъ и каждая переправа бывають дурны до пѣхъ только поръ, пока на нихъ кто нибудь не изуродуется, или не упонетъ. Люди, которые всегда и вездѣ надѣются на авось, дѣлаются наконецъ (хотя и нѣмного поздно) оспорожныѣ, когда несчастіе одного успрашитъ ихъ, и новый примѣръ докажетъ тысячу разъ доказанную ужъ истину, что любимая поговорка рода человѣческаго очень не надежна. Разсуждая такъ, я готовъ былъ опвѣчать головою, что послѣ приключенія, случившагося съ пройкой, на Дону взяты всѣ предосторожности. Сверхъ того успѣшала меня пословица: *не такъ блсъ страшенъ, какъ его пишутъ*. Нѣсколько разъ испыталъ я

справедливостъ этой пословицы , и теперь случилось такъ-же.

Мы ночевали еще ночь въ Черкасскѣ. На другой день погода сдѣлалась прекрасная. Часовъ въ восемь утра мы выѣхали и увидѣли , что даже грязь просохла и дорога сдѣлалась лучше , нежели ожидать было можно. Виды, копорые открылись намъ, были такъ-же недурны: передъ нами лежала зеленая, низкая равнина и по ней вился излучистый Донъ. Влѣво , вдали, виднѣлся Спаро-Черкасскѣ.

Оксайская снаница , въ копорую пріѣхали мы къ обѣду , есть едва-ли не богатѣйшая изъ всѣхъ лежащихъ на Дону снаницъ. Близость Таганрогскаго порта и двѣ судоходныя рѣки , омывающія гору, на копорой она построена , доставляющъ жителямъ ея большія выгоды; а по изобилію и дешевизнѣ всякаго рода рыбъ , фрук-

повь и Донскаго вина, сохраняющаго здѣсь всю первобытную чистоту свою и непорочность, Оксайская спаница вѣрно покажется мѣспомъ очень пріятнымъ всѣмъ любителямъ гаспрономін.

Наконецъ роковой перевѣздъ представился глазамъ нашимъ — и что же вышло?.. Разлившійся Донъ въ самомъ дѣлѣ казался необозримымъ озеромъ. Водой почно надобно было ѣхать верстѣ 8, но только вдоль по рѣкѣ около самаго берега. Вода была шиха, какъ зеркало; а перевозныя суда, копорыя мы шупъ нашли, могли бы смѣло ходить по морю, не только что по Дону. Мы очень жалѣли, что не было попушнаго вѣпра: на парусѣ можно бы переправиться въ полчаса, а намъ пришлось быть на водѣ часа четыре. И вся непріятность и вся опасность этой переправы была только та, что насъ — кусали комары....

Послѣ Черкаска мы сдѣлали еще опдыхъ въ Спаврополѣ. Главный городъ Кавказской Области не имѣешь въ себѣ ничего привлекательнаго ни по строенію, ни по мѣсту, на которомъ построень. Но пребываніе шамъ Обласпнаго начальника, чиновниковъ, при немъ находящихся, и нашихъ войскъ начинаешь оживлять его во всѣхъ отношеніяхъ.

Не доѣзжая верспъ за 40 до Спаврополя, начинаешь непрерывная цѣпь небольшихъ горъ. Сперва ѣдешь между нихъ долиною, но ближе къ Спаврополю примыпно поднимаешься все выше и выше. На горахъ виды самые пустынные и дорога очень скучна; впрочемъ для ѣзды хороша и спокойна.

Креспьяне, населяющіе Кавказскую Обласпъ, перевезены шуда изъ спенныхъ губерній, и шамъ еще болѣе оди-

чали. У многихъ нельзя добиться ни за какія деньги вещей самыхъ необходимыхъ для спола. Деревни ихъ скучны, жилища нечиспы.

Подъѣзжая къ заштатному городку Александрову, мы увидѣли наконецъ Бешпау—цѣль нашего пупешествія. Онъ опкрывается верспъ за полпораспа. Далѣе на небосклонѣ забѣльлись, какъ облачка, вершины горъ Кавказскихъ, покрышыя вѣчными. снѣгами.

Прежде опъ Спаврополя до Георгіевска проѣзжающихъ конвоировали Казаки, для безопасности опъ нападенія и грабежа Черкесовъ. Теперь конвои ненужны (*), а полько по дорогъ разспавлены Казачьи пикеты, верспахъ въ прехъ, или чепырехъ одинъ опъ

(*) По обстоятельспвамъ и измѣнчивоспи характера Горцевъ, въ послѣдствіи эпиа предосторожность сдѣлалась опящъ необходима.

другаго , глядя по удобности мѣсна. Они всегда помѣщаются на высотахъ , съ копорыхъ видно на нѣсколько верствъ въ окружности.

Дорога на горячія воды черезъ Георгіевскъ нынѣ совсѣмъ почти оставлена. Мы шакъ-же , не имѣя особенной надобности бытъ въ Георгіевскъ , поворопили въ Горячеводскъ прямо изъ Александріи (послѣдняя станція къ Георгіевску). Тушъ ближе и дорога лучше.

Приближаясь къ Бешпау , я не вѣрилъ глазамъ своимъ: огромность его и гладкая поверхность долины, на которую онъ опирается подножіемъ , удивительно скрадываютъ разстояніе. Гора за двадцать верствъ казался не больше, какъ въ чепырехъ верстахъ. Только шуманъ , зашпилающій се , будно флеромъ , даешь чувствовашъ обманъ зрѣнія.

2.

Июля 20-го.

Мѣспечко , поспросное при горячихъ водахъ , лежишь у подножія горы Мишуки , которая возвышаясь ошь горизонтна на 250 сажень , совершенно закрываетъ спроенія съ сѣверо-востока , такъ , что мы не прежде увидѣли дома , какъ объѣхавъ гору и приблизившись къ самому въѣзду въ Горячеводскъ . Но съ другой стороны мѣспоположеніе открышо и скапомъ идешь къ рѣчкѣ Подкумъ , которая протекаетъ саженьяхъ въ двухъ сплахъ ошсюда .

Первою заботою для насъ , разумѣется , было прінскашь кварширу , и хопя мы ожидали , по рассказамъ многихъ . найдиши здѣсь гостинницу , или что нибудь ей подобное , гдѣ можно пристать

на время, но обманулись въ своемъ ожиданіи (*). Пріѣзжающіе до шѣхъ поръ должны проспояшь на улицѣ и не выпрягаютъ лошадей, пока не прищупъ себѣ жилища на цѣлый курсъ лѣченія. Это очень непріятно. Съ дороги и безъ пого успанешь, а шупшь успанешь еще болѣе, паскаясь изъ дома въ домъ, толкуя съ хозяиномъ каждаго, выбирая и сравнивая гдѣ дешевле и гдѣ удобнѣе. Еспеспвенно, чшо это надоѣспшь всякому, и слѣдовашельно всякой дороже даспшь за кварпиру, чшобы шолько поскорѣе успокоиться. А жипелямъ шо и надобно.

Точно такая испорія была и съ нами. Походивъ довольно долго, мы рѣшились наконецъ наняпшь двѣ ком-

(*) Теперь каменная гостиница, въ то время еще не отстроенная, совсѣмъ опдѣлана. Но въ ней слишжомъ мало нумеровъ, и поэтому она едва-ли въ этомъ случаѣ доставитъ какую либо выгоду пріѣзжающимъ.

нашки, довольно чистыя, съ выбѣленными спѣнами, съ мебелью попорной работы, чуланомъ, кухнею, и прекраснѣйшими видами изъ оконъ. За все это мы заплатили 350 рублей на курсъ, т. е. недѣль на шесть, или мѣсяца на два, какъ случится.

Домикъ, въ которомъ живемъ мы, стоитъ на высотѣ, господствующей надъ всемъ мѣстечкомъ. Сзади, надъ самою головою нашею, возвышается Мишука, покрытая лѣсомъ и куспарникомъ; внизу, передъ нами, какъ въ панорамѣ, посавленъ Горячеводскъ, такъ, что всѣ крыши домовъ пересчитать можно. Прямо черезъ нихъ взоръ упирается въ скалу, на которой построены Александровскія и Ермоловскія ванны. Немного правѣ видна мушная Подкума; за нею необозримая степь, на коей мѣстами возвышающіяся пригорки, похожія видомъ на курганы, или насыпи. Далѣе,

въ ясную погоду , видѣнь гиганшь-
Эльборусь, со всею цѣнью горь Кав-
казскихъ, кошорья, какъ исполинскіе
шапры, бѣльюща на небосклонѣ , и
блещащими, льдиспыми верхами под-
пирающъ сводъ неба.

Не смопря на всѣ исчисленныя мной
выгоды, не смопря на то, что мы
изъ комнашь нашихъ можемъ прель-
щаша такими прекрасными видами,
мнѣ однакожь кажеша, что кварпи-
ра наша довольно дорога ; но дешевле
найдти нельзя. Правда, что здѣсь хо-
рошихъ домовъ шеперь много , и ихъ
доспапочно для помѣщенія *постыти-*
телей (такъ насъ здѣсь называющъ),
однакожь они ошь того не шеряющъ
цѣны своей. Здѣшніе жипели ждушъ
времени, въ которое начинаеша курсъ,
съ шакимъ шочно чувшвомъ, съ ка-
кимъ голодный земледѣлецъ ожидаешъ
богатой жашвы , и спарающа воз-
наградить себя за долгое шерпѣніе на

счесть ближняго. Люди экономные, или бѣдные, нанимаюмъ для себя мазанки, копорыхъ шакъ-же довольно здѣсь; но эти мазанки сыры и ушоплены въ землю по самыя окна. Такую мазанку можно нанять рублей за 30 на цѣлый курсъ, но за то въ ней можно получить и лихорадку.

Правительство наше, попечительное во всѣхъ отношеніяхъ, печется и объ устройствѣ здѣшнихъ водъ. Оно съ каждымъ годомъ улучшается, и если, по словамъ главнаго здѣшняго доктора, всѣ планы, копорые онъ сдѣлалъ съ архисекторомъ, утвердишия и придуши въ исполненіе, то черезъ нѣсколько лѣтъ сюда можно будетъ ѣздить даже изъ одного любопытства. Но пока еще и для больныхъ встречается много неудобствъ.

Различные ключи, въ копорыхъ купаются по различію болѣзней, разбро-

саны по горамъ, довольно далеко одинъ отъ другаго, и нѣкоторыя такъ отдалены отъ жилья, что пѣшкомъ дойти до нихъ шрудно. Тѣ изъ посѣпипелей, которыя прїѣхали не на своихъ лошадяхъ, могутъ однакоже доспаывать здѣсь дрожки; за каждую поѣздку въ ванну платишься рубль, или полшора—глядя по красотѣ и спокойствію экипажа.

Горячій сѣрный ключъ, называемый Александровскимъ, есть самый сильный и самый употребительный изъ всѣхъ здѣшнихъ ключей. На немъ устроены ванны Александровскія, съ чешырмя купальнями, и Ермоловскія, съ шестью купальнями, изъ которыхъ три опредѣлены для мужчинъ и три для дамъ. Больныхъ собирается тамъ такъ много, что иногда часа два дожидаетесь очереди, которая соблюдается свято. Генераль, оберъ-офицеръ, мѣщанинъ сядятъ въ общей

галлереѣ на одной лавочкѣ, и кпо прежде пришелъ, попь прежде идешь и въ ванну. Болѣзнь такъ-же какъ смерть — равняетъ всѣ соспоянїя.

Въ Варварцевскихъ ваннахъ (на Марьинскомъ ключѣ) двѣ купальни.

На Кисло-сѣрномъ, или Елисаветинскомъ ключѣ, одна.

На Сабанеевскомъ такъ-же одна. На семъ послѣднемъ нѣтъ даже и галле-рей, такъ какъ надъ прочими, а поспавлена Калмыцкая кибишка.

На Александровскомъ ключѣ золоже-ны еще новыя, каменные ванны; въ огромномъ зданїи прекрасной архи-тектуры; ихъ будетъ 16 (*). Камен-ная респорація, совсѣмъ почпи олъ-спроенная, такъ-же опличается кра-сивоспїю архитектуры. Передъ ней

(*) Онѣ олдѣланы и названы Николаевскими.

парадная площадь, которую обсадили липами. Но до сих пор не было в Горячеводскѣ самаго главнаго — церкви; служба отправлялась въ полковой, и та привозилась сюда только на время. Намѣстникъ Александроневскія Лавры, Архимандритъ Товія, прѣхавшій сюда лечиться, обратилъ на это вниманіе; послышавши не отказались споспѣшествовать благому его намѣренію: каждый пожертвовалъ что могъ на сооруженіе храма, и деревянная церковь начнется и окончится строеніемъ въ нынѣшнее лѣто. —

Я не медикъ, и попому не мое дѣло описывать свойства здѣшнихъ водъ, но не могу однакожь не упомянуть объ одномъ разительномъ доказательствѣ цѣлебной силы ихъ: я самъ видѣлъ два кресты, которые прибиты, какъ профетіи, надъ дверями Ермоловскихъ ваннъ; они принадлежали человѣчу,

совершенно не владѣвшему ногами. Въ первый курсъ его въ купальню вносили на рукахъ. На другой годъ онъ могъ уже ходить съ помощію копылей, а на прешій совсѣмъ исцѣлился.

Одно изъ самыхъ важныхъ запрудненій, копорья встрѣчающія здѣсь больному, есть выборъ докпора, потому что здѣшнимъ докпорамъ, какъ то, худо вѣряшь. Правда, что сюда много докпоровъ прѣзжаетъ, но поручишь себя кому нибудь изъ сихъ послѣднихъ, мнѣ кажется, еще хуже. Мудрено ли опасаться на шакого, который совершенно не знаетъ свойства здѣшнихъ водъ, и даже не знаетъ своего дѣла? . . . Кормчему, хотя и не искусному, но давно упражняющемуся въ ремеслѣ своемъ, все таки лучше извѣстны, нежели новичку, подводные камни въ морѣ, по копорому онъ всегда плаваетъ. Убѣжденный этимъ сравненіемъ, и стараясь выбрать изъ

двухъ золъ меньшее, я вручилъ кормило ладьи своѣй, на копорой плыву черезъ сѣрныя воды, въ руки главнаго здѣшняго Медика. Куда-то онъ привезетъ меня? Къ тѣмъ-ли счастливымъ берегамъ, гдѣ обипаешь здоровье, или примчишь прямо къ Спиксу и сдасть съ рукъ на руки наперсипнику своему Харону?..

Ѣхавши сюда, я воображалъ, что у меня будетъ здѣсь очень много свободнаго времени; но на повѣрку вышло не то. Вопрь какъ проводимъ мы день.

Вспавъ очень рано поупру, идешь пипь воду — и какъ пипь! спакановъ опрь 8 до 12-пи, и послѣ каждаго спакана прохаживаешья десятишь минутъ. Пошомъ опправляешься въ ванну, и иногда съ ужасомъ видишь, что шамъ уже сидяшь человѣкъ двадцать, копорыхъ надобно переждашь. Забавно смотрѣшь на входящаго, когда онъ

застаеиъ такое собраніе: лицо его выпягивается четверти на двѣ, какъ лицо игрока, у котораго убьютъ значительную карпу. Въ самомъ дѣлѣ, весело ли ждешь очереди при часа? Къ несчастію я на себѣ испыталъ это. Для избѣжанія всѣхъ хлопотъ, я пробовалъ вставать съ свѣпомъ вмѣстѣ, но и шумъ приходилъ не первый, потому что есть такіе задорные купальщики, которые пьютъ воду по мѣсяцу; и за часъ до свѣта забираются въ ванны. Наливши въ желудокъ сѣрной, проливной воды, и выкупавшись, приходишь домой часовъ въ 10, а иногда, при несчастіи, и въ 11. Разумѣется, что послѣ такого дежурства и теплой ванны, отдыхъ необходимъ; и такъ, позавтракавши, валяешься разслабленный, въ какомъ-то полуживомъ состояніи, до самаго обѣда, и—вошь цѣлаго утра ужь нѣтъ. Здѣсь обѣдаютъ рано, но въ 4 часа послѣ обѣда опять надобно идти на

содопой (упоупребляю здѣшнее выраже-
ніе) и оиашь купашься. Сочпипе же
пешерь , сколько оспаешся времени
опть цѣлаго дня на какое нибудь ум-
спвенное заняпие?

Послѣ обѣда, почти всѣ поспиптели
въ одно время собираюпся, для пипья
воды, къ кисло-сѣрному колодцу. Мѣспо
эшого сборища соспавляешть площадку,
образующуюся , такъ сказапть , на
первой спупени горы Мишуки. Вся
огромная масса горы защищаешть пло-
щадку опть сѣвера , а каменная скала,
опроспть шой же горы, опть Юга. Рас-
пущіе по обѣимъ споронамъ куспы
шиповника, дубки , и выдавшіеся изъ
скаль огромные, сѣдые камни, дѣлаюпть
эшо мѣспо и дикимъ и довольно пріят-
нымъ. Люди , копорые сходяпся къ
кисло-сѣрному колодцу , соспавляютъ
карпину песпрую , живую , разнооб-
разную. Тамъ вы увидипе и франпа,
одѣшаго по послѣдней модѣ , и краса-

вицу въ щегольскомъ нарядѣ, и Жида въ засаленномъ сюрпукѣ и ермолкѣ, и Черкеса въ лохматой шапкѣ, и Казака, и Грузинку, и Грека, и Армянина, и Калмыка съ косою и съ огромнымъ блюдомъ на головѣ... Глядя на всѣ эпо, невольно скажешь:

Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
 Племень, нарѣчій, сосполяній!..

Разговоры, бывающіе на здѣшнемъ водопоѣ, такъ-же разнообразны; случаются и сцены довольно забавныя. Опишу для примѣра одну изъ нихъ:

Дни при тому назадъ, я пришелъ въ обыкновенное время къ колодцу, выпилъ воды и усѣлся на лавочку возлѣ галлерейки, или, лучше сказать, возлѣ мазанки, построенной надъ ванной. Сначала — какъ и должно бытъ — обратили на себя мое вниманіе дамы. «Скажице, купили-ль вы себѣ *терма-*

лама?..» спросила одна изъ нихъ , високаго роста , въ левантинной шинелькѣ и голубой шляпкѣ , другую , поменьше , которую велъ подъ руку мужчина. — Купила вчера — опвѣчала она — однакожь здѣсь всѣ повары ужасно дороги ! Я никакъ не хопѣла заплапшь полушораспа рублей за плашье , которое будешъ такъ песпро и спранно ; но мой Егоръ Ивановичъ непремѣнно захопѣлъ эпого — прибавила она , обратившись къ провожавшему ее мужчинѣ — и сдѣлалъ мнѣ сюрпризь . (Однакожь горькая улыбка Егора Ивановича , какъ бы выжашая насильно , ясно доказывала , что онъ сдѣлалъ эпошь сюрпризь по неволѣ и вѣрояпно для уняпшя какихъ нибудь нервическихъ припадковъ своей нездоровой половины). «А мнѣ очень хочешся сдѣлать себѣ плашье изъ пермалама» продолжала опяшь дама въ голубой шляпкѣ «и для шого полько , чтобы вывесшь опсюда что нибудь Азіатское .

Но къ несчастію, на мой ростъ ничего не выходишь изъ одного куска, и я не понимаю, почему эти глупые Персіяне вообразили себѣ, что семи аршинъ довольно для каждого.»

— Какъ жаль, что вы вчера не были въ церкви! — сказала подходя къ нимъ еще прешья дама, копорая была пожилыхъ лѣтъ и прихрамывала на одну ногу. — Полковой священникъ говорилъ прекраснѣйшую проповѣдь: какъ хорошо онъ разироспранялся на счесть здѣшнихъ водъ и ключей!.... Ну, что, какъ вы себя чувспвуете? А я вспаю въ чешыре часа, пью по 12-ти спакановъ воды, беру по двѣ ванны въ день, но здоровье мое худо поправляется. — Въ эту минулу пріѣхалъ къ колодцу Сулшанъ Менглигирей (Ташарскій Князь, копорый живешть не далеко опсюда и здѣсь лѣчишся). Красивый конь его и богашый Черкескій приборъ обрапили на себя вни-

маніе мужчинъ, и они шолною бросились разсмапривать сѣдло и лошадь; а между шѣмъ человекъ довольно спраннаго вида, въ Калмыцкомъ шулу-гѣ, подвязанный шалью, пилъ очень усердно воду, разсмапривалъ игру ея и безпреспанно восклицалъ: «Чудеснѣйшія воды! опличнѣйшія воды!»

— Вы вѣрно давно пріѣхали и испытали силу эшихъ водъ? — спросилъ его сидѣвшій возлѣ меня офицеръ. — «Напрошивъ, я шолько чпо вчера пріѣхалъ. Я болѣнъ, очень болѣнъ. Пяшъ лѣшъ лѣчусь, весь раззорился, но пользы никакой не получилъ. Теперь однакожь увѣренъ, чпо здѣшнія воды помогутъ мнѣ непременно.» Говоря эши слова, онъ опяшъ съ жадноспію выпилъ залпомъ два спакана воды. — Спранный человекъ! — сказала офицеръ, когда шопъ удалился. — Впрочемъ я вижу здѣсь многихъ подобныхъ ему, кошорымъ кажется,

что самый воздух здѣшній ужь по-
 могаешь , и что послѣ двухъ ваннь
 они чувспвуютъ себя гораздо лучше.
 И мудрено-ли: съ дальней дороги вся-
 каго разобьешь , слѣдовашельно очень
 еспеспивенно, что послѣ теплой ванны
 ему сдѣлаешся легче ; но все этого
 нельзя приписать цѣлишельной силѣ
 водѣ , пошому что самое поже онъ
 почувспвовалъ бы и опъ простой
 Русской бани. Вчера , на примѣрь ,
 вспрѣшился я съ однимъ знакомымъ
 мнѣ Полковникомъ , который живешь
 здѣсь ужь полшора года. «Что , какъ
 вы въ своемъ здоровьѣ?» спросилъ я
 его. — О, гораздо лучше — опвѣчалъ
 онъ. «Да что же вы чувспвуете?» —
 А вопъ шо, что прежде я не могъ
 безъ опдыха взойти на эту гору, а
 теперь всхожу на нее безъ всякаго
 пруда. — Прекрасное доказашельство!
 продолжалъ офицеръ.. Я согласенъ ,
 что сначала ему шочно шрудно было
 всходити на гору опъ шого, что онъ

никогда по горамъ не хаживаль, а въ полшора года, взбираясь на нее всякой день два раза, можно, кажешся, къ эшопу привыкнутьъ. Я же съ своей спороны шогда только повѣрю цѣлипельноспи здѣшнихъ водъ, когда вопшь у эшого хромага (онъ указаль на одного безногаго, копорый ходиль на коспыль) вырастетъ нога, или по крайней мѣрѣ, когда онъ вымчатъ меня опть прокляпой обспрукціи въ боку, а жену мою опть удушья и раздражительноспи нервъ, копорая заспавляетъ меня спрадашь еще больше обспрукціи.— Краснорѣчивый офицеръ продолжалъ бы еще свои рассказы, но я увидѣль одного знакомаго мнѣ докшора, и подошелъ къ нему. Онъ только чшо оспавиль человекъ, съ копорымъ ходиль рука съ рукой, и, казалось, о чемъ шо спориль. «У васъ былъ жаркій разговоръ? сказалъ я докшору. Не о медицинѣ ли вы съ нимъ шпакшовали?» — Да, опвѣчадъ

онъ:— это одинъ изъ моихъ больныхъ, или, лучше сказаць, мнимо больной, копорый мнѣ не даесть покоя. Онъ воображаесть, что имѣесть болѣзнь, какой у него опъ роду не бывало, и просишь такихъ лѣкарствъ, копорыя могушь бышь ему вредны. — «Что же вы съ нимъ дѣлаесть?» — Чпобы опвязашься опъ него, я даю ему пилюли изъ магнезиі, порошки изъ сахара и сѣры, словомъ, такія вещесва, копорыя не сдѣлають ни вреда, ни пользы. — «Доволенъ ли онъ эшимъ по крайней мѣрѣ?» — То-шо и горе, что нѣтъ. Онъ хочесть непременно средствъ сильныхъ, и сердился, что опъ моихъ лѣкарствъ не чувствуетъ никакого дѣйствія. Вотъ ужь шрепій курсъ ѣздишь онъ сюда; беретъ по спу самыхъ горячихъ ваннь. Всѣ мои предспавленія не помогають, и я боюсь, что если онъ пріѣдетъ и на будущій курсъ, то купаесться до чахотки, не смотря

на всю крѣпость его сложенія... Тушъ подошелъ къ колодцу быкъ, копорого жаръ согналъ съ горы, гдѣ онъ пасся, и началъ пить минеральную воду. Солдатъ, приспавленный къ ваннамъ, хопьлъ опогнашь его... «Не прогай! не прогай!» закричали со всѣхъ сторонъ: «Можетъ бышь онъ пьешъ воду по предписанію докпора.»

Здѣсь встрѣчается еще рядъ людей, имѣющихъ спросить судить обо всѣхъ болѣзняхъ и каждому подавать совѣты. «Кпо васъ пользуетъ?» спрашиваютъ они... «Помилуйте! эпошь докпоръ никого еще не вылѣчилъ; онъ васъ просипо уморитъ. Вы возьмите лучше вопъ эшого; онъ единспвенный медикъ!» А шому, кого лѣчитъ эпошь единспвенный медикъ, они бранятъ его также, и хвалитъ на оборощ шого, копорого другому бранили, — сбиваютъ съ полку больныхъ и приводятъ въ сомнѣніе. Теперь предспавъ-

ше сверхъ всего описаннаго мною , нѣсколько Генераловъ , полкующихъ о полипикѣ; офицеровъ, разговаривающихъ о полкахъ своихъ и службѣ; вообразите наконецъ концерпъ , составленный изъ языковъ : Русскаго , Французскаго, Нѣмецкаго, Греческаго, Еврейскаго, Грузинскаго, Черкесскаго, копорые всѣ вдругъ опзываются въ ушахъ , и тогда вы будете имѣть полное поняшье о помъ , что можно видѣть и слышатъ возлѣ кисло-сѣрнаго колодца.

Кромѣ эшого мѣста, здѣсь бываетъ еще родъ гулянья на площади, передъ новой госпинницей , гдѣ каждый вечеръ играетъ полковая музыка. Черкесы и Казаки прѣзжаютъ шуда шолпами пріучашъ лошадей своихъ къ звуку барабановъ и лишавръ; а Грузины и Армяне распилаютъ прошивъ лавокъ своихъ, поспроенныхъ на шой же площади, Персидекіе ковры, копо-

рыми торгуютъ, и прельщаютъ ихъ дешевойо взоры гуляющихъ.

Въ Маѣ, когда мы сюда прѣхали, въ Горячеводскѣ было еще очень пусто, и вещей, даже самыхъ необходимыхъ, достать почти было не возможно. Но полное число посѣпителей собирается обыкновенно къ половинѣ Іюня, и купцы шакъ-же направляютъ прѣхать къ этому времени. Теперь, когда съѣхалось сюда до двухъ сотъ семей, явилось и все нужное. Армяне и Грузины прибыли изъ Моздока и Кизляра съ Персидскими матеріями, коврами и другими Азіатскими товарами; Греки съ винами, чаемъ и сахаромъ; Жиды изъ Бердичева, и Русскіе купцы, съ сукнами, ситцами и шелковыми тканями; Черкесы съ своими вещами и конскими приборами; а колонисты съ булками, кренделями и зеленью. Словомъ, здѣсь теперь настоящая ярмарка. И между шемъ Азіатскіе

повары ужасно дороги , пошому чшо купцы дорого плащящъ за наемъ лавокъ , да и знающъ же , чшо многіе изъ насъ захопящъ непременно имѣющъ вещи , вывезенныя съ Кавказа , не смощря на шо , чшо нѣкопорыя изъ нихъ можно доспашъ за шу же цѣну (если еще не дешевле) и въ Россіи.

За шо на дороговизну съѣспныхъ припасовъ пожаловашъя нельзя. Сшоль очень сыпный и вкусный спановищся не болѣе рубля въ супки. Чай, сахаръ, кофе и шоколадъ пакъ-же здѣсь немного дороже нашего. Только хорошаго чаю , шоколаду и хорошихъ Французскихъ винъ доспашъ шрудно: въ Кахешинскомъ и Донскомъ винъ — изобиліе.

3.

Юля 23-го.

До ближайшаго Черкесскаго аула отсюда чепыре версты. Онъ построень подлѣ самаго Бешпау, и попому называется Бешповскимъ ауломъ. Черкесы прѣзжаютъ сюда всякой день цѣлыми полпами; привозятъ для продажи барановъ, курь, сѣдла, бурки, шапки; гарцюють, или, какъ говорятъ здѣсь, *джигитуютъ*, на лошадяхъ, и опыскиваютъ себѣ *кунаковъ*, съ кошорами однакожь поспушаютъ почно шакъ-же, какъ и наши Европейскіе купцы съ своими знакомыми и пріятелями, ш. е. не совѣспаясь обмануть каждаго изъ нихъ, взявъ впрое дороже за какую нибудь вещь, или *надуть* лошадкой. Они ждуть съѣзда на воды съ шакимъ же нешер-

пѣніемъ, какъ и здѣшніе жители; по-
тому что въ это время такъ-же полу-
чаютъ большія выгоды, сбывая вещи
свои. Лошади ихъ въ продолженіи
курса бывають довольно дороги, не
смотря на то, что хорошихъ они
совсѣмъ не показываютъ, а приводятъ
дрянь. Но для тѣхъ, кому надобно
купить большое количество, приго-
няютъ цѣлые шабуны и понижаютъ
цѣну. При мнѣ были здѣсь ремонше-
ры; къ нимъ пригнали около ста ло-
шадей, и отдавали по 125 рублей на
выборъ. Хорошо было видѣть, какъ
чепыре Черкеса, загнавъ дикихъ, не-
обузданныхъ коней на большой дворъ,
командовали ими съ помощію однѣхъ
нагаекъ и своего крика. Они разсыпá-
ли шабунъ, свершывали его, пошомъ
опдѣляли тѣхъ лошадей, копорыхъ
было нужно, перегоняли ихъ на дру-
гую сторону двора и никакъ не дава-
ли имъ соединиться опять съ про-
чими.

Мы пишемъ почти къ каждому коропко знакомому : любезный другъ; здѣшніе Черкесы , вспрѣшившись съ человекомъ , которому продали вчера на 5 рублей , говорятъ : здорово кунакъ. Знаю— да и всякой эшо знаетъ— что слово другъ у насъ давно ужъ употребляется не въ настоящемъ своемъ значеніи , но не знаю того , давно ли Черкесы сдѣлали изъ своего *кунака* такое же употребленіе ? По крайней мѣрѣ я до сихъ поръ слыхалъ и чипывалъ , что кунакъ у нихъ считался особою священою , и что они готовы жерпвовать за него жизнью. Неужели частое сношеніе съ Европейцами измѣнило и у нихъ эшопъ обычай ? Или , можетъ быть , здѣсь они только изъ *въжливости* распочаютъ такъ щедро эшо названіе , зная , что имъ никогда не придется защищать жизнь пѣхъ , которыхъ они величаютъ имъ... Впрочемъ избави Богъ , если и въ случаяхъ важныхъ Черкесы будутъ

пакъ-же поступашь съ своими кунаками, какъ Европейцы съ друзьями!..

Какъ бы шо ни было , шолько я имѣю прехъ кунаковъ, пошому чшо у одного купилъ шапку, у другаго сѣдло , у прешьяго бурку. Сверхъ шого они даюшъ мнѣ лошадей для прогулокъ , шолько не даромъ , а на прокапъ, и за эшо берушъ по рублю въ день. Кому угодно, шопъ можешъ даже держашъ лошадь на своемъ корму и плашишъ деньги по мѣсячно. Последнее условіе выгоднѣе , пошому чшо кормъ здѣсь рѣшипельно ничего не споишъ. Была бы шолько коса и человѣкъ, кошорый умѣешъ косишъ.

Здѣсь шеперь о набѣгахъ совсѣмъ не слышно. Прежде не смѣли переходишъ за Подкуму , боясь Черкесской пули, или аркана; нынче нѣшъ никакой опасности. Я съ двумя шоварщиками и однимъ шолько ямщикомъ

ѣздила шуда спрѣляпъ фазановъ и куропапокъ. Набѣги обыкновенно дѣлають шѣ Черкесы, копорые не покорены еще Россіи; но открывалось всегда, что въ такихъ случаяхъ участвуютъ и жители замирныхъ ауловъ, шайно увѣдомля хищниковъ, куда удобнѣе напасть и гдѣ богаче добыча. Для отвращенія этого зла сдѣлали распоряженіе, по которому аулъ, ближайшій къ мѣсту набѣга, долженъ отвѣчать за разхищенное своимъ скопомъ и имуществомъ. Это средство покажется очень хорошо дѣйствуетъ.

Войска, стоящія здѣсь, и кордонные Казаки такъ-же удерживаютъ Черкесовъ отъ нападенія на окрестности Горячеводска. Сверхъ того за Подкумою, въ полуверстѣ отсюда, поселена цѣлая шаница Казаковъ линейныхъ.— Если вы видали когда въ числѣ дѣтскихъ игрушекъ деревянные города, копорые, отражаясь въ зеркальцахъ,

кажущся восьмиугольными, съ площадью по серединѣ, и прельщающіе глаза своею правильностію и чистотою, по можеше вообразить видѣ, какой дѣлаешъ эша спаница, построенная по плану и лежащая въ долину, когда смопришь на нее съ высоты оусть Горячеводска.

Первый выѣздъ мой съ горячихъ водъ былъ въ Конспаншиногорскую крѣпость. Эпо чепыре версы оусюда. Товарищѣй мнѣ не нашлось, и я поѣхалъ съ однимъ только Черкесомъ — проводникомъ моимъ. — Съ поняшіемъ о крѣпости я всегда привыкъ представлять себѣ бастіоны, рвы и проч. Но шупъ не нашель ничего подобнаго; домъ начальника кордонныхъ Казаковъ, нѣскольکو мазанокъ, нѣскольکو садовъ и огородовъ съ плешневыми заборами: вопъ все, чшо составляетъ Конспаншиногорскую крѣпость, и вопъ все, чшо я могу ска-

зашь о ней. Впрочемъ кажется , что здѣсь укрѣпленія и не нужны. Черкесы не такіе непріятели, опъ копорыхъ бы надобно было окопывашься и укрывашься за спѣнами.

Возвращаясь назадъ, я вздумалъ по-пробовашь быспропу Черкесскаго коня, и шолкнулъ его , но, къ сожалѣнію , увидѣлъ , что кунакъ мой не ошибся въ разсчепъ, и далъ мнѣ самую лѣни-вую клячу изъ шабуна своего. Между тѣмъ я любовался ловкостію прово-жавшаго меня наѣздника. Онъ джиги-шавалъ на конѣ своемъ (копорый былъ сполькоже горячь, какъ мой лѣнивъ), дѣлалъ быспрые повороты и наги-баясь срывалъ цвѣшы съ такою лег-костію , какъ бы шелъ пѣшкомъ. «Подымешь ли шы на всемъ скаку съ земли гривенникъ?» спросилъ я его. — Подымемъ, опвѣчалъ онъ. «Я думаю каждый изъ васъ можетъ эпо сдѣ-лать?» — Нѣтъ. — «Бываюшъ ли въ

вашемъ аулѣ скачки, или какія нибудь игры?» — Бываюпъ. — «Когда же?» — Когда будешъ Байрамъ. «Что же вы тогда дѣлаете?» — Плясать будемъ, спрѣляпъ, скакапъ; барашки рѣзапъ будемъ. — Послѣднiя слова онъ произнесъ съ шакою радоспiю, съ какой человѣкъ, при дня не ѣвшiй, говорипъ о пригоповляющемся для него обѣдѣ. Но будемъ ли дивипъся тому, что дикарь поспавляетъ все блаженство свое въ потребностяхъ физическихъ, когда видимъ сонни людей просвѣщенныхъ, копорые живупъ для одного желудка?... Черкесъ же эполъ былъ рабъ. Самые уздени (или юздени (*)) ихъ очень необразованы, и многiе могупъ чипапъ Коранъ; а рабы ушопаютъ въ совершенномъ невѣжествѣ.

(*). Впрочемъ ни У, ни Ю наши не выражаютъ того звука, копорый Черкесы произносятъ въ началѣ этого слова: они выговариваютъ его, какъ Французы свое и.

Припомъ же и рабы и уздени обыкновенно употребляютъ пищу очень невкусную, и только въ большіе праздники жертвуютъ для себя нѣсколькими баранами изъ многочисленныхъ стадаъ своихъ.

Черкесь, копорый ѣздилъ со мной въ Конспанпиногорскъ, худо говорилъ по Русски: я узналъ ошъ него, что Байрамъ будетъ скоро, но когда именно, не могъ узнатьъ. Одинъ кунакъ мой, живущій на горячихъ водахъ для продажи вещей своихъ, располковалъ мнѣ наконецъ, что это будетъ черезъ недѣлю; но мы поѣхали въ аулъ прежде, желая сначала взглянуть на всеневную жизнь Черкесовъ.

Насъ собралось человекъ шесть: два кавалерійскихъ офицера, два помѣщика, одинъ полковой докторъ и я. Подѣхавъ къ аулу, мы увидѣли нѣсколько рядовъ низенькихъ мазанокъ, покры-

лыхъ шпростникомъ и разбросанныхъ по лугу: эшо были сакли. «Пойдемъ-ше, господа, въ саклю моего кунака,» сказалъ я: «онъ звалъ меня.» — А кшо вашъ кунакъ? — «Муса.» — Да онъ и мой. — И мой... и нашлось наконецъ, чшо онъ кунакъ всѣмъ намъ.

«Пойдемъ-ше» сказалъ одинъ изъ офицеровъ, у копората въ карманѣ былъ Кавказскій Плѣнникъ. — «Муса обѣщаль показатъ мнѣ сеспру свою, и я неперпѣливо хочу видѣшь красопу Черкешанокъ.»

Кунакъ встрѣшилъ насъ у дверей и ввелъ въ небольшую комнапу, длинную и узкую. Деревянные диваны, вершковъ въ шеспъ вышиною, чрезвычайно широкіе и покрышые цыновками, соспавляютъ всю мебель Черкесскаго жилища. На земляномъ полу поставлено небольшое горнильце, въ копоромъ они пригопвляють себѣ пи-

щу и разводяпъ огонь. Мѣдная и глиняная посуда, разспавленная на полкахъ и развѣшанная по стѣнѣ, служилъ главнымъ украшеніемъ сакли; а нѣсколько длинныхъ и узкихъ оконъ, безъ стеколъ, въ копорыя можно ходилъ, какъ въ двери, освѣщающъ ее. Осмотрѣвъ всю домашнюю утварь, мы усѣлись на рогожныхъ диванахъ, и кунакъ, по просьбѣ нашей, пошелъ за сеспррой своей. «Спранно!» сказалъ офицеръ, копорый привезъ съ собой Кавказскаго Пльнника, «чипая поэму Пушкина, я былъ о Черкесахъ гораздо лучшаго мнѣнія, а шеперь вижу совсѣмъ пропивное.»— Почему-же? спросилъ я его. «Попому, что я воображалъ каждаго Черкеса красавцемъ и молодцомъ; а много ли вы найдете пакихъ между жишелями здѣшняго аула? На примѣръ, кунакъ нашъ: онъ не годилъся даже въ послѣдній рядъ моего взвода.»— Да, прибавилъ помѣщикъ Тамбовской губерніи, въ самомъ

дѣлѣ онѣ не выдешъ въ мѣру , и его не приняли бы въ рекрушы. Сверхъ того, чпо за лице? Совсѣмъ не ~~Ашаш-~~ское!... онѣ похожѣ на моего паспуга, какѣ двѣ капли воды. И эша рожа называешъ еще себя узденемъ!— «Господа,» сказалъ я, «вспомните, чпо въ семьѣ не безъ урода. Да и Пушкинѣ же описывалъ Черкесовъ дикихъ, въ первобытномъ сослоянїи. Здѣшнїе покорены Русскому оружію. Ведя жизнь спхую и мирную, не имѣя нужды сражашься, они сдѣлались болѣе похожи на поселянѣ, чѣмъ на воиновъ; не упражнясь въ военномъ искусствѣ, лишились спой ловкости, копорую мы надѣялись въ нихъ видѣть, а перешавшись съ Ногайскими Ташарами, поперяли и красоту, свойспвенную ихъ племени.» — Хорошо, опвѣчалъ офицеръ; но чпо за образъ жизни? Посмотрите на эту часть баранины, копорая виситъ на спѣнѣ: неужь-шо они воображающъ, чпо таковой

предметъ можетъ быть пріятень для глазъ!— «Что касается до образа жизни, то я думаю, что вольные Черкесы въ этомъ случаѣ не опряпнѣе здѣшнихъ. Но жилища ихъ не разукрашены даже и въ поэтическомъ произведеніи Пушкина. Сакля не предспавлена какимъ нибудь прелеснымъ шалашикомъ Аркадіи, а просто названа дымною, такъ какъ она есть и въ существенности. Чего же ищеть здѣсь ваше воображеніе?»

Между тѣмъ какъ мы разговаривали такимъ образомъ, кунакъ нашъ вошелъ съ сеспррой своей и спарой матерью (*). Дѣвушка опкинула кисейное покрывало. Свѣжестъ семнадцатилѣтняго возраста, высокій ростъ,

(*) У Черкесовъ однѣ только молодыя замужнія женщины не показываются поспороннимъ мужчинамъ. На дѣвокъ и спарухъ это запрещеніе не проспирается.

большіе , черные глаза , правильный , но Римскій носъ , милenkій ротъ , алыя губки — все это вмѣстѣ представило намъ красону Черкешанки , очень близкую къ нашему идеалу . На двѣушкѣ была бѣлая юбка и коропкій бешметъ , похожій покроемъ на кофшу , изъ малиноваго *мова* , съ серебряными пуговицами и такими-же заспежками ; а сверхъ бешмета длинное платье въ родѣ хадша , изъ той же матеріи . Пунцовая ермолка , обложенная въ нѣсколько рядовъ широкимъ серебрянымъ галуномъ , съ золопомъ и чернымъ шелкомъ , покрывала ея голову и блестяла на черныхъ волосахъ , которые спереди пробраны рядомъ , какъ у нашихъ двѣушекъ , и гладко зачесаны на обѣ стороны ; длинная коса ея , обвивая бѣлою кисеею , спускалась ниже колѣнъ . Полюбовавшись Черкешанкой , мы съ сожалѣніемъ замѣнили , что поясъ *дѣвства* очень безобразилъ станъ ея . Лицо и всѣ

части шѣла показывали въ ней 17-ти
 лѣпнюю дѣвушку въ полномъ цвѣтѣ;
 но впалая грудь, перешпанушая съ дѣп-
 спва широкимъ ремнемъ, казалось,
 принадлежала 12-ти лѣпному ребен-
 ку. Впрочемъ когда Черкешанки вы-
 ходящъ за мужъ и освобождающа опъ
 эшого пояса, тогда природа беретъ
 свое: спанъ ихъ полнѣетъ, грудь
 получаетъ округлоспи. Деревянные
скамеечки, копорыя онѣ подвязы-
 вающъ подъ шупли, шакъ-же дѣлающъ
 очень спранный и смѣшной видъ,
 предспавля ихъ какъ будшо на хо-
 дуляхъ. Муса сказалъ намъ, что сеспра
 его просвашана, и что женихъ дастъ
 за нее богатый *калымъ* лошадьми,
 рогатымъ скопомъ и овцами: всего
 пысячи на 4 рублей. Услышавъ эшо,
 мы подарили Черкешанкѣ на наряды
 нѣсколько серебряныхъ денегъ, и она
 приняла ихъ шочно съ шакимъ же
 удовольспвиемъ, съ шакимъ и наши не-
 вѣспы — разумѣетса бѣдныя — сби-

раюшъ себѣ приданое. Только дай Богъ, чшобы съ ней не случилось шого же, чшо иногда бывасшъ съ нашими дѣвами эшого разряда, изъ копорыхъ инья вмѣспѣ съ маперями своими, или шепками, цѣлый вѣкъ собираюшъ приданое, цѣлый вѣкъ бываюшъ просвашаны и — никогда не выходяшъ за мужъ.....

Оспавивъ ауль, мы поѣхали въ *Шотланку*. Эша колонія Нѣмцевъ, какъ бы нарочно для прошивуположноспи, поселена шакъ-же у горы Бешшау, въ двухъ верспахъ опѣ аула. Въ самомъ дѣлѣ спранно видѣшъ въ одинъ часъ и жилище праздныхъ, лѣнивыхъ, буйныхъ Черкесовъ, и селніе шрудолюбивыхъ, акурапныхъ, хладнокровныхъ Нѣмцевъ. Двѣ верспы, копорья мы поѣхали, казалось, перенесли насъ изъ степей Азіи въ самую средину Европы. Вмѣспо нечиспой улицы аула, мы вѣхали въ улицу вымешенную, усыпанную пес-

комъ , обсаженную по обѣимъ споронамъ березками. Въспо сырой, ушопленной въ землю сакли , вошли въ чиспенькій домикъ , съ большими окошками , съ свѣплыми спеклами , прибранный со всею Нѣмецкою опряшноспію. Добрые Нѣмцы давно ужъ поселены здѣсь и сначала много шерпѣли опъ безпокойныхъ сосѣдей своихъ , копорые нѣсколько разъ ихъ роззоряли. Теперь набѣги прекрапились , но у въѣзда въ деревню все еще споиопъ пушка и Казакъ на спорожѣ. Всякое воскресенье въ Шопланку прѣзжаепъ множеспво народа съ горячихъ водѣ: гуляшь , обѣдашь , ѣспъ ягоды , сливки , пипъ чай и кофе. Небольшіе плодовиые садики Нѣмцевъ доставляюопъ , по крайней мѣрѣ по здѣшнему мѣспу , пріятную прогулку; въ нихъ можно найпч чиспенькія дорожки , пѣнь и ароматическій воздухъ. — Напившись чаю въ Шопланкѣ , мы возврапились домой , и до самага Байрама я ужъ

никуда не выѣзжалъ, попому что каждая такая поѣздка опымаешъ ванну, и слѣдспвенно замедляешъ ходъ дѣченія.

Всѣ посѣпиптели ждали съ неперигнїемъ Черкесскаго праздника. И здоровые, и больные, и докшора хопѣли видѣшь зрѣлище для нихъ новое, и въ день Байрама, въ карепахъ, въ коляскахъ, въ дрожкахъ, верхами — пошянулись къ аулу.

Это было часа въ три послѣ обѣда. Жаръ былъ несносный. Не смолря на то, жипели аула начинали ужъ собираться на гладкомъ лугу, и праздникъ начался вмѣспѣ съ нашимъ прїѣдомъ. Онъ опкрылся пляской и музыкой. Мужчины и дѣвки (замужнія женщины не учаспвуютъ въ веселостяхъ), схвапившись рука съ рукой, соспавили кругъ человекъ изъ 50-пип. Въ серединѣ круга сидѣлъ музыканшъ, съ инспрументомомъ похожимъ на гу-

докъ. Онъ заигралъ какую-то моношонную пѣсню на самомъ низкомъ снрѣ— и пляска началась. Предспавъше себѣ деревянныхъ куколь, копорья толкупся на одномъ мѣспѣ, посредспвомъ механизма, и вы будепе имѣшь очень близкое поняпие объ эпой пляскѣ Черкссовъ. Однообразные звуки инструменпа и одноболънная пѣсня, по крайней мѣрѣ въ продолженіе получаса заспавляли пляшущихъ полочься такимъ образомъ, и шолько одни задорные плясуны выкидывали по временамъ какія-то шпуки, какъ бы горя неперпѣніемъ разорвать прспоны, ихъ удерживающія, и показать свое искусство. Признаюсь, что я сначала не могъ равнодушно глядѣть на эпо, и разхохопался, какъ безумный.— Наконецъ упомяленный музыкантъ переспалъ играшь. Люди, соспавлявшіе хороводъ, запѣли дикимъ, спраннымъ голосомъ, свойспвеннымъ однимъ шолько Азіапцамъ, начали бишь въ ладони, и плясуны по-

парно выходили на середину круга; одна пара смѣнялась другой и ш. д.— Эта вторая пляска была хотя и не такъ однообразна, однакожь все довольно смѣшна и похожа на нашу самую простую креспьянскую: мужчины прыгають, какъ козлы, верпясь,— женщины опять толкусья почти на одномъ мѣстѣ и хлопають руками.

Между шѣмъ наѣздники разѣзжали по лугу и гошовились показашь свою ловкосшь и быспрошу коней своихъ. Когда спало не такъ жарко и солнце начало скрыватьсь за Белшау, они разсыпались и въ разныхъ мѣстахъ пушились скакашь. Каждый изъ нихъ старался сорвашь шапку съ другога. Приобрѣшеніе шапки служило прѣемъ. Побѣдитель бросалъ ее на землю, скакалъ мимо, оборачивался на сѣдлѣ и спрѣлялъ въ нее, на всемъ скаку, пулю изъ ружья. Это, казалось, для нихъ было не трудно, потому что

каждый почти выстрѣлъ попадалъ въ шапку. — Послѣ этой продѣлки поспавили длинный шестъ, наверху его прикрѣпили цѣль, и еще выше повѣсили награду, копорую долженъ былъ получить искуснѣйшій стрѣлокъ. Награда эта состояла въ кожаномъ чехлѣ для пистолеповъ, вышитомъ серебрянымъ галуномъ. Наѣзники поскакали мимо шеста и ~~стрѣляли~~ въ него почно пакъ-же какъ въ шапки, п. е., проскакавши и оберпываясь назадъ; но шупъ требовалось больше искусства: стрѣлять надобно было вверхъ, а не внизъ, что, сидя верхомъ и на всемъ скаку, сдѣлать шрудно; да и самая цѣль была гораздо меньше и далье. Повпоренные опыты не удавались; пули свистѣли, но цѣль оставалась невредима. Наконецъ одинъ изъ наѣзниковъ, въ синей черкескѣ изъ Русскаго сукна, довольно богато опдѣланной, по чепверпому выстрѣлу сбиль цѣль и получилъ награду. Ког-

да спрѣльба кончилась, Черкесы опять начали бросать шапки, и на всемъ скаку подымають ихъ съ земли: это дѣлали они свободно и ловко. Нѣкоторые изъ посѣпипелей вздумали бросать имъ деньги. Разумѣется, что гривенникъ пруднѣе поднятъ, нежели шапку, и что для этого надобно болѣе нагнувшись. Иные изъ нихъ могли это сдѣлать, но самолюбіе, а можетъ быть и корысполубіе, мучило всѣхъ: каждый желалъ схватить добычу, и большая часть всадниковъ, поперявъ перевесь, лепѣли черезъ голову.

Вообще къ вечеру картина сдѣлалась живѣе. Хороводы сославились въ разныхъ мѣстахъ. Въ одномъ мѣстѣ пѣли, въ другомъ плясали. То Черкесь, на всемъ скаку, вынималъ ружье изъ чехла, заряжалъ его, спрѣлялъ и опять пряпалъ; то скакали на лошадахъ, то спрѣляли изъ писполешовъ, то поднимали деньги. Дикіе напѣвы

восклицанія наѣздниковъ , выспрѣлы , попопъ коней — раздавались со всѣхъ споронъ. Наши нарядныя дамы и кавалеры расхаживали полпами опъ хоровода къ хороводу, опъ одной группы къ другой. — Въ заключеніе спектакля спаршина аула вышелъ въ сопровожденіи слугъ своихъ, копорые несли на парелкахъ конфекшы , для дамъ и почешнѣйш~~ихъ~~ изъ посьпишелей.

Вопъ вамъ описаніе Байрама, копорый мы оспавили вмѣспъ съ захожде-ніемъ солнца. Можешъ бышъ вы ожидали чего нибудъ лучшаго? Какъ бышъ! Описаніе мое сдѣлано не поэпически , не масперскою кистію живописца, но карандашемъ плохаго рисовальщика. Оно не плѣнишельно, однакожь вѣрно... Впрочемъ Байрамъ надобно видѣшъ , во всей красопѣ его, за Кубанью, или по крайней мѣрѣ въ какомъ нибудъ богапомъ аулѣ , гдѣ еспъ значительныя Князьки.

Говоря о Черкесахъ, я хочу сказать вамъ нѣсколько словъ и о другомъ Азіатскомъ народѣ, котораго теперь естъ здѣсь *отрывокъ*. Для скорѣйшей опдѣлки начатыхъ каменныхъ спроенній, сюда прислано челоуѣкъ 200 плѣнныхъ Персіанъ. Почти всѣ они болѣе нежели средняго роста, плошны и крѣпки. Азіатская кровь ихъ кипитъ даже и въ самой неволѣ. Часно на работѣ они ссорятся между собою, и при малѣйшемъ спорѣ замахиваются другъ на друга камнями, не имѣя въ рукахъ другаго оружія; но наши солдаты, приспавленные къ нимъ, предупреждаютъ драку. Проходя въ Сабанеевскую ванну, я часно встрѣчаю Персіанъ, когда они идутъ цѣлою толпою съ горы, гдѣ разрываютъ камни. Нѣкоторые изъ нихъ, возвращаясь съ работы, поютъ, и по бесконечности этихъ пѣсенъ можно заключить, что пѣвцы импровизируютъ слова свои. Нарвавъ на горѣ цвѣтовъ,

они мастерски связываютъ ихъ букетами, которые подають встрѣчающимся, желая получить за то нѣсколько денегъ. Вы знаете, что на Востоку есть обыкновеніе выражать свои мысли посредствомъ сбора цвѣтовъ. Букеты Персіянъ, судя по искусству, съ какимъ они составлены, должны такъ-же заключають въ себѣ какой нибудь смыслъ. Любуясь ими, я жалѣю, что не знаю этого языка и — вспоминаю сказки Шехеразады.

4.

Кисловодская крѣпость.

Августа 10-го.

Я теперь въ Кисловодскѣ. Но прежде, нежели буду говорить о немъ, скажу нѣсколько словъ о желѣзныхъ водахъ. Для постепеннаго хода леченія, послѣ горячихъ ваннъ, нѣкопорымъ

изъ больныхъ очень полезно брашь ванны желѣзныя и попомъ уже кислыя; но я, пробывъ слишкомъ долго въ Горячеводскѣ, не успѣлъ этого сдѣлать, и ѣздилъ на желѣзныя воды изъ одного любопытства.

Онѣ открыты въ 8 версахъ отъ Горячеводска, на одной изъ скалъ, со спавающиыхъ подножіе горы Бешпау, и со всѣхъ сторонъ окружены лѣсомъ. Дорога къ нимъ сначала идетъ долиною, около Бешповскаго аула и Шопланки, попомъ спянешя въ гору, между лѣсовъ и кустарниковъ. На желѣзныхъ водахъ почти нѣтъ еще никакого успройства (*): казенный домъ, двѣ ванны и нѣсколько Калмыцкихъ кибишкѣ спавляютъ все спроеіе. Кто хочеть имѣть памъ кварширу въ казенномъ домѣ, копорый выпроеіенъ нарочно для пріѣзжаю-

(*) Въ послѣдствіи оно улучшено.

щихъ, пошъ долженъ заранѣе сказаць о пошъ въ канцеляріи Горячеводскаго Коменданша : его запишутъ и онъ , дождавшись очереди, получаетъ комнату за 5 рублей въ сутки. Это пошъ больше неудобно , что казенный домъ не великъ , комната въ немъ мало , всѣ онъ безпрестанно заняты и очереди надобно ждаться очень долго. Многие , по недоспадку квартиръ , живутъ тамъ въ Калмыцкихъ кибицкахъ , копорья спавятъ солдаты и отдаюшь въ наймы.

Мѣсто, гдѣ находятся желѣзные воды, представляеть самую дикую пустыню. Кромѣ лѣса, окружныхъ горъ и неба — ничего не видно. Огромный, мрачный Бешпау, съ своими сѣдыми, выдавшимися скалами, по покрытыми лѣсомъ, по обнаженными , грозно возносятся надъ самымъ мѣспечкомъ и придаеть карпинѣ какую по-ужасную величавость. Голая, безплодная верши-

на его, осыпавшаяся, омытая дождями, образуешь фигуру конуса, и кажешься, будто бы оканчиваешься почкой; но на этой почке можешь поместиться человекъ 30 верхомъ на коняхъ.

Мнѣ очень хотѣлось взобраться на Бешпау, но сырая, дождливая погода, которая спояла здѣсь все почти лѣто, не позволяла сдѣлать того. После горячихъ ваннъ, опасно во всякую погоду подвергать себя пронзительнымъ горнымъ вѣтрамъ, а въ сырую пѣть болѣе. Вышина Бешпау — верста, взявъ за горизонтъ Подкуму; но для путешествія на него надобно употребить цѣлый день, потому что лѣсъ, пропасти и крутизны не позволяютъ подниматься по прямой линіи и заставляющъ дѣлать большіе объѣзды. — Говорятъ, что виды съ Бешпау, если не прелестны, то по крайней мѣрѣ величественны: обзоръ простирается

на пространство неизмѣримое ; Георгиевскъ , отстоящій отсюда на 40 верстъ , нѣсколько Русскихъ селеній , нѣсколько станицъ и ауловъ разбросаны въ морѣ степей , какъ рѣдкія , разбросанные бурей суда на безконечной поверхности океана. — Всего лучше взбираться на гору верхомъ , въ сопровожденіи Черкесовъ , которыми извѣстны всѣ пропинки. Пышкомъ такое путешествие было бы упоминательно и неприятно , по множеству змѣй и другихъ гадовъ , гнѣздящихся въ камняхъ и кустарникахъ. Ксчапи о змѣяхъ : въ Горячеводскѣ одна такая гопья пожаловала къ намъ въ сѣни ; а недалеко отъ Сабанеевскаго ключа есть проваль , гдѣ онѣ кишатъ цѣлыми сотнями. Впрочемъ эти змѣи не ядовиты : ихъ здѣсь называютъ *Желтопузиками*.

Дорога въ Кисловодскъ пролегаетъ правымъ берегомъ рѣки Подкумы , сна-

чала долиною, а попомъ небольшими возвышеніями, возлѣ кремнистыхъ скалъ и утесовъ. Вообще она гладка и покойна. Песчаный и каменистый грунтъ ея составляетъ самородное шоссе, которое ни въ чемъ не уступаетъ искусственному.

До Кисловодской крѣпости считается опъ горячихъ водъ 30 верстъ, и мы проѣхали ихъ не болѣе какъ въ два часа. На всемъ этомъ пространстве, кромѣ Конспаншиногорска, нѣтъ ни одного селенія; но для безопасности на дорогѣ разставлены Казачьи пикеты. Хорошо видѣшь, какъ одинокій, спорожевой Казакъ, стоя на высокой, пышной скалѣ, рисуется въ голубомъ небѣ.

Кисловодскъ лежитъ въ лоцинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ горами, и не прежде открывается взору, какъ сажень за 200. Строенія здѣсь немно-

го , но природа и искусство сдѣлали мѣсто пріятнымъ.

Красивая респорація , построенная на возвышеніи , и внизу около нея нѣсколько деревянныхъ домиковъ , такъ же красивой наружности , дѣлають хорошій видъ. Къ респораціи надобно подниматься по каменной лѣстницѣ , подъ копорой сдѣланъ гробъ. Возлѣ гроба протекаетъ ручей , свѣпый какъ хрусталь , и по берегу ручья на цѣлыя полверсты вѣтятся дорожка , усыпанная пескомъ и обсаженная съ обѣихъ сторонъ липами. Дальше , на горѣ , солдатская слободка , копорая и составляетъ собственно такъ называемую Кисловодскую крѣпость.

Прошивъ респораціи , по другую сторону ручья , черезъ копорый перегибается мостикъ , на площадкѣ , усыпанной пескомъ , кипитъ *Нарзанъ*. Вода его имѣетъ холодъ обыкновенной ключевой воды , но множество угле-

кислаго газа, копорый въ ней содер-
 жипся, заспавляетъ ее шипышь и
 клубипся съ необыкновенной силой.
 Черкесы, называющіе воду кислаго
 колодца *богатырскою водою*, и прежде
 вѣрившіе, что она въ самомъ дѣлѣ
 придаетъ необыкновенную силу и
 крѣпость, долго не хотѣли уступипь
 Русскимъ шакого сокровища, и, не
 имѣя возможности опияпть его обрап-
 но, нѣсколько разъ заваливали коло-
 децъ; но онъ всегда съ новымъ спрем-
 леніемъ вырывался изъ земли и опкры-
 валъ себѣ пушь въ другомъ мѣспѣ.
 Теперъ онъ обложенъ большимъ дере-
 вяннымъ срубомъ, сдѣланнымъ въ родѣ
 бассейна, копорый удерживаетъ поры-
 вы воды; но и пушь въ нѣкопоромъ
 разспоянній опъ колодца брызги и пу-
 зыри пробиваются сквозь землю.

По обѣимъ споронамъ колодца, имѣю-
 щаго слишкомъ 3 аршина глубины и
 нѣсколько сажень въ окружности, по-

спавлены парусинныя галлерей , гдѣ можно найпти убѣжище ошъ жара и посидѣшь на лавочкахъ.

При Нарзанѣ усстроено чешыре казенныхъ ванны. Въ двухъ изъ нихъ можно купахся шолько въ цѣльной холодной водѣ кислаго испочника ; въ двухъ другихъ , шу же самую воду , согрѣшую посредствомъ огромныхъ самоваровъ , мѣшающъ съ холодной и соспавляющъ ванну какой угодно шемпературы. Холодная ванна ничего не стоиптъ , грѣшая полтора рубля. Кроме того , возлѣ колодца поспавлено еще нѣсколько Калмыцкихъ кибишкѣ здѣшними жипелями и солдапами , и въ нихъ шакъ-же можно брашъ ванны цѣльныя и разводныя.

Прежде разводныя ванны здѣсь не упошреблялись , и больные послѣ горячихъ водѣ должны были погружашъся прямо въ холодныя. Такой пере-

ходъ могъ бытъ вреденъ , даже опасенъ , и попому шеперь онъ дѣлаешся поспешенно . Но естѣ люди въ прошедшемъ вѣкѣ запоздалые , какъ по мнѣніямъ липперашурнымъ , шакъ и медицинскимъ , и нѣкопорые изъ шакихъ спаровѣровъ , бывшіе еще въ 1817 и 1818 годахъ на Кавказѣ , не одобряюшъ нынѣшней меподы , считаюшъ разводныя ванны вздоромъ , и увѣряюшъ , чшо минеральныя воды гораздо цѣлишельнѣе въ наспопящей шемперашурѣ ихъ . Другіе горой спояшъ за меподу новую , споряшъ и доказываюшъ пользу ея . Вы можешъ бытъ подумаешъ , чшо эши спорцики доктора? Ничего не бывало : на водахъ , спрасшъ шракшовашъ о Медицинѣ приспаешъ , какъ повѣпріе , къ каждому , и въ слѣдспвіе шого здѣсь всѣ разсуждаюшъ о свойспвахъ углекислаго газа , о дѣйспвіи желѣзныхъ чащпиць , о сжатіи и разширеніи пѣровъ , о меподахъ Бруссе и Ганемана .

Въ Кисловодскѣ кварпиры еще дороже, нежели на горячихъ водахъ. За двѣ маленькія комнашы мы плашимъ по 5 рублей въ сушки. Въ солдапской слободкѣ можно найши кварпиру дешевле; но когда мы пріѣхали, по всѣ лучшія были ужъ заняты и оспались однѣ только низенькія мазанки. Хорошо по крайней мѣрѣ, что курсъ на здѣшнихъ водахъ не шакъ продолжипелень, какъ на горячихъ: 20-ши, или 30-ши ваннь очень доспапочно для подкрѣпленія больнаго; а на это попребно неболье двухъ недѣль.

Впрочемъ Кисловодская крѣпость еспь шакое мѣспо, въ которомъ пріятно бы пожить и долѣе. Пріѣзжая сюда изъ Горячеводска, переносишья совершенно въ другой климатъ, видишь совсѣмъ другой образъ жизни,

Говоря о климатѣ, надобно сказать,

по самое гнилое мѣсно въ здѣшнемъ раю , гнѣздо лихорадокъ и другихъ пидемическихъ болѣзней, еспь Георгіевскѣ. Въ Горячеводскѣ климашъ доольно здоровъ; но шамъ дышишь сѣрыми испареніями — здѣсь чиспымъ, понкимъ, горнымъ воздухомъ, копоый самъ по себѣ придаешъ силы и чрезвычайный аппешипъ. Тамъ изъ шеплой ванны идушь нога за ногу , ослабѣвъ и закушавшись, боясь въпра и просшуды ; здѣсь выкушавшись въ холодной водѣ Нарзана , бѣгаюшь почши рысю , спараясь согрѣшься. Самое пипье кислой, холодной воды гораздо пріятнѣе, чѣмъ сѣрной и шеплой: шу пьюшь медленно , съ опвращеніемъ , эшу глопаюшь съ жадноспію , боясь, чшобы не вылетѣлъ углекислый газъ, копорому приписываюшь чудопворную силу.

Здѣшняя респорация служишь очень пріятнымъ мѣспомъ общаго сборища.

Въ ней можно хорошо и не дорого пообѣдать; а охотники до виспа, или боспона, всегда найдутъ шамъ себѣ парпю. Комнашы респораціи убраны хорошо; зала ея обширна и очень удобна для панцевъ, копорые въ ней иногда и бывають. Словомъ: больные, выдержавшіе каранпинъ на горячихъ водахъ, въ Кисловодскѣ начинають оживатьъ и опяшь знакомятъся по немногу съ удовольствіями свѣта. Однакожь на балъ, копорый здѣсь былъ при мнѣ, какъ-то все еще плохо шло, и въ панцы пускались немногіе. За то всѣ игорные сполы были заняты. Видно, что господа выздоравливающіе не совсемъ еще освободились опъ лѣни, копорую нагоняють теплыя ванны и сѣрные пары; или, можетъ быть, иные изъ нихъ вздумали позабошиться такъ-же и о поправленіи здоровья кошельковъ своихъ, копорое опъ долгого пребыванія на Кавказѣ легко можетъ распрошиться.

Продовольствіе здѣсь шакъ-же дешево, какъ и на горячихъ водахъ. Въ окружныхъ степяхъ шакое множествво куропашокъ, чшо Казаки ловяшъ ихъ цѣлыми стадами, и возяшъ продавашъ живыхъ, какъ куръ. Въ ручейкѣ, который протекаетъ черезъ Кисловодскъ, довольно форелей.

Вообще, почти на всѣхъ Бешшовскихъ горахъ водятся кабаны и дикія козы; но на одной изъ горъ не вдалекѣ отъ Кисловодска ихъ болѣе. Начальникъ бордонныхъ Казаковъ хопѣлъ здѣсь угоспипшъ посѣшпшелей охотою: только она не соспоялась. Прежде однакожь эпо бывало, и разсказывающъ, чшо въ одну изъ такихъ parties de chasse, бывшую года два тому назадъ, дама спасла отъ смерпш какого-то Полковника. Онъ выпрѣлилъ въ кабана и ранилъ его; разсвирѣпелый кабанъ по обыкновенію сунулся на выпрѣлъ; другой замокъ полковничьяго, дву-

спвольнаго ружья оскся, и онъ искалъ ужъ глазами какого нибудь возвышенія, или пня, на копоромъ бы могъ спись опъ клыковъ оспервенѣлаго звѣря; но дама-героиня, поѣхавшая на охопу не съ шѣмъ, чшобъ бышь проспой зрипельницей, и споявшая съ ружьемъ на шой же пропинкѣ, показалаь изъ за кусповъ: пуля свиснула — и кабанъ ушалъ мершвѣй къ ногамъ Полковника.

Въ концѣ Іюля въ Горячеводскѣ спановишся пуспо. Большая часшь посьпишелей переѣзжаешъ сюда, а вслѣдъ за ними и купцы перевозяшся съ своими поварами. Лавокъ здѣсь нѣпъ, но онѣ помѣщаюшся въ палапкахъ, пакъ какъ на ярмаркѣ. Впрочемъ въ Кисловодскѣ всѣ повары спановяшся дешевле, пошому чшо курсъ приходишъ къ концу большые мало по малу убираюшся во свояси и купцы спѣшапъ сбышь оспавшееся.

Я живу въ Кисловодской крѣпости
двѣ недѣли , и теперь скоро опправ-
люсь опсюда . Здѣсь пріятно , а все :

Повѣрте, той страны вѣсть краше и милѣ,
Гдѣ ваша родина, иль гдѣ живеть вашъ другъ!

Припомъ же , хопя прожитокъ на
Кавказъ и не дорогъ , но прогоны ,
кварширы, переѣзды съ водъ на воды,
лѣкаря и лѣкарства сославляюшъ по-
рядочный счешъ, До свиданія, друзья
мои.

Конецъ второй части.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Кокетство и любовь.....	3
Интересная незнакомка.....	195
Письма съ Кавказа.....	254

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ ОПЕЧАТКИ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

<i>Стран.</i>	<i>стр.</i>	<i>напеч.</i>	<i>чит.</i>
109	8	вдой	вдовой
204	15	однихъ	однѣхъ
242	13	своего положенія	ея положенія
282	23	человѣчу,	человѣку,
311	2	но Римскій носъ, мнленькій ропъ	но не Римскій носъ, маменькій ропъ
